

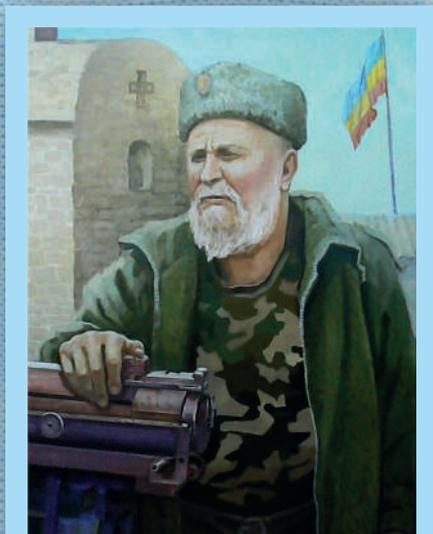
Литературное Ставрополье

№ 1
(2023)

Литературное Ставрополье № 1 (2023)

*На лицевой стороне обложки —
Василий Молоков «У фонтана», на четвертой —
Александра Тарасова «Бабочка и цветы».*

Александр Гайденко «Батя»

Василий Молоков «Сентябрь. Ставрополь»

Геннадий Ткаченко «Женское счастье»

Александр Гайденко «Ставропольские просторы»

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЦА
ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Форум надежды и добра3

ПРОЗА

Юрий Козлов
Эссе 11

Евгений Шишкин
Женское счастье
Повесть 43

Игорь Берег
Сеньорита
Повесть105

Николай Ананьченко
Новеллы219

ПОЭЗИЯ

Геннадий Иванов
Стихотворения 5

Иван Аксенов
Стихотворения 97

Аскер Додуев
Стихотворения 207

Сусанна Баграмян
Стихотворения231

ЛЕГЕНДЫ
СТАВРОПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Тамара Дружинина
На сцене – Виктор Фоменко!..... 233

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Николай Блохин
Тень Печорина257

Главный редактор
Владимир Бутенко

*Литературное
Ставрополье
№ 1 (2023)*

© Правительство
Ставропольского края

ББК 84(2Рос=4Ст)

УДК 821.161.1

Л 64

Редакционная коллегия:

**И. Аксенов, Н. Блохин, О. Воропаев,
Е. Гончарова, А. Куприн, Е. Полумискова,
С. Скрипаль, Т. Третьякова-Суханова**

Л64 Литературное Ставрополье. Альманах № 1 (2023) –
Калининград: РА Полиграфычъ, 2023. - 1000 экз. – 272 с.

ISBN 978-5-6049512-8-6

Отпечатано в ООО «РА Полиграфычъ»

Адрес редакции:

355033, г. Ставрополь, пр. К. Маркса, 78.

Тел. (8652) 26-31-50

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

ISBN 978-5-6049512-8-6

9 785604 951286

© ОАО «ИПП «Кузбасс»

ФОРУМ НАДЕЖДЫ И ДОБРА

В тот вечер, накануне Дня России, даже южное солнце Ставрополя, несмотря на середину июня, было приветливым и гостеприимным!

В закатном отсвете сквер вокруг драмтеатра, наполненный взрослыми и детьми, прилегающие к нему памятники и фонтаны — все вокруг неузнаваемо преобразилось, став эпицентром праздника, открывающего форум творческих союзов «Белая акация».

Многолюдство завораживает. Куда ни посмотри — ряды художников, работающих у мольбертов, здесь, на глазах у горожан и гостей. За столами — народные умельцы с различными поделками, дающие мастер-класс всем желающим, поодаль — свое искусство показывают танцевальные пары, наряженные, точно на светском балу; дальше — домики, где выставлены работы дизайнеров, всевозможные украшения для одежды и дома, картины, книги. Творчество правило всем в этот необычный вечер, его волшебная благодатная сила окрыляла души и несла радость!

СТРАНИЦА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Форум «Белая акация» имеет международный статус. И на этот раз, помимо художников, актеров и других представителей искусства, к нам приехали писатели, имеющие широкую известность в стране и за рубежом. В сквере, близ памятника Лермонтову, этим вечером читали свои стихи знаменитые поэты: Геннадий Иванов, Евгений Лукин, представитель Белоруссии Анатолий Аврутин, впервые познакомила нас со своими проникновенными строками луганская поэтесса Елена Заславская, перед зрителями выступили прозаики Юрий Козлов и Александр Покровский.

В последующие дни форум охватил почти всю территорию нашего края. «Литературные экспедиции» отправились в Пятигорск и Ессенутки, в села Грачевку и Сотниковское, несколько творческих встреч, «круглых столов», в которых также принимали участие ведущие писатели Ставрополья, прошли в краевой столице. Итоги форума были подведены на презентации тематического сборника литературных произведений «Белая акация».

Особенностью нынешнего форума была атмосфера патриотизма и духовной близости между литераторами и зрителями. Тема Специальной военной операции, великой миссии Российской армии в противостоянии неонацизму постоянно присутствовала в выступлениях всех участников. По общему мнению именитых гостей, Ставрополье является одним из лидеров среди регионов России по развитию культуры, по приобщению людей к высокому искусству и духовным ценностям. Думаю, потому, что все мы — и руководство края, и служители муз — верой и правдой служим родной земле, живем ее чаяниями и заботами, а ведет по жизни нас чувство любви к отчему хлебному простору, к великой Отчизне.

МАЛЬЧИК В ХРАМЕ

Мальчик в храме совсем не смущен
Ни торжественной службой, ни ликами —
И глядит непосредственно он
На Христа и на стражников с пиками.

То Распятьем большим увлечен,
То Распятьем серебряным маленьким...
Позади всех молящихся он
Ходит тихо в рубашке и в валенках.

Впереди где-то бабушка здесь
Повторяет молитвы заученно...
Мальчик, службой овеванный весь,
Тихо ходит и смотрит задумчиво.

**ГЕННАДИЙ
ИВАНОВ**

Поэзия

Что-то будет с ним в жизни большой?
Дай-то Бог ему истинной ясности,
Пусть останется чистым душой,
Проходя все земные опасности.

ОДУВАНЧИКИ

Боже, сколько цветёт одуванчиков,
Этих жёлтых цветов — миллион!
Бесконечный разлив одуванчиков —
Словно жёлтый мне видится сон.

Чтоб так много цвело одуванчиков —
Никогда я не видел, нигде.
Что ж так много цветёт одуванчиков?
Это к радости или к беде?

Говорят: ни к тому, ни к другому —
Просто выпало много дождей...
Всё же это к чему-то такому,
Отчего на земле веселей.

Боже, сколько цветёт одуванчиков!
Боже, это Твои чудеса —
И к тебе полетят одуванчики
Белым пухом потом в небеса.

* * *

В этом мире хорошо и плохо,
В этом мире грустно и светло.
Но какая б ни была эпоха,
А зимой за окнами бело.

Снег идет так чисто, благодатно,
Делает пушистым все кругом,
Черные закрашивает пятна,
На стекло садится мотыльком.

Снежный воздух радостен для внучки!
Мы пойдем по снегу погулять.
«Дедушка, возьми меня на ручки».
Снег, Россия, внучка — благодать!

В АРКТИКЕ

Душа познала, что это такое,
Когда тоску восторгом утоля,
Глядишь вперед, на поле ледяное,
На белый мир с надстройки корабля!

Порой тут есть такое ощущение,
Что век далёк, что в вечной тишине
Ещё не начиналось исчисленье.
О, как душа возвысилась во мне!

Ещё часы не пущены как будто,
Ещё творенье мира предстоит.
Ещё душа не знает о минутах —
От бренности гнетущей не болит.

Ещё тут всё свежо и незнакомо,
Ещё не искупались мы в крови —
Ещё как будто можно по-другому
Устроить мир — по правде и любви.

* * *

«Или в ноздри песок, или деньги в карман» —
Так помор говорил, выходя на путину.
Уплывал в неизвестность, во мрак и туман,
И смотрела жена ему в спину.

Беломорский песок под ногами скрипит.
Нынче время настало другое —
Пароходов огромных один только вид
В сердце чувство внушает покоя.

Но покуда есть море и есть небеса,
Реет, реет меж ними тревога,
Отражаясь тоской у матросов в глазах,
Возникая в домах, у порога...

* * *

То здесь, то там моя лопата
Копает, в камень бьёт кирка...
Я до сих пор искатель клада,
Хоть нет его наверняка.

Но иногда в воображенье
Мне видится издалика
Так зримо местоположенье
Того, что нет наверняка.

Уйдёт желанное виденье,
И видишь — на твоём столе
Ещё одно стихотворенье
О невозможном на земле.

* * *

Подстроенная радость — это глупо,
Когда ты просишь похвалить себя.
Пусть промолчат, пусть упомянут скупю,
Чем щедро хвалят, в сердце не любя.

Зато какая истинная радость,
Когда не плёл заботливо интриг,
А слово твоё на глаза попало —
И человек душой к нему приник.

Подстроенная радость — это вредно:
Поэт теряет первородный свет.
И сердце — сердце не стучит победно
От загодя подстроенных побед.

* * *

Верхом на Пегасе юноша Беллерофонт
пытается штурмовать небо,
но боги сбрасывают его на землю.
Греческий миф

Поэзия принадлежит земле —
Полям и рощам, ветру и прибою,
Глазам девичьим, женской доброте,
Первопроходцам, мудрецам, влюблённым...
Поэзия принадлежит земле.

И сколько б мы ни поднимались в небо,
И как бы дерзко или же смиренно
Богам не заявляли о себе,
Нам не откроются глубины неба —
И снова скачет по земле Пегас.

Богам как будто очень интересно
Знать наше мнение о земной юдоли:
Мы знаем этот мир, а что до неба —
То что же можем мы сказать о нём? —
Как муравей о жизни человека...

Поэзия принадлежит земле —
Беллерофонт напрасно рвётся в небо.

...Но если он не будет рваться в небо,
Крылатый конь угрюмой клячей станет —
Брюзгливым будет, злым Беллерофонт.
И что же он расскажет о земле?..

* * *

Серые обветренные тони,
Мокрый бело-пепельный песок.
Солнце в тучах беломорских тонет,
Бурю предвещает ветерок.

На волнах поигрывает пена,
Всё черней и ближе небосклон.
Тяжелеют вековые стены,
И тоскливей чаек стон.

Всё кругом готовится к отпору
Шторма, подошедшего уже.
И стоит маяк, как непокорный
Воин на последнем рубеже.

* * *

Всё начиналось очень просто —
Как будто лодка мне дана:
Качнулся борт,
качнулся остров,
Кивнули дальние дома.

Никто не ждал меня на моле —
Но разве в том была нужда?
Ладонь, опущенная в море,
Вела неведомо куда!..

СКАЖИ МНЕ, ЧТО ТЫ ЧИТАЕШЬ...

ПРАКТИКА ЖИЗНИ И ОБРАЗЫ БУДУЩЕГО

Школьные программы по литературе вольно или невольно отражают состояние общества — его идеологию, историю, нравственные ориентиры, образы будущего. По включённым в программы произведениям можно судить о том, какими вырастут сегодняшние ученики, какие идеалы усвоят, как будут относиться к своей стране. В постсоветской России эти программы долгое время были площадкой для продвижения либеральных идей европейской (болонской) системы образования, воспитывали не созидателя и труженика, а «квалифицированного потребителя», в том числе и «образовательных услуг». Возражавшим против такого подхода педагогам в системе места не было. В разных разделах школьных программ присутствовали: Виктор Пелевин, Владимир Сорокин, Дмитрий

**ЮРИЙ
КОЗЛОВ**

Проза

Быков, Гузель Яхина, Линор Горалик, Светлана Алексиевич, Людмила Улицкая, другие, не замеченные в любви к родной стране писатели.

В последнее время школьные программы вновь стали предметом дискуссий. Речь идёт о включении в них таких авторов, как Николай Островский («Как закалялась сталь»), Борис Полевой («Повесть о настоящем человеке»), Юрий Бондарев («Горячий снег»), других произведений, воспевающих отвагу и мужество советского человека. Это можно только приветствовать, особенно если учитывать сложную ситуацию, в какой оказалась Россия, в одночасье круто изменившая векторы своего развития, вступившая в борьбу с деградирующим, но пока ещё сильным и не желающим ни в чём уступать коллективным Западом.

Местом «слома копий» на «фронте» школьных программ стал «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына. Исключение этого (спорного и необъективного, по мнению многих исследователей) произведения из обязательного школьного чтения станет «моментом истины» в обновлении идеологических постулатов, обозначит частичный возврат к советской эстетике, вернёт героику и романтику СССР в позитивный исторический актив страны. Поэзия, проза, музыка, трагедийный и созидательный дух двух десятилетий после октябрьской революции 1917 года воспитали поколение, одержавшее победу в Великой Отечественной войне. Слом эпох всегда рождает новую культуру, меняет жизнь народа, сносит прежние представления и идеалы. О повторении пройден-

ного говорить пока не приходится, но и пренебрегать историческим опытом не следует.

Сила любого общества и государства проявляется в продуманности системы образования, где литература занимает важнейшее место. Национальная классика — сокровищница единой (внеклассовой и внесловной) народной культуры. Включённые в школьные программы произведения должны быть зеркалом, где отражаются психология, нравственные представления народа о жизни в исторической перспективе, идеальные образы будущего, выстраданные русской цивилизацией. Они куда более глубокие, фундаментальные и инерционные, нежели стоящая над ними в данный момент политическая надстройка. Крепость, основательность надстройки определяется, помимо прочего, её близостью к культуре народа. «Скажи мне, что ты читаешь, и я тебе отвечу, кто ты», так можно сформулировать тест на адекватность управляющего страной класса или прослойки. Чтение, как массовый социальный процесс, должно модерироваться и направляться применительно к идеальному типу гражданина, который в трудное время не предаст, не убежит, но примет на себя ответственность за судьбу государства.

Можно включить в школьную программу Николая Островского, Бориса Полевого, Константина Симонова, Алексея Толстого, Михаила Шолохова, Юрия Бондарева, Валентина Распутина, Василия Белова, Виктора Лихоносова. Александра Проханова, Владимира Крупина, Владимира Личутина, но их произведения «заиграют», легко

и естественно войдут в сознание подрастающих поколений только в том случае, если будут совпадать с повседневными мировоззренческими, социальными, экономическими реалиями в стране. Практика жизни должна хотя бы отчасти соответствовать идеалам, которые предлагается принять на веру «обдумывающим жизнь» юношам и девушкам. Иначе школьные программы не работают.

Пока нет ясности, переживает ли страна глубинные тектонические сдвиги в идеологии, культуре, экономике, общественной жизни, или же речь идёт о надстроечной суете, хлестаковской «лёгкости в мыслях необыкновенной», когда предлагают «исправлять» в известных фильмах образы героев, сыгранные «не теми» артистами, стерилизовать язык от иностранных заимствований. Никто не спорит, такие уродцы, как «питчинг», «коворкинг», «бодибилдинг», «шопинг» должны изгоняться. Можно вспомнить (кстати, известного либерала и западника) Виссариона Белинского: «Употреблять иностранное слово, когда есть равносильное ему русское слово — значит оскорблять здравый смысл и здравый вкус». Но ведь нельзя не признать, что нашествие англицизмов объясняется нашим отставанием в современных технологиях, а также почти тридцатилетней экономической и культурной «вторичностью» России по отношению к Западу.

Тем не менее прогресс в общественном сознании очевиден. Ведь ещё недавно родители писали коллективные обращения с просьбой исключить из школьных программ Льва Толстого,

Николая Лескова, Максима Горького, заменить их Дарьей Донцовой и Джоан Роллинг (автор романов о Гарри Поттере).

Объявленная «патриотизация» школьного чтения рискует остаться холостым выстрелом, если не будут исправлены сложившиеся предпочтения массового читателя. Их и сегодня формируют рынок и издательства-монополисты, делающие кассу на низкопробном переводном чтиве. По-прежнему лидеры продаж в России — второстепенные зарубежные авторы. Многие из них присоединились к санкциям, отказались лицензировать свои издания на русском языке. Появилась надежда, что начнут издавать современных российских авторов. Но нет, параллельный импорт снова захлестнул прилавки книжных магазинов. Самым издаваемым в России писателем в прошлом году оказался Стивен Кинг. Второе место (это радует) досталось Достоевскому. Третье — Корнею Чуковскому, что свидетельствует о глубоком упадке современной российской детской литературы, не сумевшей потеснить столетних «Муху-Цокотуху», «Мойдодыра» и «Тараканище».

Государство, если оно хочет реально заняться воспитанием сознательных граждан, должно всерьёз озаботиться книгоиздательским делом. Превратить коммерческого Савла в патриотического Павла вполне возможно и рыночными методами: ввести акцизы на низкопробную переводную литературу для массового читателя, учредить государственные издательства и предоставить им дотации, чтобы книги правильного (в художе-

ственном и идеологическом плане) содержания выглядели стильно и стоили дёшево.

Читательский интерес, подобно воде, неизбежно (рано или поздно) вольётся в приготовленную для него ёмкость. Изменения в школьных программах — важное звено в длинной цепи, изрядно заржавевшей и истончившейся в минувшее тридцатилетие культурной политики. Вытаскивать и очищать цепь от ржавчины всё равно придётся.

У НАС БЫЛА ВЕЛИКАЯ ЛИТЕРАТУРА

**АЛЕКСАНДР ФАДЕЕВ:
АЛТАРЬ И ПЛАХА**

Великие эпохи жестоки к людям, которые своим трудом, талантом и верой делают их великими. Жизнь великих людей в великие эпохи напоминает полёт Икара к солнцу. Да, можно верить в правильность тех или иных идей, класть на их алтарь (или плаху) собственную голову, но беда этих эпох в том, что они конечны во времени и пространстве. Поэтому финал их фанатов, как правило, трагичен.

Классик советский литературы Александр Фадеев (24 декабря 1901–13 мая 1956), автор романов «Разгром» и «Молодая гвардия», долгие годы занимал должность генерального секретаря Союза писателей СССР. Он заседал в комитете по Сталинским премиям, был доверенным ли-

цом и «приводным ремнём» вождя в управлении большим и сложным литературным хозяйством страны.

Усаемая тень с трубкой склонялась не только над расстрельными списками, планами индустриализации и военными картами, но и над страницами книг, пьес и сценариев, репродукциями картин, архитектурными проектами, рисунками памятников и монументов. По свидетельству другого сталинского любимца — поэта Константина Симонова, вождь читал выдвинутые на премии произведения, лично определял, кому какую степень присудить. Из Кремля как будто протягивалась дружественная рука, отмечавшая вклад художника в великое общенародное дело. Эта схема работала. Внутри неё творили Михаил Шолохов, Леонид Леонов, Константин Паустовский, Александр Твардовский, Василий Гроссман, Илья Эренбург, многие другие, вошедшие в историю русской и советской литературы авторы.

Великие эпохи, как справедливо заметил поэт Николай Тихонов, делают из людей «гвозди», крепче которых нет в мире. Фадеев был гвоздём, на котором висело многоплановое и многонациональное полотно советской литературы. Гвоздь гнулся, но держал неподъёмный вес.

В индустриализации, коллективизации, невиданных в мире репрессиях Фадеев ощущал заархивированную мощь новой, как многим тогда казалось, в недалёком будущем «земшарной» Республики Советов. Он неистово и с упоением служил ей сначала как идеолог Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), затем уже

как начальник всех писателей страны. Сталин дал Фадееву почести, звания, ордена — всё, кроме возможности свободно и полно реализовать свой недюжинный литературный талант. Но вырываясь из служебно-бюрократических тисков, с боем отвоёвывая недели, в редких случаях месяцы, для творчества, Фадеев сумел написать лучший эпический роман о Великой Отечественной войне. «Если история одной цивилизации и один из ее величайших моментов должны быть выражены одним только литературным произведением, то в СССР таким произведением вполне может служить «Молодая гвардия» Александра Фадеева», писала вскоре после выхода французского издания газета «Леттр франсэз».

Фадеев был по-мужски красив, его любили многие известные и выдающиеся женщины. Он казался (и был!) одним из символов эпохи, органично сочетая в себе литературный талант, преданность идее, хватку организатора и веру в вождя. Да, из-под «гвоздя» сочилась кровь. Интернационал, как писал расстрелянный в 1939 году автор «Конармии» Бабель, «кушают с порохом и приправляют лучшей кровью». Но, думается, Фадеев выстрелил себе в сердце на даче в Переделкино не потому, что из лагерей стали возвращаться писатели, которых он не смог защитить, а некоторых, возможно, искренне считал врагами советского строя. Отказавшись «переобуваться в воздухе», Фадеев сам себе вынес расстрельный приговор по законам уходящей жестокой, но великой эпохи. Он ушёл вместе с ней, не поверив в «оттепель» и новых вождей. Наверное, он был не прав. Но он прожил жизнь

во время, когда правота, как, впрочем, и неправота подтверждались смертью. Сегодня произведения Александра Фадеева вновь включены в школьные программы по литературе.

МИХАИЛ СВЕТЛОВ: ГОРЬКАЯ РОМАНТИКА РЕВОЛЮЦИИ

Михаил Светлов превратил романтику революции и Гражданской войны в поэтическую традицию, просуществовавшую до самого конца СССР. Вместе с такими поэтами, как Павел Коган, Джек Алтаузен, Иосиф Уткин, Михаил Кульчицкий он был талантливым и ярким представителем первого постреволюционного поколения советских людей, искренне верившим в высокие идеалы революции. Именно это поколение, пройдя через репрессии и «чистки» тридцатых годов, одержало победу в Великой Отечественной войне и практически всё полегло на полях сражений.

Поэты советского варианта «бури и натиска» остались в истории русской литературы, как искренние патриоты социалистического Отечества, апостолы веры в революцию. «Я с детства не любил овал. Я с детства угол рисовал». Строчки Павла Когана можно отнести и к творчеству Михаила Светлова, рисовавшего «угол» поэзии классовой, героической, интернациональной, революционной. Родившийся в 1903 году в небогатой еврейской семье, Светлов (этот псевдоним он взял в 1920 году, вдохновившись примерами Максима Горького и Демьяна Бедного) в шестнадцать лет

вступает в комсомол, участвует в Гражданской войне, редактирует газету «Юный пролетарий».

В двадцатых годах яростная классовая борьба в СССР сочеталась с просвещением народа. Социальные лифты работали на полную мощность. Народ рвался к культуре, к образованию. На великих стройках выковывалась новая личность советского человека. Этот человек жил не материальными, а духовными интересами. Поэзия была ему нужна как воздух. Стихи и песни Михаила Светлова стали гимном молодёжи тех лет, вошли, как символы времени, в коллективную память народа, были разобраны на цитаты: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути»; «Отряд не заметил потери бойца»; «Мы шли под грохот канонады, мы смерти смотрели в лицо»; «Каховка, Каховка — родная винтовка, горячая пуля, лети!». Вершиной романтизации Гражданской войны стала написанная Светловым в 1926 году баллада «Гренада», высоко оцененная не только тогдашними любителями поэзии, но и лидерами «белого» и «красного» направлений в русской поэзии — Мариной Цветаевой (из эмиграции) и Владимиром Маяковским.

Молодая советская поэзия, первоначально единая в пафосе революционного преобразования общества и отрицании «старого мира», в конце двадцатых годов вступила в стадию идейного размежевания. Точкой несогласия стало отношение к партийной номенклатуре, предавшей высокие идеалы революции, коллективизации, и террору, как способу управлению страной. Поэты Борис Корнилов (автор легендарной песни «Нас утро

встречает прохладой», Павел Васильев, Алексей Ганин были расстреляны как «русские фашисты». Но и к поэтам, романтизирующим Гражданскую войну и «земшарную республику советов», у власти, взявшей курс на отказ от мировой революции во имя построения социализма в «отдельно взятой стране», полного доверия не было. В их поэзии, как профиль Троцкого в пионерском костре на этикетке спичечного коробка (известное дело об идеологической диверсии), слышалось эхо теории перманентной революции. Но сталинское руководство уже не рассматривало историческую Россию, как «вязанку хвороста для мирового пожара». Умирать, «...чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать» больше никто не собирался.

Михаил Светлов остро ощущал происходящие изменения. Ему не нравился НЭП, пробуждавший в народе буржуазные пережитки. В вышедшем в 1927 году сборнике его стихотворений «Ночные встречи» критики заметили неуместную иронию, отход от «линии партии». «Время не то, и люди не те, // Но ты — остался собой. // Ты всё ещё носишь в своих глазах//Вспышки прошлых дней».

Светлов не только открыто поддержал левую (троцкистскую) оппозицию, но вместе со своими друзьями, поэтами Иосифом Уткиным и Михаилом Голодным, затеял выпуск оппозиционной газеты «Коммунист». Естественно, всё это не осталось без внимания.

В 1928 году Михаила Светлова обвинили в троцкизме и исключили из комсомола. Потом, правда, восстановили. Загладить свою вину ему частично удалось в 1935 году песней «Каховка». Интерес-

ные воспоминания о том периоде жизни Светлова оставил поэт Семён Липкин: «Я его помню непьющим, радующимся славе. Его опустошил разгром оппозиции. Он сочувствовал Троцкому. Был не подготовлен к имперским жестокостям. Все комсомольские поэты первого поколения, как и весь тогдашний комсомол, были обворожены Троцким... Безыменский гордо заявлял: «Я грудь распахну по-матросски и крикну: «Да здравствует Троцкий!»»

В 1941 году Светлов стал фронтовым корреспондентом «Красной звезды», прошёл всю войну, был награждён двумя орденами Красной Звезды и медалями. Поэма «Двадцать восемь» о героях-панфиловцах, цикл стихотворений об отважной, погибшей от рук фашистов партизанке Лизе Чайкиной были одобрительно встречены критикой и общественностью. Тем не менее старые «грехи» не забывались.

После войны поэта вызвали на Лубянку, предложили сотрудничать. Он сослался на свою неспособность «не разглашать» по причине пристрастия к алкоголю. Выйдя с Лубянки немедленно отправился в ресторан «Арагви», где подтвердил сказанное делом. Из частично рассекреченных в годы перестройки архивов НКВД стали известны некоторые запотоколированные информаторами высказывания поэта. О Союзе писателей СССР: «От этой организации, кроме пошлой официальнойщины, ждать нечего». О КПСС: «Она переродилась, ничего общего с пролетариатом она не имеет... Пребывание в партии превратилось в тягость, там всё ложь, лицемерие и ненависть друг к другу,

но уйти из партии нельзя. Тот, кто вернёт партбилет, лишает себя хлеба, свободы, всего». Не удивительно, что поэт жил в опале, хотя и относительно мягкой, без оргвыводов. Тяжёлое впечатление произвела на него развернувшаяся в стране в последние годы жизни Сталина «борьба с космополитизмом». В эти годы Светлов почти не писал стихов, занимался в основном переводами, преподавал в Литинституте.

Настоящим ренессансом для поэта явились годы хрущёвской «оттепели». Он снова стал «публичной» фигурой. В истории остались кадры из фильма «Мне двадцать лет» Марлена Хуциева, где на вечере поэзии в Политехническом музее Михаил Светлов под искренние аплодисменты читает стихи вместе с кумирами молодёжи тех лет: Евгением Евтушенко, Андреем Вознесенским, Беллой Ахмадулиной. Его, пронизанные горечью (в духе Омара Хайяма) остроты разлетались по Москве, превращались в фольклор.

Светлов медленно умирал от рака лёгких, но даже это было темой его шуточных высказываний. «Лишь немногие, — писала в воспоминаниях о Михаиле Светлове поэтесса Татьяна Кузовлёва. — близкие друзья догадывались, что за ироничностью поэта скрывались его ранимость и невероятная скромность. Пряталось внутреннее одиночество, которое знакомо каждому поэту. Его отзывчивость на чужие беды не была показушной: однажды заметил, как стоптаны туфли у очень скромной и тихой буфетчицы в Пёстром зале ЦДЛ, в котором он был завсегдатаем, — и молча отдал ей гонорар, чтобы она купила себе новые».

И ещё одна цитата из этих воспоминаний: «Он не лез в отличники, но его вклад в поэзию был куда значительнее иных советских «пятерочников» поэтического цеха: в то закрытое время он открыто помогал читателям стать искреннее и щедрее к людям, бережнее относиться к своим и чужим чувствам. Помогал стать человечнее...»

В 1967 году Михаил Светлов был посмертно удостоен Ленинской премии по литературе.

Похоронен поэт на Новодевичьем кладбище в Москве.

ИСААК БАБЕЛЬ: ОТЛОЖЕННЫЙ ПРИГОВОР

Исаак Бабель (12 июля 1894–27 января 1940) привнёс в русскую советскую литературу густую терпкость еврейского фольклора, библейское отношение к жизни и смерти, избыточную метафору как средство предельного «обострения» текста.

«Оранжевое солнце катится по небу, как отрубленная голова, нежный свет загорается в ущельях туч, штандарты заката веют над нашими головами». Предметом исследования писателя (цикл рассказов «Конармия») был человек за пределами общепринятых представлений о жестокости и милосердии, добре и зле. Если герои Достоевского (Раскольников, Ставрогин, Иван Карамазов) «научно» и единично отпадали от Бога, Бабель в «Конармии» показал отпавший от Бога народ, которому революция и Гражданская война позволили «всё». И народ, без лиш-

них переживаний и внутренних терзаний: «Интернационал кушают с порохом и приправляют лучшей кровью», воспользовался этим правом, легко и естественно перешёл черту, отделяющую человека от зверя.

Такой взгляд на революцию и Гражданскую войну, естественно, не мог понравиться руководителям советского государства. В «Конармии» не было ни одного положительного героя. С критикой Бабеля выступили Будённый, Ворошилов и сам Сталин. Писателю был вынесен отложенный смертный приговор.

Бабель был одним из виднейших представителей «южной», некоторые литературоведы называют её «одесской», литературной школы. Помимо него к ней относят Багрицкого, Катаева, Олешу, Ильфа и Петрова, Паустовского. Это была литература, менявшая общепринятые стандарты русского языка, вводившая в обиход новых героев типа бандита Бени Крика из «Одесских рассказов» Бабеля и «великого комбинатора» Остапа Бендера из романов Ильфа и Петрова.

Горький, ещё до революции опубликовавший в журнале «Летопись» рассказы Бабеля, считал его романтиком. Наверное, он был прав. Но есть две большие разницы между исполненной юмора, мудрости и симпатии к героям романтикой «Одесских рассказов» и кровавой (на грани патологии) романтикой «Конармии». Творчество Бабеля — ярко расцветшая ветвь еврейской литературной традиции на рассечённом «молнией» революции кровоточащем древе русской словесности. Тут и несвойственная классической русской

литературе физиологичность образов: «Голубые дороги текли мимо меня, как струи молока, брызжащие из многих грудей». И специфическое отношение к Иисусу Христу: «Тогда Иисус, видя томление женщины, жаждавшей мужа и боявшейся его, возложил на себя одежду новобрачного и, полный сострадания, соединился с Деборой, лежавшей в блевотине». Эту тему, кстати, очень талантливо продолжил современный молодой писатель Олег Зоберн в недавно опубликованном романе об Иисусе Христе.

Жизнь Бабеля полна тайн и странностей. В 1918 году он был штатным сотрудником ЧК, всю жизнь крутился вокруг «расстрельных» вождей: Ягоды, Ежова. Неоднократно мог эмигрировать (его надолго отпускали за границу), но почему-то этого не сделал. По свидетельству современников, был «умнейшим человеком», но до последнего надеялся «переиграть» карательную машину. Узнав в тюрьме о заключении пакта Молотова-Риббентропа, сказал: «Теперь меня точно расстреляют». На суде просил сохранить ему жизнь, чтобы «завершить начатые произведения».

Бабель, как и многие писатели и поэты того времени, пережил очарование насилием как методом решения любых социальных (и не только) проблем. Лучше всех это сформулировал Есенин: «Розу белую с чёрною жабой // Я хотел на земле повенчать...» Но этот «брак» невозможен. Революцию можно уподобить источнику света, на который, как бабочки, летят люди искусства. Им кажется, что этот свет рассеет вечную и злую тьму. Итог, как правило, один: отложенный приговор

и произведения, открывающие (часто помимо воли авторов) истинную природу революционного «света». Такие, как «Конармия».

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ: ТЕОРИЯ ОТРАЖЁННОГО СВЕТА

Классик советской литературы Валентин Катаев воплощал в себе манихейскую сущность времени, в котором ему выпало жить и творить. Одни писатели (Шолохов, Фадеев, Гайдар, Леонов, Федин), единожды сделав выбор в пользу советской власти, оставались ему всю жизнь верны. Другие (Булгаков, Пастернак, Ахматова), сохраняя личное достоинство и уважение к собственному таланту, вступали с властью в конфликт. Катаев же, превыше верности любимым идеалам в жизни и творчестве, ставил личный интерес. Он был точкой преломления и отражения слепящего света великой эпохи в его произведениях.

В двадцатых годах интерес заключался в том, чтобы отмазаться от тёмного, с большевистской точки зрения, прошлого (он то ли служил, то ли не служил в Добровольческой армии Деникина, то ли участвовал, то ли не участвовал в белогвардейском заговоре в Одессе).

Во время НЭПа — в зарабатывании денег (повесть «Растратчики», пьесы, сугубо коммерческий подход к литературному труду, неожиданным плодом которого явились бессмертные «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок» несостоявшихся катаевских литературных «негров» Ильфа и Пе-

трома). В тридцатые — в сочинении агиток, типа «Время, вперёд!» и «Я — сын трудового народа». Дальше и до самой смерти — в относительно спокойной и сытой жизни с орденами, премиями в заповеднике соцреализма, щедро омываемом доходами от революционной тетралогии «Волны Чёрного моря», ленинской «Маленькой железной двери в стене» и прочих идеологически выдержанных произведений, среди которых попадались истинные шедевры, например, детская сказка «Цветик-семицветик».

В заповеднике соцреализма Катаев всегда держался ближе к ограде, верхним чутьём угадывая состояние проволоки. Она только начала провисать, а он уже вырвался на свободу, исторг из своей души ту самую многократно воспетую им «вечную весну», которая, как последняя (к литературе) любовь, преобразила на склоне лет его творчество, открыла нового блистательного писателя мирового уровня. «Трава забвения», «Алмазный мой венец», «Уже написан Вертер» изумили тогдашнего читателя недопустимой прежде в советской литературе раскованностью, свободой и какой-то самовлюблённой отвязанностью от привычных канонов.

До сих пор критики и литературоведы спорят, был ли Катаев в советской литературе «чужим» среди «своих»? Вероятно, да, но с каким-то изломом. Он (когда это стало безопасно) объявил себя дворянином и белым офицером, но при этом всю жизнь говорил с сильным еврейским (одесским) акцентом. Пользовался всеми благами и преференциями официального советского классика, но не лез в политику, а если вынуждали, писал

передовицы в новогодний (1953 года) «Огонёк» — «За великого Сталина!». Был прекрасно образованным, великолепно знающим литературу и философию человеком, но ещё Осип Мандельштам отмечал в нём некий «бандитский шик», а другие современники — наглость и хамство. Бунин же, вообще, считал Катаева пропащим в моральном смысле человеком.

Да, «вечная весна» преобразила позднее творчество Катаева, но не изменила его сущности. «Алмазный мой венец» светит отражённым светом трагических судеб, представленных в нём персонажей, заживо сгоревших в огне жестокого времени. Катаев, как алхимик, сотворил из их жизни и творчества свою личную версию. Она, подобно слепящему и искрящемуся бенгальскому огню, заворожила читателя, отвлекла его внимание от самовольной установки автором собственного нерукотворного памятника в пантеоне волшебных изваяний «безумного скульптора Брунсвика». Но если Маяковский, Есенин, Булгаков, Бабель и прочие сделаны из природного «мрамора» высшей пробы, Катаев — из добротного, но искусственного материала, всего лишь отражающего их свет. Следует отметить, что у писателя хватило мужества это признать, пусть и в ассоциативной форме.

Он был создателем и первым редактором журнала «Юность», где мне в своё время довелось работать. Катаев — духовный отец «исповедальной прозы», представленной на страницах журнала именами Василия Аксёнова и Анатолия Гладилина. За несколько лет он сделал журнал самым тиражным и популярным в стране. Многолетняя

заведующая отделом прозы в «Юности» Мери Лазаревна Озерова рассказывала мне, что, надумав печатать роман «Хуторок в степи» в журнале, Катаев отдал ей в конце рабочего дня рукопись. А на следующий день вызвал её и спросил, понравился ли ей роман? Она ответила, что ещё не приступила к чтению. Как же так, искренне удивился и даже обиделся Катаев, неужели вам не интересно, что я написал?

В отношении писательского ремесла он никогда не был циником.

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ: ЗОЛОТАЯ ТЕЛЕГРАММА

Родившийся в конце девятнадцатого века и не доживший месяца с небольшим до ввода советских войск в Чехословакию в августе 1968 года (он бы точно не одобрил) Константин Паустовский был писателем чувства. Это было не то религиозное мистическое чувство, какое сжигало Достоевского, возносило в горние учительские выси Льва Толстого. Достоевский видел Россию из сумеречного угла православной души. Чего стоят откровения его Великого инквизитора, или разговоры Ивана Карамазова со Смердяковым. Толстой смотрел на Россию из некоего идеального космоса, где люди неустанно самосовершенствуются, где крепчает в смирении и непротивлении злу мысль народная.

Любой читатель навскидку назовёт десяток персонажей Достоевского и Толстого, но (скорее

всего) не вспомнит ни одного героя Паустовского. И это не потому, что Паустовский скучный или плохой писатель. Он великолепный стилист, блистательный мастер слова. Вот только жизнь (три революции, гражданская война, голод, коллективизация, Великая Отечественная война, быстро подмороженная хрущёвская «оттепель», ранний брежневский «застой») настолько «выездила» писателя, что он, как рыба в глубину, ушёл в природу, в бесконечные странствия, в глухие леса Мещеры, в преподавательскую работу, в уединённую жизнь уставшего от людей человека. «Я сбежал из Москвы, сбежал от чужих рукописей, от настойчивых авторов. От Литературного института и всего прочего, чтобы, хотя месяц поработать в относительном покое», — писал Паустовский Вениамину Каверину. Такого рода писем за свою жизнь он написал немало.

Предками Паустовского были турки, поляки, исступлённо ненавидевшие Российскую империю, неоднократно против неё восстававшие. Бабушка учила его говорить на польском языке, водила в костёл, приучала к католицизму. Детство и юность писатель провёл на Украине. Первые рассказы опубликовал в киевских литературных журналах. После революции жил в Одессе. Вместе с Катаевым, Ильфом, Бабелем, Олешей считался представителем знаменитой одесской литературной школы. Но был сдержан, держал коллег на расстоянии. Паустовского нет в знаменитых мемуарах Катаева «Алмазный мой венец». Зато сам Паустовский тоже написал интересные заметки о Бабеле и Олеше.

Душу Паустовский открывал только женщинам. Вот как он, будучи уже далеко не молодым человеком, писал своей третьей жене Татьяне Арбузовой: «Нежность, единственный мой человек, клянусь жизнью, что такой любви (без хвастовства) не было ещё на свете. Не было и не будет, вся остальная любовь — чепуха и бред. Пусть спокойно и счастливо бьётся твоё сердце, моё сердце! Мы все будем счастливы, все! Я знаю и верю...» Так мог писать Данте о Беатриче, или Петрарка о Лауре. Паустовский вообще считал, что женщины лучше понимают искусство, потому что живут чувствами. Здесь он не ошибался.

Фотография Марлен Дитрих в напоминающем рыбью чешую узком платье, преклонившей колени перед похожим на седого орла классиком, обошла в своё время мировую прессу. Германская дива была восхищена прочитанном в переводе на английский язык рассказом Паустовского «Телеграмма» и, выступая в Москве с концертами, всё время спрашивала, где этот замечательный писатель. Что такого она обнаружила в достаточно скромном и далёком от европейских реалий рассказе, остаётся только гадать. Скорее всего, нечто глубинное, личное. Кстати, и термин «глубинный народ» Паустовский использовал задолго до нынешних политологов, правда не в экзистенциальном, а сугубо бытовом (речь шла о торговле на базаре) смысле. А ещё он использовал это слово в заметках о живописи художника Николая Ромадина: «Всё сказанное о поэзии наших провинциальных городов (их можно назвать «глубинными», но никак не «периферийными»); это чуждая на-

шему языку иностранщина) имеет непосредственное отношение к пейзажу Ромадина. Стоит выйти за околицу любого такого городка, чтобы погрузиться в этот пейзаж».

Престарелый писатель ради встречи с неожиданной поклонницей в сопровождении лечащего врача вырвался из больницы. Увидев своего кумира, Дитрих (она с юмором писала об этом в воспоминаниях) сделала первое, что пришло ей голову — опустила на колени. А вот самостоятельно подняться не смогла, платье было слишком узким. Растерянный, похожий на седого орла Паустовский бросился поднимать, не реагируя на крик доктора: «Вам надо в постель!» Зато отреагировали зрители (дело было на сцене ЦДЛ) и сама Марлен Дитрих. Позже она старательно перечитала другие произведения Паустовского, особо отметив «Повесть о жизни». Знаменитая актриса и певица посетовала, что русского классика недостаточно знают и переводят в Европе.

После ужасов революции и скитаний по вздыбленной, «кровью умытой», как писал Артём Весёлый, России в творчестве Константина Паустовского произошло концептуальное раздвоение: он всей душой полюбил природу — моря, горы, леса, пустыни и солончаки СССР, но не принял форму его социального устройства. Паустовский любил места, где не было людей. Он «эмигрировал» в «Кара-Бугаз» (название одного из его романов), на Кавказ, в яркие воспоминания о прошлом — многотомная эпопея «Повесть о жизни». Поэзия странствий в его прозе уводила на второй план социальную, общественную сторону жизни.

Паустовский любил природу сильнее, чем её преобразователя — советского человека.

Он, как художник красками, рисовал мир чувствами. «Раненые замолчали. Я поднял суровую полотняную занавеску и увидел за окном осеннюю северную Россию. Она туманно золотилась до самого горизонта березовыми рощами, пажитями, безыменными извилистыми реками. Поезд мчался, обволакивая паром сторожевые будки. Я никогда еще не видел такой осени, такой ясности небес, ломкости воздуха, серебристого блеска от волокон паутины, оврагов, поросших красным щавелем, прудов, где просвечивает сквозь воду песчаное дно, сияния мгlistых далей, нежной гряды облаков, застывших во влажной поутру небесной голубизне...» Так он, прошедший две войны (Первую мировую медбратом в санитарном поезде, Великую Отечественную — фронтовым корреспондентом) описывал Родину-мать, которая доставила ему столько мучений и горя.

«Боже, — писал он в начале двадцатых годов в дневнике, — до чего Ты довёл Россию... В последних истоках мутного света сослепу тычется, ища чёрствую корку, громадный умирающий народ. Чувство головокружения и тошноты стало всенародным. И больше умирают от этой душевной тошноты, тоски и одиночества, чем от голода и сыпняка». Но Родина же и исцеляла мятущуюся душу писателя своей неизбывной божественной красотой. Восхищение совершенством Божьего мира и отчаянье от разрушающего этот мир человеческого несовершенства станут скрытыми пружинами творчества Константина Паустовского.

Он, хоть и получал ордена, много публиковался, ухитрился практически ничего не написать о Сталине и величии КПСС. Иван Соколов-Микитов в письмах, правда, критиковал Паустовского за то, что тот выбрал безопасный, «медоносный» путь в литературе, то есть писал, в основном, о природе и красотах окружающего мира, а не о страдании, мечтах и надеждах, существующих в этом мире людей.

Это было так и не так. Ранний роман о Первой мировой войне «Романтики» по внутреннему напряжению и кристальности стиля ничем не уступает романам Олдингтона «Смерть героя» и Хемингуэя «Прощай, оружие». Не менее интересны и тома «Повести о жизни» — своеобразной летописи эпохи. Редколлегия журнала «Новый мир» была неправа, посетовав Паустовскому на монотонность и вялость последних глав «Повести...». Писатель обиделся.

Он творил для вечности, а разгорячённые идейной борьбой либеральные «новомирцы» ждали от него публицистическую «злобу дня». Паустовский не боялся «злобы дня», но опять-таки передавал её через чувства. Как удивительно точно и выпукло описал он свой страх в одной из глав «Повести...» о Грузии, когда в его гостиничный номер через люк в потолке пытался проникнуть сумасшедший маньяк, явно собиравшийся (без малейших на то причин — вот что потрясло автора!) его убить. Паустовский умел транслировать малейшие нюансы человеческих переживаний, но только не социальный или политический пафос. Если надо было за кого-нибудь заступиться,

к примеру, за главного режиссёра Театра на Таганке Юрия Любимова, он предельно просто (запись телефонного разговора сохранилась) объяснил ситуацию тогдашнему советскому премьеру Косыгину: «С вами говорит умирающий Паустовский. Я умоляю вас не губить культурные ценности страны. Если вы снимете Любимова, распадётся театр, погибнет большое дело».

Паустовский долгие годы преподавал в Литературном институте, учил писательскому мастерству Юрия Бондарева, Григория Бакланова, Юрия Трифонова, Владимира Тендрякова, других ставших известными и популярными литераторов. Стиль Паустовского ощущается в романе Трифонова «Утоление жажды», в описаниях природы у Юрия Бондарева, в прозе Владимира Тендрякова. Результатом его педагогической деятельности стали заметки о сущности и смысле писательского труда — «Золотая роза».

Паустовский — один из немногих известных писателей, не подвергшийся репрессиям в советское время, но получивший мировое признание. Он был трижды номинирован на Нобелевскую премию. В первый раз ему перешёл дорогу Шолохов. Председатель Нобелевского комитета будто бы позже сказал Паустовскому: «Я и король голосовали за вас». Во второй — эксперты засомневались в психологической глубине и критических (мало ругал советскую действительность) мотивах в его творчестве, в третий — помешала смерть.

В годы «оттепели» Паустовский однозначно примкнул к либеральному лагерю творческой интеллигенции, подписывал письма Брежневу

против реабилитации Сталина, выступал в защиту Даниэля и Синявского, Солженицына. Составленный им литературный альманах «Тарусские страницы», куда он включил таких полузапретных авторов как Марина Цветаева, Николай Заболоцкий, Наум Коржавин, Владимир Максимов, Юрий Казаков, Надежда Мандельштам, вызвал гнев партийного руководства. Часть тиража пустили под нож, но в истории советской литературы альманах остался, наряду с «Одним днём Ивана Денисовича», символом краткого периода послесталинского свободомыслия.

«Трещали и рушились миры... Таковы были первые уроки революции. Такова была первая встреча русской интеллигенции лицом к лицу с ее идеалами. Это была горькая чаша. Она не миновала никого. Сильные духом выпили ее и остались с народом, слабые — или выродились, или погибли», — писал Паустовский в «Повести о жизни». Можно спорить, остался или нет Паустовский с народом. Но невозможно спорить с тем, что он выпил свою «горькую чашу» и не утратил силу духа, сохранив посланную ему Богом золотую телеграмму таланта.

МЯТЕЖНАЯ ДУША

Жизнь и творчество великого русского поэта Марины Цветаевой (26 сентября 1892–31 августа 1941) — вечный мятеж духа и плоти против времени и мира, в котором ей выпало существовать. Поэзию Цветаевой питали два корня: неукротимость (в творчестве, быту, стилистике, чувствах, люб-

ви) и непрекращающееся противостояние с окружающей действительностью. До революции они ограждали душевные и телесные порывы юной Марины рамками буржуазной морали, затем — нищетой, голодом, холодом, смертью (она потеряла трёхлетнюю дочь Ирину) «окаянных дней» военного коммунизма. Но и вырвавшись в 1922 году из «Совдепии», она не обрела ни житейского счастья, ни благосостояния.

Во Франции семья жила на выручку от дамских шляпок, изготавливаемых уцелевшей дочерью Ариадной (в скором будущем многолетней узницы ГУЛАГа) и на тайные гонорары, получаемыми мужем — бывшим белогвардейцем, евразийцем и, как выяснилось, сотрудником НКВД Сергеем Эфроном (расстрелян после возвращения в СССР в 1941 году). Не сложились и отношения с русской литературной эмиграцией. Иван Бунин, к примеру, считал Марину Цветаеву безумной, а её стихи коноязычными

Она всегда и везде была чужой, писала, что в географическом плане ей повезло лишь дважды: «Коктебель и чешские деревни — вот места моей души». В крымской столице русской поэзии (легендарный дом Волошина) она писала стихи, общалась с поэтами, познакомилась с будущим мужем. В предместьях Праги они относительно обеспеченно жили в середине двадцатых годов на стипендию, выплачиваемую чехословацким правительством, видимо, в память о «золоте Колчака», осевшем в годы Гражданской войны в эшелонах «белочехов», русским студентам-эмигрантам. Сергей Эфрон учился в Карловом университете.

В переписке с чешской писательницей Анной Тесковой Цветаева постоянно возвращается мыслями к фигуре рыцаря на Карловом мосту через Влтаву. Кто был в Праге, знает, что этот пешеходный мост украшают скульптурные группы святых и пророков. Но есть там (сбоку, на отлёте) небольшой (в сравнении с главными фигурами) рыцарь в доспехах и с мечом. Цветаева, как представляется, ощущала некое внутреннее родство с этим рыцарем. Она, как и он, только не на мосту, а в жизни и творчестве, была «на отлёте» от величественных с нимбами вокруг голов святых и непрерывно текущей через мост праздной человеческой реки. Как и он, была отлучена и одинока. И тоже была готова в любой момент обнажить меч для защиты своего достоинства, чувств, права писать так, как она хочет и о чём хочет.

Не признававшая её литературная эмиграция ошибалась. Стихи и поэмы Марины Цветаевой были гениальны. Их, отмеченная Буниным, косноязычность была сродни пророческому просветлённому «бреду» Велимира Хлебникова, точно так же, как Цветаева, Ахматова, Мандельштам, существовавшие «вне быта». Но если Хлебникова влекли мировые (геополитические, как сказали бы сегодня) проблемы, Цветаева с гибельным упоением отдавалась чувствам.

Из отношений с близкими (их перечень известен) и дальними, к примеру, немецким поэтом Рильке, людьми она создавала храмы, где возжигала свечи, истово молилась, а потом разрушала их для того, чтобы немедленно начать возводить новые. Её поэзия попеременно питалась духом и пло-

тью, поднимаясь на вселенский уровень, когда материи духа и плоти сливались в метафизическом единстве.

Цветаева, как любой большой поэт, была пророком. Уже в ранних стихах она предсказала предстоящие беды России, свою бесприютность, страдания, потери любимых людей: «За то, что мне прямая неизбежность/ — Прощение обид,/ За всю мою безудержную нежность/ И слишком гордый вид». Или — накануне отъезда в эмиграцию — судьбу оставшейся в России Анны Ахматовой: «Будешь крылышками трепать о булыжники». Назвав Ахматову в этом стихотворении «чернокнижницей», Цветаева словно разглядела сквозь годы гонения, по словам Жданова — «полублудницы-полумонахини». Предсказала она и собственную смерть, причем не от старости.

В творчестве Цветаевой практически нет стихотворений о старости. Она словно запрограммировала себя на жизнь до тех пор, пока способна любить, сочинять стихи, переживать, главное же, получать «обратную связь» от объектов своих неукротимых чувств. Собственное присутствие в мире виделось ей последней возможностью расплатиться с ним за несовместимость. Поэт, писала она, в мире «всегда жид», то есть изначально гоним и презираем.

Последним шансом чувственно «зацепиться» за жизнь в СССР (ранее туда отбыли дочь Ариадна и разыскиваемый французской полицией за связи с НКВД муж) стала для Цветаевой встреча в коридоре издательства с молодым поэтом Арсением Тарковским. Он, по свидетельству современ-

ниц, «был неправдоподобно красив» и (это будет признано позже) неправдоподобно талантлив. Возможно, Цветаева не только испытала к нему сильное чувство, но и почувствовала ровню, как поэта. Но и здесь не сложилось. На философское стихотворение Тарковского «Я стол накрыл на шестерых», где речь шла о расставании с дорогими ему людьми, Цветаева горько откликнулась своим стихотворением, где была строчка: «Ты одного забыл — седьмого», имея в виду себя.

Мир не простил Марине Цветаевой ни безудержной нежности, ни гордого вида. Но и она не согнулась, не дрогнула под его жестокой рукой. Не так давно были опубликованы подростковые дневники сына Цветаевой Георгия (Мура), родившегося в Праге, увезённого против воли в СССР и погибшего на войне. Там он с сочувствием описывает, как окружающие люди воспринимали странный внешний вид матери, её манеру общаться. Как ей было трудно выстраивать отношения с соседками на коммунальной кухне, как быстро она вступала с ними в конфликт из-за расстановки кастрюль на полках и правил пользования (часто забывала выключать свет) туалетом. Какая грустная и опустошённая возвращалась она из издательств и ведающих бытом писателей организаций.

Всё это завершилось 31 августа 1941 года в крестьянском доме в Елабуге.

Работая в начале восьмидесятых годов в журнале «Огонёк», я был в этом доме, видел балку в сених, где окончилась жизнь Марины Цветаевой. В то время официальное отношение к ней было сдержанное, но поклонники её поэзии бывали

здесь и даже отщипывали щепки от балки, видимо, как сувениры.

Творчество Марины Цветаевой тоже долгое время считалось «щепкой», оторвавшейся от могучего дерева классической русской и советской поэзии. Но прошло время, и щепка превратилась в одну из самых живых, прекрасных и трагичных его ветвей, а вечным местом мятежной души Марины Цветаевой стала вся читающая Россия.

ЖЕНСКОЕ СЧАСТЬЕ

*Виновата ли я? Виновата ли я?
Виновата ли я, что люблю?*
(из песни)

1

Тамара была счастлива. Ее свежие полные губы утончались в таинственной полуулыбке, а серые, с крапчатой прозеленью глаза мягко блестели в загадочном прищуре при воспоминании о своем счастье. Уже целую осень и часть зимы она состояла в упоительном замужестве и часто, вроде бы ненароком, но на самом деле отнюдь не случайно, с потаенной неослабной гордостью бархотила любовным взглядом золотой обручальный хомутик на безымянном пальце правой руки. А иной раз, когда за стеклянной отгородкой прилавка пустовал без покупателей зальчик аптеки с пальмой в углу, Тамара опять становилась невестой, вспоминала шелковый шорох подвенечного платья и мускулистую силу жениха, который нес ее на руках по широким, в несколько пролетов, сту-

**ЕВГЕНИЙ
ШИШКИН**

Проза

пеням Дворца бракосочетания — на виду у всех! И даже тогда, когда шамкающий голос взявшейся как из-под земли закутанной в шаль старухи-покупательницы вытаскивал Тамару из кареты памяти, летевшую по коротким верстам медовых дней, и возвращал за прилавок, Тамара поворачивала голову на голос появившейся посетительницы снисходительно и осторожно, как будто все еще держала на голове белоснежную вуаль фаты с венчиком из бумажных цветов, а не медицинскую форменную шапочку.

Тамаре даже подчас делалось как-то неловко от собственного состояния довольности: вокруг так много вздорных, неотесанных, разлагаемых ленью и водкой мужчин-мужей, а вот у нее, — у нее Спирин...

Он был хорошо образован — доцент, преподавал историю в университете. Он был старше Тамары на одиннадцать лет: «Почти на полжизни», — шутила Тамара сама с собой: в невестах ей исполнилось двадцать три. Поскольку Спирин долго жил холостяком — не хотел, чтобы семья отвлекала от диссертации, — из плотоядных ртов сплетниц лились повести о нем: будто бы он имеет множество любовниц и будто бы самые привлекательные студентки-заочницы сдают ему экзамен «через постель». Истины в таких речах было на ломаный грош: не Спирин волочился за женщинами, а на него расставляли крючки мечтавшие о замужестве девицы, да не прочь были прильнуть к нему и поразвлечься некоторые бабенки-стервочки, ибо был он вправду красив: высок, виден, голубоглаз даже до какой-то неприличности.

Тамара никаких наживок на Спирина не припасала: не имелось у нее ловкости и дерзости для того, — Спирина выплыл к ней сам, словно в награду за ее долготерпение, целомудренность, кротость. Не рвалась Тамара из девичества, не пугалась своих набегающих неоплодотворенных годков, а будто предупрежденная свыше: час, мол, твой впереди, — ждала не ропща. Бывало заявятся к ней в общежитие ярко вымаранные косметикой, с налаченными прическами подружки, с которыми вместе заканчивала фармацевтический техникум, позовут на дискотеку или даже в ресторан, Тамара сперва согласится, а потом гребень вяло прорежет ее волосы да замрет в руке, на лицо серо ляжет скучина, в прозелени глаз — разуверение. «Без меня идите, девчонки. Не сердитесь», — отзовется Тамара и на конечный уговор подруг, а после в одиночестве сядет на кровать, вроде бы беспричинно, всплакнет. Или вспомнит родную деревню, тепло натопленной печки, материны пироги... — и с тем утешится.

Но при всем таком затворничестве было у Тамары увлечение — Олег. Увлечение застарелое, безобидное, почти переродившееся в дружбу; лишь поначалу Тамару и Олега повязала влюбленность: ходили в кино, однажды — в филармонию, ели мороженое в детском кафе, целовались в воровских потемках подъезда, — но потом Олег на целый год уехал в экспедицию на Тянь-Шань. Тамара не ждала и не скучала по нему. Словом, робким всходам любви не суждено было развиваться.

А теперь все это уже не имело значения, хотя Олег из прошлого Тамары переступил и в на-

стоящее. Он вот и сейчас пришел в аптеку, стоит у прилавка — спортивно-подтянутый, выбритый до лоска и загорелый даже зимой — не зря географ, путешественник, горнолыжник.

— Опять за кормом пожаловал? — доброжелательно подтрунивает Тамара, принимая от него большую пустую банку.

Олег исповедует принципы Брэгга и один день в неделю сидит на воде, на дистиллированной, на аптечной.

— Вода — это лишний повод тебя увидеть, — улыбается Олег и, кажется, хочет понравиться Тамаре.

Он рассказывает о каких-то чудооткрытиях восточных диетологов, но Тамара слушает вполуха. Что ей до Олега, до его слов, до его запоздалых улыбок, если Спирин, — всюду и только — Спи-рин!

И все же в своих радостях Тамара начала суеверно замечать сбой: казалось, какие-то темные силы, чья-то зависть и злопыхательство сглазили ее, овевали дурным наговором: вот уже пятый месяц она в совместной жизни, а все еще пустоцветом. И нынче после работы, зимним вечером, Тамара направится к бабке Люше, знахарке и колдунье, с жалобой на свое затянувшееся беззачатие. Чародейству старух, их настояям на корнях и травах Тамара доверяла даже больше, чем белому врачебному халату и той «химии», которой сама торговала.

...Постарела бабка Люша. Тамара не видела ее давненько, все недосуг провести старуху, бывшую соседку: жили они когда-то в одной деревне по соседству, пока разными предложениями не пе-

реманил их в себя город. Темно и старо у бабки Люши лицо, безбровое и незначительное в тугом обхвате серого головного плата, губы — узкая провалившаяся лиловатость, и лишь глаза в окружье складок глядят свежо, черно, пронизательно, — глаза колдовские.

Сперва попили чаю: Тамара принесла конфет в угощение; повспоминали, кто и как из бывших земляков жизнь устроил: кто женился, кто развелся, кто уехал далече, кто в нездоровье мается, а кого уж и земля упокоила.

— Мне скоро туды же... Зажилась, — невесело усмехнулась старуха, помянув о своих немалых летах.

— Что ты! Тебе рано, баб Люш, — не одобряла Тамара и с легкой корыстью и опаской думала: «Кто же мне поможет, если ты умрешь? Нет, живи подольше...»

Старуха взглянула на нее умными глазами и мысли Тамары будто услышала.

— С заботой, видать, пришла. Рассказывай. Покуда не померла, чем могу подсоблю.

Тамара о своих подозрениях поведала полно, на скользкие старухины вопросы отвечала не таясь.

— А не в мужике ли твоём червоточина? — раздумчиво вопрошала бабка Люша.

— Да что ты, баб Люш! Выдумки!

— Какие ж тут выдумки? В жизни-то по-всякому бывает. Никто не знает, где какой омут припасен. И ты не надейся, девонька, что у тебя все гладью пойдет... Ну ладно, ладно... Раздевайся-ка. Вся.

Старуха, шаркая шубными тапками, направилась в кухню, Тамара, недоверчиво осмотревшись, стала расстегивать кофточку.

Скоро Тамара стояла нагая, слегка поеживаясь и стесняясь белизны своих грудей, которые казались ей маловатыми и не подходящими искусственному в любви Спирину... А взглянув на свое отражение, пугливо и водянисто проступающее в полировке старого шифоньера, ей стало себя очень жаль. Неужели она бесплодна?

Скверные мысли прервала старуха, явилась со стаканом воды и короткой черной веревочкой.

— Ложись-ка, девонька, сюды, — указала она на высокую кровать под белым покрывалом, с огромными мещанскими подушками в изголовье. — На живот. Правильно.

Что-то тихо пошептав, бабка Люша sprыснула Тamarу водой, а потом стала прикладывать к ее телу веревочку, промеряя наискось от плеча до пяты. Тамара лежала не шелохнувшись, ровно и незаметно дышала, чтобы не попутать важный диагностический замер. Врачевание бабки Люши многим из односельчан помогало одолеть хворь, заразу всякую, и сейчас авторитет ее для Тамары был первейшим, почище любого профессорского. Водилось, правда, судя по слухам, за бабкой Люшей и неприглядное...

— Сглазу или порчи наговоренной я в тебе не нахожу, — промолвила старуха, спихивая с Тамары груз женского ущерба. — Погоди, поживи. Сколь, говоришь, у вас с ним сроку-то?.. Четыре месяца и десять дней? Эк ведь, как точно помнишь, — улыбнулась старуха, ласково глядя на раскрасневшуюся, разволнованную от радости Тамару. — Ничего, понесешь, успеется... А мужик-то, сказывали, знатен тебе достался?

По лестнице из квартиры бабки Люши Тамара неслась будто школьница, на каникулы отпущенная... Выскочила на приступок, за спиной громыхнула дверь на пружине, с козырька над подъездом от какого-то дуновения или сотрясения полетела снежная осыпка; снежинки угодили в глаза Тамаре, она прищурилась — желтыми кляксами с острыми заливами расплескались перед ней фонарные огни вечерней улицы.

С трамвайной остановки Тамара повернула не в сторону своего дома, а направилась в распахнутые, вмерзшие в сугроб чугунные ворота парка, который противоположным боком подступал к университету; у Спирина сегодня вечерняя лекция, дождется его, чтобы идти домой вместе, под руку. Обычно она не заходила за мужем на службу, а тут пошла: до женских откровений она пусть и не охотница и не выдаст интимных целей посещения бабки Люши, но приласкаться к Спирину, безмолвно поделиться с ним радостью раззадори-лась.

Аллея была неширока и глуховата, крупные могучие деревья росли тесно и плели над головой сито. Но несмотря на это, молодцом смотрелся между ветвей тонкий яркий месяц — кавалер с усами, а вокруг него колыхались, прыгали с ветки на ветку разгоревшиеся к ночи звезды. Тамару радовал вид этого, безболезненно иссеченного деревьями неба, толстый снег вокруг, искрящийся, чистый, этот морозно поскрипывающий под подошвами путь через парк.

Той же аллеей она шла со Спириным в день знакомства. Это случилось ранней весной. Под ватным небом дул резкий, шальной ветер, глушил голос — чтобы слышать друг друга надо сближать лица, — и Тамаре было безумно страшно и сладко окунаться в голубизну Спириных глаз и временами тонуть в них, беспомощно барахтаясь... «Вы не замерзли?» — спрашивал он и, видимо, рассчитывал обнять ее. «Нет, нет!» — мотала головой до костей продрогшая Тамара и невыгодно отгораживалась воротником. А потом она всю ночь ерзала и ворочалась на бессонной общежитской койке, казнила себя, что вела себя дикаркой и букой. «Глупая... Глупая!» — корила она себя, размазывая по ладоням и по подушке слезы обиды, ведь Спиринов, проводив ее, не назначил ей свидание, только обещался позвонить на работу. А что такое позвонить? Совсем необязательно! Однако перестал уже бесноваться весенний ветер, аллея бела декабрьским снегом, в небе серебряный удалец-месяц среди многочисленного гарема звезд; думалось о чем-то нежном, невыразимом, уютном.

В коридорах университета было пусто, но это была не мертвость безлюдья, а временное, зыбкое неприсутствие: чувствовалось, что здание живет своими задверными внутренностями; откуда-то из недр доносились шорохи, отзвуки диктующего голоса, шум покашливаний: за дверями происходило познание, и одним из главных действующих лиц этого являлся Спиринов. Гордость за мужа охватила Тамару в коридорах университета и давнее благоговение к высшему образова-

нию, на которое она теперь тоже имела виды, желая не слишком отставать от уровня мужа.

Еще за несколько шагов до аудитории, в которой Спирин читал лекцию заочникам (началась зимняя сессия, и перед экзаменами новый материал заочникам «начитывался» вечером), у Тамары сладко ворохнулось сердце: долетели ноты родного голоса. Она подошла к двери, чуть потянула ее, заглянула в получившуюся щель. Аудитория ровными ступенчатыми рядами столов и скамеек, и неровными разномастными рядами студенческих затылков и спин шла под уклон к кафедре, которую занимал Спирин. Он стоял почти прямо против двери и даже в щелку был отлично виден. Он был сегодня как-то особенно хорош, артистичен и элегантен, в темно-синем костюме с черной полоской, в густо-бордовом галстуке и в голубой рубашке под стать цвету глаз. И вдохновенен. Голос его в резонирующем просторе зала рокотал выстрелами пушек и ружей во времена покорения Наполеоном Европы, опрометчивым галопом забегаая на холодные пространства России в год двенадцатый, когда русские люди «гению и извергу» преподнесли урок, и вновь звучно перечислял вероломные успешные кампании коротконового французского императора. Хотя Тамара не видела лиц студентов, но чувствовала, что Спирина усердно внемлют; она бы и сама, пристроившись на краешек скамьи, послушала бы с интересом.

Тамара бесшумно отошла от двери, решила убить заключительный десяток минут мужниной лекции в разглядывании коридорных стендов.

Лекционная «пара», однако, кончилась даже чуть раньше: она была последней, и, вероятно, вахтер по наущению уборщиц урезал науку на несколько минут. Из дверей к лестничному пролету потекли студенты-заочники, большинство уже приличного, не ребячьего возраста. Тамара не спешила пробиться сквозь них и показаться Спирину — напротив, задумала разыграть его, подкрасться сзади и ослепить ладонями: додумается ли он, умник, кто его дурачит?

Вот, казалось, и последний, нерасторопный и дотошный очкарик с портфелем под мышкой и раскрытой тетрадь в руках выбрался из аудитории, но сам Спирин не появлялся. Тамара еще некоторое время хоронилась в темном конце коридора, потом не утерпела, подошла к двери аудитории, но дверь, оказалось, была уже заперта... «Как? Почему?» — изумилась Тамара, потянула ручку сильнее, хотела уже постучаться, но вдруг услышала оттуда, из-за неплотно подогнанных дверей, женский смех и экзальтированную фразу: «Ты представляешь?!» Дальше женский голос зажурчал каким-то быстрым увлеченным рассказом, кое-где перебивая себя смехом.

В аудиторию вела и другая дверь, и Тамара торопливо перешла к ней, с недоумением и тревогой, словно там, внутри, над Спириным нависла угроза. Вторая дверь тоже оказалась заперта, по-видимому, ей и не пользовались: к ней приткнулась кожаная банкетка; зато эта, вторая дверь, в отличие от первой, имела в створках рифленые прямоугольники стекла. Видеть сквозь них невозможно, но стеклянная плоскость в одной из створок была

составной — из неплотно состыкованных стекол. Оттуда сквозил свет из аудитории. Тамара встала коленями на банкетку, прислонилась к стеклу, испуганный ее взгляд сбежал по ступеням пустых рядов и вдруг... Она обмерла. На преподавательском столе сидела желтоволосая, в красном платье и черных чулках, со смазливym краснoгубым лицом девица, которая, жестикулируя свободной левой рукой (правой она обнимала за шею Спирина), что-то говорила и изъезженными громкими словами: «Ты представляешь?!» — предлагала удивляться. Спирин стаял, притиснувшись к ее коленям, слегка кивал головой, улыбался и держал свои руки у нее на талии. Все между ними: поза, мимика, полюбoвные притискивания друг к другу — выглядело безбoязненно-естественным, очень своим, будто они двое свободных влюбленных на скамейке у городского пруда...

Тамара часто дышала, и собственное горячее дыхание, отразившись от стекла, обжигало ей лицо стыдом и обидой, а глаза все не могли поверить и мучительно насытиться отравой открывшейся правды. После очередного всплеска смеха, девица обеими руками обняла шею Спирина и близко-близко поднесла свой красный рот к его лицу; Спирин откликнулся на это ласковым вниманием: средним пальцем правой руки провел ей по брови и оттолкнул желтую боковую прядь волос, так что открылось ее ухо с золотой длинной висюлькой. Такое прикосновение руки Спирина часто испытывала на себе и Тамара...

Она оторвалась от стекла, пощадила свои глаза и свое надрывающееся сердце и побежала по ко-

ридору; полы ее расстегнутого пальто нервно прыгали, под каблуками рвался порох коридорного паркета.

Она опустилась вниз, зачем-то подбежала к расписанию занятий, что-то насмотрела в нем, потом направилась к выходу, но на полдороги обезумевше резко повернула обратно. Подтягивая себя рукой за перила. Она частила по ступеням наверх, но, услышав на лестнице чьи-то спускающиеся голоса, затормозила, и теперь уже иная волна понесла ее на выход, подальше от того места, где предательство, обман, где бесчестье.

Она выбежала на улицу, растерянно остановилась. Перед ней — широкая, ревливая мостовая в белых и рубиновых огнях машин, под ногами гудит земля от тяжелых колесных скатов. Холодный ветер, гонимый близко проезжавшими автобусами, ударял в Тамару, проникал под незастегнутое пальто, но не ослаблял жгучести и духоты горя, вынесенного из здания за спиной. В надлом души вдруг отчаянной молнией прорвалась мысль: разом все кончить, переступить холмик грязного обочного снега, шагнуть на мостовую, в сутолоку машин, в рев, в красно-белых светляков огней... — прекратить муку.

Неловкий толстый парень нечаянно задел Тамару большой сумкой, наскоро извинился, отвлек ее от соблазнительного безрассудства. Она быстро запахнула пальто и следом за парнем пошла в узкое русло подземного туннеля, спасаясь в нем от убийственной мостовой...

«Вот тебе, вот! Так и надо, дура! Получай!» — беспощадно шептали ее губы.

«За что? Ну за что? Почему?» — умоляюще спрашивало обманутое сердце.

3

Тамара пришла домой поздно, уставшая и продрогшая, с первыми морщинками на лице. Трусливо прятала глаза от Спирина, словно она, а не он был одним из тех шкодливых влюбленных...

— Ты где пропадаешь, лапа? Я уже собирался в вытрезвитель позвонить, — шуткой встретил ее Спирин; помог снять пальто.

— У бабки Люши задержалась. Она просила меня посидеть... — заготовленной отговоркой объяснилась Тамара, неприятно испытывая скованность и некоторую панику от прикосновений мужа, будто он заразился какой-то скверной.

— Тебя чайком напоить? Я как раз заварил свеженького, — предложил Спирин, вероятно, догадываясь по холодному облаку, которое принесла с улицы Тамара, что ей не помешает горяченького. — А может, рюмку водки для сугреву. Ты как, лапа?

Спирин был сейчас весел и добр, и абсолютно неизменен — как до рокового сегодня. Он называл Тамару по обыкновению «лапой» — сокращенно-шутейное от «лапочки», а в окрасе его голоса и в выражении лица не слышалось и не читалось даже полутонов и штрихов натянутости и двуличия.

— Нет, не надо водки. А чай — я потом, — отказалась Тамара и, не заходя в комнату, чтобы сумрак прихожей, в которой горел лишь настенный све-

тильник, помогал утаить настроение, пошла в ванную. — Я в ванне погреюсь. Ты ложись спать, не жди меня.

В остатный час вечера ей удалось избежать разговоров со Спириным, его возможных ласк и позже его лечь в постель. Это было впервые, чтобы она не хотела общения и объятий мужа.

Она долго лежала в неподвижности притворного сна, дожидалась, когда Спирин уже не сможет разлепить веки, если даже она потревожит тишину комнаты вздохами или плачем. Потом поднялась с постели, перебралась на стул к окну, под размытый синий свет месяца.

Ей хотелось все осмыслить, добраться до какой-то страшной, но простой истины, отвечающей на мучительные вопросы «За что? Почему?». Она переводила задумчивый взгляд с унылой сини ночного окна, в котором висел месяц, на постель, где безмятежно посапывал Спирин. Она понимала, что любая истина, открытая ей, окажется неполной, ибо главное скрыто в нем, в ее муже, в его безоблачном настроении, в его шутках, в совершенной непогрешимости его вида, в этой обычности его мирного беззаботного посапывания. Она не испытывала к Спирину неприязни и брезгливости, хотя, ложась рядом с ним в постель, страшилась и назло себе хотела поймать от него запах чужой косметики, чужого женского тела. Она лишь смутно и больно догадывалась, что уже не сможет быть с ним той, какой была прежде — безоглядной, беспамятной...

Но чем дольше Тамара горбилась на стуле, поджимая босые зябнущие ноги, тем все шире раз-

расталось желание хотя бы отчасти оправдать мужа. Не он, а та... та, которая нахально забралась к нему на стол, больше всех виновата! Детально помнилась ее одежда: броское огневое платье, черные чулки, вульгарная желтизна крашенных волос, алчные пунцовые губы и цепкие, звериные ногти (хотя, по правде, ее ногтей Тамара не различила). А это дурацкое «Ты представляешь?!» (Тамара передразнила), а развязный смешок?..

«Проститутка...» — прошептала Тамара. — Она просто хочет легко экзамены сдать... Хитрая шлюха!» Но вместе с тускло забрезжившей в душе успокоенностью, что Спириин не так уж порочен, а скорее, доверчив, липкий и противный, как болотный ил, стал обволакивать страх, что «проститутка» походя, даже ради забавы, разрушит семью. И плевать ей, бессовестной, что любовь Тамары к мужу чиста и преданна. Плевать гадине!

Тамаре хотелось кинуться на постель к Спириину, разбудить его, растряссти, выпытать все от начала до конца и спасти и его, и себя от позора, или в другом случае, решить вопрос с разводом, чтобы не позволять втаптывать себя в грязь... Но она усидела на стуле, не сорвалась. Она очень любила и немного побаивалась Спирина. «Если женщина хочет быть счастлива с мужем, ей необходимо усвоить первое святое правило — слышишь, лапа? — никогда не задавать мужу вопросов, — с юмором, но не в шутку подсказывал ей Спириин. — Никогда не задавать мужу вопросов! Это я у древних мудрецов прочитал...» И Тамара верила его опытности и уму, и училась сдерживать себя, иногда помалкивать. Промолчит Тамара и теперь, не растряссет

Спирина, не нарушит первую заповедь жениного счастья.

Она сидела на стуле у окна и тихо плакала. Ее слезы наливались синим светом: на них бесстрастно глядел молодой месяц, красавец и развратник, в окружении несчастных беззащитных звезд.

4

Через несколько дней Тамара знала, что фамилия той, которую назвала проституткой, — Курдюмова, что она иногородняя, остановилась на время сессии в гостинице (специально в гостинице, а не в общежитии, как большинство заочниц, чтобы облегчить возможность любовных свиданий! — такова была догадка Тамары) и что Спирин иногда провожает ее и задерживается на час-другой у нее в номере. Да, Тамара выследила это! В этой слежке она обмирала от стыда и страха, мерзла на холоде и вязла в сугробе, прячась на газоне за углом дома и выверяя маршрут мужа и его распутной ученицы. Вот как внезапно и жестоко вывернулось неприглядной сутью ее счастливое брачное начало! Хотя Тамаре было унижительно и противно свое шпионство, но какая-то слепая, страстная сила требовала и дальше разыскивать сведения о той, кого невзначай увидела в просвет меж рифленых стекол и которая подстроила ей такой выверт судьбы...

Рассказать кое-что о Курдюмовой могла обыкновенная учетная карточка студента. К ней дорога для Тамары была известна: в деканате заочного отделения работала ее приятельница Софья, милая чернявая женщина с темным пушком над верхней

губой и с золотым увесистым перстнем на указательном пальце. Софья в жизни Тамары была фигурой не последней: это она и познакомила Тамару со Спириным, когда они как-то раз оказались возле ее стола. Для Софьи же в Тамаре имелся свой прок: через Тамару лежал путь к разным таблеткам, проверенным модой и дефицитом.

— Тamarочка, мне срочно нужен браслет от давления. Когда меняется погода, я просто умираю — голова кружится. Мне посоветовали... У вас, наверно, в аптеке бывают? — спрашивала Софья, поправляя перстень на пухловатом пальце.

— Наверно, бывают, — отвечала Тамара.

— А еще мне посоветовали обратиться к экстрасенсу. Но я, знаешь, ужасно боюсь этих экстрасенсов. Женщинам я не верю, а мужчины-экстрасенсы, мне кажется, думают только об одном: как бы заманить пациенток... И пожалуйста, принеси мне, Тamarочка, того снотворного, которое приносила раньше. Не могу уснуть. Я уже боюсь, Тamarочка, что стала наркоманкой, или, как там по-научному? — токсикоманкой? Да?.. Ты чего там увидела?

Все это время Тамара слушала Софью рассеянно, ее интересовали объемные картонные папки, выстроившиеся на полке рядком, с цифрами и символами на корешках.

— Мне бы... — чуть покраснела Тамара, виноватясь и замешкавшись. — У нас там, в техникуме, вечер встречи намечается... Мне бы... Вроде бы на заочном у вас в сорок четвертой группе Наташа Куликова учится. Она с нами была. Адрес бы ее узнать, она переехала. Меня просили. — Прозвучало это сбивчиво и не очень убедительно, но Софье

и в голову не могло прийти, что заглянуть в папку с кодом 44 для Тамары трепетно и важно.

— Нет ничего проще, — сказала Софья, и скоро нужная папка лежала на столе.

Тамара ниже склонила голову к поданной папке, чтобы Софья не разглядела на ее лице краску волнения — щеки загорелись — и напряженными пальцами распустила тесемки. К счастью, Софью отвлек телефонный звонок и несправданный разговор с кем-то. А бывшей сокурсницы Наташи Куликовой в природе не существовало, но вымышленная фамилия недаром начиналась с буквы «к» — рядышком с Курдюмовой — на всякий случай, Тамарин маневр...

...Казаков, Калинина, Кузьмин... Вот и она, Курдюмова Светлана... Год рождения... Домашний адрес... Семейное положение... Сведения о детях... Место работы... Тамара быстро читала, перечитывала, а с небольшой фотографии в верхнем углу в нее прямо и неотступно глядели темные глаза Курдюмовой. На фото она была явно помоложе и немного другая: с наивной челкой на лбу, волосы русы, еще не искрашены в желтое, и губы, похоже, без жирного помадного слоя, — но взгляд все равно самоуверен, вызывающ...

— Здесь нет, — сказала Тамара и закрыла папку.

— Может быть, в сорок третьей? Не ошиблась? — спросила Софья, прикрывая ладонью микрофон трубки.

— Не беспокойся. Я вспомнила, что у нашего старосты записан телефон ее родителей. Найдем.

Папка с документами группы 44 заняла прогал на полке. Для Софьи факт выемки и возвращения

этих документов на свое место был ничтожен, сразу позабыт, зато Тамара еще долго, мысленно перебирала анкетные данные на одной из карточек в этой папке.

«Она меня старше. Замужем. Есть сын... А живет в Ясногорске. Это километров двести отсюда, даже больше. Улица Дружбы, дом 9, квартира 10. Адрес легко запоминается. Хотя зачем мне адрес?.. И все-таки она замужем. Значит, кому-то жена... Но и Спирин не холостяк...»

Не один раз с того дня, когда ненамеренно застукала Спирина с гулящей заочницей, Тамара готовила себя на разговор-развязку с ним: раскрыть с презрением карты, набраться самолюбия и уйти, хлопнув дверью (квартира к тому же его, делить нечего, койка в общежитии опять найдется). Но стоило Тамаре соприкоснуться с мужем, как непостижимым образом презрение ее утрачивало всякую отвагу, а самолюбие покорно ложилось и умирало под невинным постоянством и обезоруживающей обходительностью Спирина. Желание объясниться пропадало, утолялось до будущих часов невеселого, раздумного одиночества. Что за игру ведет Спирин? Как можно делить себя на двоих? Сколько это будет продолжаться? Неужели у мужчин так принято?

«Неужели бы и он поступал так же?» — подумалось Тамаре, когда в пустой аптечный зальчик с пальмой в углу вошел Олег, всегда подгадывающий время без посетителей.

— Хмуриться очень вредно, — предостерегал Олег, замечая насуспенную задумчивость Тама-

ры. — Лицо должно быть открыто и расслабленно. Народная восточная медицина утверждает, что у тех, кто хмурится и держит мышцы лица в напряжении, часто болит голова.

— Голова у меня действительно болит... Только от другого, — уныло призналась Тамара и тут же спросила: — А как предлагает твоя восточная медицина лечиться?

— Самоусовершенствованием. Человек должен познать себя и построить себя сам... Кстати, я приглашаю тебя на наши занятия. В начале января мы открываем секцию в спорткомплексе.

— Йога какая-нибудь?

— Не совсем. Приходи — увидишь.

От слов этого малозначительного, обыденного разговора в душе Тамары проклюнулось что-то новое, захватывающее, озорное; ей как будто кто-то посоветовал с умыслом: приглядишься-ка к Олегу позорче, он по-своему интересен, лицо мужественное, сложен прилично. Ведь когда-то он тебе нравился...

— Да, я, пожалуй, приду, — сказала Тамара и решительно подумала: «Если Спириин будет путаться с той, я стану подругой Олега. Олег этого хочет, я вижу... Да...»

— А муж тебя на занятия отпустит? Он у тебя не Отелло? — прощупывал Олег.

— Не Отелло. И вообще я не обязана во всем ему отчитываться.

Судя по тому, какая улыбка проступила на скуластом лице Олега, ответ ему пришелся по сердцу.

Тамара смотрела Олегу вслед, подойдя к окну, где на стекле над рисованной чашей выгнулась симво-

лическая рисованная змея, похожая на Курдюмову, — смотрела прицельно и нехорошо: как на самца, с помощью которого сможет отомстить... Кому, кому отомстить-то? Спирина? Себе?.. Стало гадко на душе. Гадко от всей этой пошленькой истории с прелюбодением мужа, с блудом семейной студентки, с собственным выслеживанием этой парочки и появившимся эскизом мести с подвернувшимся Олегом.

В конце рабочего дня Тамара устало сдернула с головы шапочку, села на стул, пригорюнилась. Сидела долго.

5

С работы Тамара пошла не домой.

Вчера была оттепель — все вокруг поразмякло, повлажнело, словно по городу прошелся преждевременный ошибочный дождь; вчера же в ночь, как бы одумавшись, приударил морозец, застудил ростепельную жижу, оставил гололед; а на сегодня изменчивая, как девичье настроение, погода припасла снегопад: сухая свежая крупа покрывала город, маскировала ледяные коросты на тротуарах, — гололед под белой наволочью становился еще коварнее.

Тамара шла по этому припорошенному льду нетвердо, неровено, и думала странновато, не жалея себя: «Упаду — встану, не хрустальная. Если даже ногу подвигну — выздоровею... А вот как любовь? Поднимется? Выздоровеет ли? Ведь это только кажется, что у большой любви сил много, все одолеет. Наоборот, хрупкая она очень. Большая-то любовь даже маленькой трещинки боится. Даже от равнодушного взгляда страдает... А тут та-

кое: он к другой ходит... Господи, дай мне силы!.. « Снег падал ей на лицо, таял, и вместе со слезами, которые тихо катились из ее глаз, пожигал щеки посолоневшей влагою.

С этой влагою в мелких складках под глазами Тамара и переступила порог бабкилюшиной квартиры. Горе свое принесла колдунье неспроста.

— Помоги мне, баб Люш. Люблю я его. Сильно люблю... Влезла эта бессовестная в нашу жизнь, испортит она нам ее. У нее свой муж есть. Она так, для потехи. А мне всю жизнь поковеркает. Помогги, — просила Тамара, доверяясь бабке Люше первой и единственной.

Старуха разглаживала свалывшуюся оборку своего изношенного фартука, занимая этим пустяшным делом руки, соболезненно слушала горемычный голос землячки.

— А чего ж ты ему, негоднику, баню не устроишь?

— Не могу я так, баб Люш. Не умею. Он тогда узнает, что следила за ним. Пуще обозлится. Хуже бы не было, — всхлипывала Тамара.

— Погоди хныкать-то. Может, это его бывшая зазноба какая. Отойдет, поди... Че с мужика-то возьмешь? Они все кобели. Перебесится.

Но на эти увещевания Тамара не подкупалась, умоляюще глядела в несостарившиеся остро-черные глаза на старом смуглом лице.

— Помоги, баб Люш. Исстрадалась я. А ты можешь. Я ведь знаю, что можешь.

— Больно много ты знаешь! — вспыхнула бабка Люша, злым взглядом полоснула Тамару и отвернулась от нее.

Тамара враз притихла, всхлипы свои в груди задушила, сидела как мышка напуганная, жалела о своем намеке на темную молву о бабке Люше. Молва эта в свое время мутным облаком накрывала их деревню.

Сильна дурная слава — как устойчивая, невыводимая ржа! У доброго дела иль подвига жизнь, пожалуй, короче...

Молва о бабке Люше простиралась издалека, тогда бабка Люша бабкой не была... В годы, когда пришла ей пора расцвести вторым бабьим цветом — в сорокалетние то есть, — бабка Люша была однажды приглашена в соседнее село на людные именины. Там-то, на гулянке, за хмельным столом признакомилась она с молодым казистым кузнецом Григорием — человеком, впрочем, уже при семье, имеющим двух детей малолеток. Влюбился тот Григорий в Люшу сразу, шально, нетерпеливо, и во время той же гулянки под шумок сбежал с ней, с черноокой вдовой (муж Люши еще задолго до этого угодил в тюрьму за приписки в лесхозе да с зоны не вернулся: то ли кокнули его там, то ли иссох в болезни). Словом, охмурила и увела Люша из-под самого носа у «родной» жены молодца Григория, которому еще и тридцати не сравнялось.

Жена Григория, Анна, — молодуха, сердцем тоже горячая, в крик: «Ах, она стерва! Не отдам Гришу! Меня вон двое пацанов за юбку тянут...» — да мужа назад было, со скандалом, с треском, в законную семью. Тут Люша и воспользовалась своими колдовскими талантами: заговором округила брошенную женушку Анну, дорогу ей каким-то ведь-

миным средством посыпала — и как рукой сняло с молодухи всю любовь и все домогания к своему бывшему. На бракоразводном суде Анна даже единой слезинки не пролила по нем, окаянном, хотя оставалась одна с двумя мальцами и вынуждена была съехать из дому, так как жила в свекровнином доме.

Однако злой дар пришлось Люше употребить и против самого Григория. Ярко вспыхнул он нежданной любовью, да вскорости прогорел: через год житья на чужой стороне стал тяготиться «пожилой» сожительницы своей и однажды сказал в запале: «Шабаш, пожили!» — «Шабаш так шабаш», — не супротивилась Люша, но глазами резанула своего неверного, а напоследок напоила злодейским зельем и напрочь его обессилила по мужской части... И никто Люшину снадобью противоядие не нашел, Григория не излечил — так и прожил он свой век в одиночестве, утеху находя в стакане вина и кузнечном ремесле.

...Долго бабка Люша сидела насупившись, молча, боком к просительнице: шибко ранили ее намеки на свой прежний черный грех. Наконец встала, оправила головной платок, искоса посмотрела на Тамару все еще колючим непростительным взглядом. А у Тамары в глазах по-прежнему — заискивание и мольба. Тут, вероятно, бабка Люша рассудила так: тогда она семью разбила, а теперь ей предлагалось семью спасти — дело не худое, зачтется, коли Бог есть (икону в красном углу бабка Люша держала).

— Ладно, — шепнула она.

У Тамары гора с плеч.

Вскоре бабка Люша принесла из кладовки сложенный конусом газетный сверток, в нем — серая крупная соль.

— Вот, — сказала. — Ручку дверей, где его полубовница живет, натрешь этой солью. Потом три щепотки перед порогом сыпнешь. А остатки соли в землю зарой, подальше... Да так, чтоб не знал никто! — Позже прибавила, глядя в испуганно-счастливые глаза Тамары: — Поможет, если все верно выполнишь. Языком, главное, не болтай.

Слов благодарности бабка Люша слушать не хотела, скоренько выпроводила Тамару, попрощалась сухо.

— Чтоб знать никто не знал! — наказала еще раз. — Да сама-то поумней будь. Поглядывай за мужиком своим. Изба веником метется, мужик бабою ведется...

Уже на улице, пройдя чуть ли не квартал, Тамара спохватилась: она забыла узнать у колдуньи, куда сыпать соль и какую дверную ручку натирать, ведь Курдюмова из Ясногорска? Ехать туда, что ли? Но вращиваться к бабке Люше она не посмела, даже суеверно убоялась повернуть голову назад, оглянуться.

А чем ближе подходила к своему дому, тем меньше уповала на кулечек с солью: «Насильно мил не будешь. Отважу ее, отгоню, а любовь-то Спирина где? На привязи его держать?» — И опять в душе делалось темно и тоскливо, как в кладовке без окон, когда там гасят свет уходя...

Спирин был дома. Сидел на диване, смотрел по телевизору хоккей (это было одно из его муж-

ских увлечений) и пил из большой деревянной кружки пиво, закусывая сушеными окунями. После нескольких неминуемых дежурных фраз Тамара устало навалилась на косяк в дверном проеме, сбоку наблюдала за мужем — и с чувством любви, и с чувством какой-то практической невозможности этой любви, словно впереди надвигалась разлука.

— Ты чего, лапа? — повернулся к ней Спирин: он, видимо, почувствовал на себе ее долгий взгляд.

— Я так, ничего, задумалась что-то, — смутилась Тамара.

— Иди ко мне, лапа. Посидим. «Спартак» все равно проиграл, я уже не смотрю.

Тамара сначала не поняла его слов, как будто не могла уже рассчитывать на законную нежность живущего с ней мужчины. Замешкалась. Как она бывала счастлива еще недавно, когда Спирин звал ее к себе! Она переставала ощущать себя в его взгляде, в его тепле, в его шепоте!

— Ты почему такая грустная? — спросил он, усаживая ее к себе на колени, и, не дожидаясь ответа, заговорил обобщенно: — Человек — удивительно неустойчивая система. Поднимется не с той ноги, и любая ерунда может стать причиной для огорчения... Ты сегодня тоже не с той ноги встала? — Он опять спросил, но ответ, казалось, ему опять не был нужен. — Интересно получается: лапа встала не с той лапы, — рассмеялся Спирин. — Пивка, лап, хочешь? С рыбкой? Отлично...

Он подносил к ее рту маленькие ломтики соленой рыбы, она брала их губами и запивала прохладным пивом, которое всегда недолюбли-

вала из-за горькости, но сегодняшнее, сдобренное ласковостью Спирина, почти не горчило. Он улыбался ей, омывая ее теплой голубизной своих глаз, и Тамара отмякала, сиюминутная радость разряжала нервную издерганность последних дней. Спирин был сейчас таким добрым, таким домашним, таким тамариным и, казалось, таким беззащитным перед распущенностью Курдюмовой.

«Не отдам! — мысленно твердила Тамара своей сопернице. — Ни за что его не отдам. Нет!»

6

За окном междугородного автобуса — поле. Пустынно и снежно это поле, и скользит по нему взгляд почти без запинки, только на бугорке, точно на волне, колыхнется. Даль за полем сумеречна, синевата, должно быть, там леса, дремучесть, но разглядеть ее покуда трудно: солнце взялось лишь желтой краюшкой обочь поля — не разгорелось, не разалелось среди надгоризонтной мутной хмари. Рано.

«Куда это ты ни свет ни заря?» — удивился Спирин на Тамару, поднявшуюся в сонные утренние потемки.

«Мне сегодня нужно на базу за товаром. Пораньше просили, — ответила она. — И вечером я приду поздно».

«А вечером куда?»

«Мне надо к девчонке одной, мы учились вместе».

«Хорошо, что не к мальчишке», — зевая, пошутил Спирин, хотя так-то шутить в его положении, казалось бы, не следовало.

...»Да черт знает, что у него за положение», — думает Тамара, обмеряя взглядом огромный белый клин, бегущий ближним краем под колеса автобуса. На пассажиров она старается не смотреть: вдруг кто-то опознает — и раскроется ее тайная вылазка в Ясногорск. В сумочке у Тамары — заговоренная соль, соль — надежда и причина поездки. «Почему я должна страдать? — мысленно оправдывает Тамара свое запланированное шаманство. — У нее свой муж есть. Пусть его любит...»

Плывет в утренней дымке, подкрашенной желтизной раннего солнца, мимо окон поле. Украдкой вздыхает Тамара: «Муж... Любовь...» — и вспоминается ей жизнь дозамужняя, когда — ни Спирина, ни любви — обузы этой; когда вольно, как ветру над белой огромностью поля. Первый раз искренно пожалела, что замуж вышла...

Найти улицу Дружбы в Ясногорске трудов не составило: улица в самом центре. Но в дом номер девять Тамара сразу не пошла: духу с первого подхода не хватило — решила присмотреться, взглядом отыскать окна курдюмовской квартиры.

Дом старинный, дохрущевской эпохи, с высокими большими окнами, по фасаду венки и гирлянды лепнины. «Вот эти», — вычислила Тамара несколько окон в третьем этаже и мысленно, раздернув гардины в окнах, осмотрела меблировку курдюмовского жилья; вернее, здесь, на тротуаре под окнами, которые магнитили ее скрытный взгляд, она поверила своей версии о достатке Курдюмовых. Подумала: «С жиру она бесится...» — Словно, если бы Курдюмовы жили в бараке или в деревянной избе, то у Курдюмовой было бы боль-

ше притязаний на разгульную жизнь, на чужого Спирина. «Чего ей не хватает, гадине?» Мысли эти придали решимости.

Вскоре Тамара оказалась в сумраке нужного подъезда. Ступала на лестницы носочками, чтобы не разбудить гулкой пустоты, робела, даже вслушивалась в шорохи своей одежды. Она поднялась на третий этаж, тихонечко расстегнула сумочку, нащупала рукой соль в старой и оттого бесшумной газете, взяла горсть. И уже лишние крупички нечаянно полились дробью на кафельные квадраты пола, как вдруг дверь, что — напротив курдюмовской, отворилась. На площадку вышел высокий, пожилых лет человек в бушлате воинского покроя и офицерской шапке со следом от кокарды, — вероятно, из отставников, — с детскими санками в руках. У него было продолговатое лицо, седые мохнатые брови и седые мохнатые усы; во рту дымилась только что прикуренная папироса. Следом за ним — в черной шубке, в черной, в форме шлема, шапке и коротких новеньких валенках — малыш, который, казалось, и не вышел, а выкатился колобом, ибо зимняя толстая одежда придавала ему некую округлость, с которой вполне сочеталось его щекастое лицо.

И отставник, и малыш, появившиеся столь не ко времени, вопросительно воззрились на Тамару.

Тамара упрятала свой стиснутый кулачок с солью в карман, а другой рукой надавила на кнопку звонка курдюмовской квартиры.

— Вам кого трэба? — тут же спросил сосед, выдернув изо рта папиросу.

— Мне Курдюмовых, — волнуясь ответила Тамара. — Светлану Викторовну, — прибавила для убедительности, зная, что это безопасно.

— Нэма ее сеходня. На экзаменах она в областном хороде, — по-южному размягчая в словах «г», объяснял отставник. — А вы кто будете?

— Я?.. Я из госстраха, — соврала Тамара.

— Вам тогда с Хеннадием надо повстречаться, с мужем ее. Он туточки в соседнем доме работает, в телеателье... А это сын их, Роман. Со мной днюет, покеда мать в отъезде, — указал он на выступившего вперед малыша.

Тамара посмотрела на малыша и на мгновение оцепенела: он остро, больно напомнил глазами свою мать: такие же темные, большие, как на студенческой карточке Курдюмовой, — и некоторая задиристость в мальшовом взгляде: что за гостья тут к нам?

— Когда она приедет? Не знаете? — обратилась Тамара к соседу, чтобы скрасить в словах свою растерянность, не затянуть молчание до подозрительности.

— Послезавтра прибудэт... Да вы с Хеннадием переховорите. Тут рядом. Он хлавный там, директором в телеателье.

— Хорошо, я зайду, — быстро ответила Тамара, скользнула осторожным взглядом по пытливому толстому лицу Курдюмова-младшего и пошла по лестнице вниз.

Сорвалось! Как все по-дурацки сорвалось!

— Можэ, проводить вас? — окликнули ее сверху.

— Нет-нет, спасибо. Я сама найду, — отозвалась Тамара и, чтобы не попасть под опеку услужливого отставника с воспитанником, убыстрила шаги.

Во дворе дома лежала тень — холодная, гнетущая, чуждая тень... И все вокруг было чуждое: этот дом, эти строения незнакомого города с дымной трубой на горизонте, эти отталкивающие своей зимней обмертвелостью деревья, эти заснеженные скамейки, на которых следы чьих-то ног, эти вороны на проводах, этот воздух, наконец, жизнь семьи Курдюмовых, в которую Тамаре угораздило впутаться. Тамара даже сама себе показалась чуждой — увидела себя со стороны и ужаснулась: зачем она здесь? ради кого? ради чего? Ей было сейчас очень горько, хотелось вышвырнуть прилюдно эту беспомощную соль, которую подсунула ей бабушка Люша, хотелось со всего размаху ударить Спирина сумочкой по лицу, а потом убежать от всего и всех куда-нибудь подальше, лучше — в свою деревню, и спрятаться там где-нибудь в запечье...

Солнце вырвалось из-за угла и отсекло тень. Но не просветлило душу. И горечь обиды вдруг заговорила в Тамаре дерзким, норовистым бабьим голосом, наущая: «К нему иди! Ей смеяться, а тебе страдать?.. Понадежнее соли будет. Пусть знает! Пусть следит!» Задумка эта вынашивалась Тамарой уже давненько, но действенный черед ее наступил только сейчас, подстегнутый обозленностью.

Без особой решительности, но без колебаний Тамара вошла в учреждение, где свойственный канифольно-пластмассовый запах, а в интерьере пыльные внутренности вскрытых телевизоров и синяя рябь экранов.

— Можно? — спросила Тамара, приотворив обитую кожей дверь с директорской табличкой.

Человек, сидевший за столом, разговаривал по телефону и что-то черкал на листе бумаги. Он вялым неприветливым кивком указал на стул, не промолвив по адресу посетительницы даже ответное «здрасьте». У Тамары выдалось время разглядеть хозяина кабинета, невольно сличить его черты с недавно встреченным малышом. У него был мягкий круглый овал лица со штрихом двойного подбородка, красноватый крупный нос и небольшие, не улыбочивые губы; волосы — откровенно рыжие — мелкими волнами утекали назад от высокого открытого лба и наметившихся залысин; на толстых веснушчатых руках — золотистая поросль. То, что галстук на шее у него был бесцеремонно ослаблен, что, невзирая на посетительницу, он говорил по телефону с руганью: «Скотина он, а не депутат!.. « и что на столе у него — дорогой письменный прибор с Останкинской телебашней в миниатюре, давало какое-то основание считать его человеком с администраторской хваткой и властолюбивым нравом.

Когда телефонный разговор кончился, хозяин кабинета перестал пачкать лист, и глаза его без любопытства остановились на посетительнице.

— Что у вас? — скучно спросил он.

— Вы Курдюмов? — произнесла Тамара тихим голосом.

Выдержав паузу, хозяин кабинета ответил: «Да», и некоторая тревога проступила на его лице: он, вероятно, почувствовал, что посетительница не из привычных жалобщиков-клиентов, которые ходят с попреками на телемастеров.

В дверь кабинета тем временем без стука и приличествующих слов вошел длинный патлатый парень в синем халате с надорванным карманом, из которого торчала отвертка, заговорил на ходу, протягивая Курдюмову какую-то бумагу.

— Этих деталей, Геннадий Сергеич, на складе нет. Пусть они сами достают, я им не обязан...

— Уйди! — негромко, но грубо пресек его Курдюмов. — Занят. Не видишь?

Парень на полшаге остановился, перепуганно покосился на Тамару, а через секунду его как ветром сдуло; директор, видать, с подчиненными не цацкался. «Что же вы так жену-то распустили? С ними вы вон какой», — мысленно укорила Тамара Курдюмова, который смотрел на нее уже и раздраженно, и недоверчиво.

— Вы жена нашего уволенного шофера? — быстро спросил Курдюмов и, казалось, очень хотел, чтобы ему ответили утвердительно.

— Нет, — покачала головой Тамара и замолчала. У нее было ощущение, что придется говорить ему о смерти близкого родственника... — Я приехала из-за вашей жены, — наконец сказала она.

— Что с ней? — встрепенулся Курдюмов.

— Нет, вы не беспокойтесь, с ней ничего, все в порядке, — поспешно ответила Тамара, но споткнулась: — Вернее, я не так сказала. Ваша жена и мой муж встречаются...

После этих слов в кабинете как-то враз ощутилась духота, почувствовался кисловатый запах припоя. Курдюмов сидел неподвижно, взгляд его шатался по столу.

Тамара вздохнула, виновато склонила голову — теплая слеза выкатилась на щеку:

— Я не знаю, что у них, но они встречаются... Вы поймите меня. Я не оправдываю своего мужа, он поступает подло, но и она... У вас тоже семья, ребенок... — прерывисто, тихо говорила Тамара. Ей было жаль себя и уже очень жаль того, кому открывала глаза на измену...

Курдюмов уже не выглядел ни полнотелым, ни самовластным: он в одну минуту сдал, осунулся: вылиняла румяность с лица, толстая шея одрябла, стыдливо сузились и впали глаза, — его как будто проткнули и выпустили из него и здоровье, и гонор. Когда Тамара встала, чувствуя, что вопросов к ней не будет, Курдюмов не пошел велился.

— Извините меня, — прошептала она сломавшимся от слез голосом. — Извините, пожалуйста. — Пошла к выходу, но прежде, чем уйти, обернулась: — Я очень прошу вас: никому не говорите, что я приезжала. Мне кажется, если они узнают, будет только хуже... Обещайте мне.

Он молчал, как будто не слышал.

— Обещайте мне, — потребовала она.

— Не беспокойтесь: я вам обещаю, — устало ответил Курдюмов, не подняв на нее глаза.

— У вашей квартиры я встретила соседа, из квартиры напротив. Мне пришлось сказать, что я из гостраха... Извините меня.

Курдюмов медленно оторвал взгляд от стола. Тамара встретила с ним глазами и внутренне содрогнулась: в его глазах скопилось столько тоски и стыда, что, казалось, ему совсем не хочется жить;

а во всем его облике была заторможенность и отрешенность полумертвеца...

Зазвенел телефон на столе. Курдюмов не потянулся к трубке. Так Тамара и оставила его одного — со звонками бессердечного телефона.

От мастерской, от дома номер девять она шагала быстро, торопилась на автостанцию — хотелось поскорее уехать из Ясногорска, проклясть и навсегда забыть всю чертовщину этой поездки. Быстрее! Не опоздать на ближайший автобус!

В автобусе старалась спать. Но бесполезно. Поле, даль снежная — за окном. Пусто. Холодно. Как жить в такой холодной пустоте?

7

Прошло несколько недель.

Наступал февраль, и в полдень уже теплело: ледяной частокол сосулек, угрожливо свисающий с карнизов, то ли горько, то ли счастливо плакал, черно и влажно отблескивал после студенной седины асфальт, молодое солнышко, точно безустанная модница, гляделось в зеркало окон. Но ранние часы отличались крепкими утренниками: в накипи изморози белились деревья, с паром говорили и дышали люди, каткие застывшие лужи утешали резвость идущих на занятия школьников.

По вечерам тоже настаивался холод. И нынче вечером не в исключение: с потемками прихватило, морозными точками вызвездилось небо, натянуло узорчатым ледком отпотевшие было днем витрины, у людей пар у рта.

Волосы у Тамары обметало белизной инея — тонкими сахарными проводочками жались они в завитке, выбившиеся из-под шапки; крохотные капли серебра от растаявшего в студеном воздухе дыхания держались и на бровях. Сама Тамара этого не видела, но эти тонкости подмечал Олег, который шел рядом. Он много говорил, словно в проталины молчания утекала приятность сегодняшнего вечера.

— Этой гимнастикой можно заниматься в любом возрасте. В том и преимущества восточных систем, что для них безразличны годы... Конечно, одна, две, десять тренировок результатов не дадут, но сто тренировок... Ты почувствуешь себя другим человеком!

— Посмотрим, — улыбалась Тамара, поправляя на плече сумку.

Но уже сейчас — довольно и первого занятия в секции — Тамара поняла, что ни в какие восточные гимнастики не влюбится, да и не все ли равно: волейбол, плавание, а хоть бы и женский бокс... — лишь бы транжирить время, лишь бы отвлечься, не думать, не вспоминать о том, что произошло. Произошло? Да, произойти произошло, но прошло ли? Ведь Курдюмова в начале лета опять приедет на сессию... А вдруг и поездка Тамары в Ясногорск для Курдюмовой уже не секрет?.. Какая-то темная тревога поселялась в душу от этих прилипчивых мыслей с их пиявочным холодком будущей неизбежной развязки.

А Олег все не умолкал. Говорил о восточных системах оздоровления, о каких-то столетних тибетцах, про какую-то философию и все загляды-

вал Тамаре в лицо. Под светом уличных фонарей она действительно была сейчас хороша, и нравилась ему даже больше, чем в спортивном зале, где он поминутно оглаживал вожделенным взглядом ее фигуру в облегающей футболке и в лосинах. Замужняя Тамара казалась ему привлекательнее и доступнее, чем та, с которой не сложилось по юности.

— Если ты не очень торопишься, зайдем ко мне. На чашку чая. Тут рядом, в двух шагах, ты знаешь... Я один, мать у сестры гостит, — сказал Олег и остановился.

Неожиданное приглашение Тамару сперва насторожило: «Идти к нему? Зачем?» Но потом она прикинула: Спирын в этот вечер будет «обмывать» защиту чьей-то диссертации, придет поздно, или даже очень поздно, к тому же навеселе; срочности в домашних делах — никакой, в перспективе — тупое сидение у телевизора; да и глаза Олега, посаженные природой с некоторым нерасчетом — близковато к переносице — и оттого сбивающие пригожесть его мужественного лица, смотрели так раболопно и так дружески-мило.

— А почему бы и не пойти? — вслух поразмыслила Тамара и с этим приняла приглашение.

На чайном столике в ажурном подсвечнике горела длинная декоративная свеча; неоновая лампа пронизывала своим светом аквариум, где среди невсамделишных водорослей в соседстве с пугливой стайкой мелюзги проворно плавала крупная красивая рыбка, переливаясь золотом чешуи и большими янтарными плавниками; за аквари-

умом, опрокидывая стену комнаты, в окружении богатой южной растительности уходила в горную долину белая каменистая дорога — такой ландшафт представляли фотообои; на другой стене над книжной полкой с глобусом — глиняные маски языческих богов, а напротив, в слепые глаза богов с туристического плаката весело смотрел бородастый горнолыжник на фоне снежных круч. Тамаре было уютно среди этой бутафорской экзотики, мягко на угловом просторном диване, тепло с кобальтовой чайной чашкой в руках. Чай бесподобно вкусный и ароматный, с «миллионом витаминов», приготовленный из целебных трав, которые Олег сам собрал в экспедиции в предгорьях Тянь-Шаня. В чай Олег добавил и какого-то «бодрительного» бальзама.

— Еще? — предварял он уже на полчашке.

Он сегодня очень хотел угодить Тамаре, это было даже слишком заметно.

— Смотрю на тебя, Олег, и все думаю: почему ты не предложил мне выйти за тебя замуж? — вдруг спросила Тамара, простодушно и невозмутимо, с непривычной для Олега и для самой себя смелостью.

С лица Олега недоуменно сползла блаженствующая улыбка, что-то виноватое означилось в наклоне его головы и коротком пожатии плеч.

— Несмышленный был, — ответил он. — Жил и надеялся, что у меня Тамар будет еще много... К тому же работа, экспедиция. Думал, с семьей всегда успеется. Оказывается, не всегда... Только теперь понял, что мне другой такой Тамары никогда уже не встретить...

Она внимательно смотрела на него, внимательно слушала и думала с некоторым отчуждением: «Врет он или искренен?.. Скорее всего, и то и другое. Пожалуй, он сам не понимает, где говорит правду, где хочет обмануть меня и себя».

— Время ушло, Олег, — заговорила Тамара. — Ты пытаешься ухаживать за мной, но я теперь мужняя жена... Зачем все это? — И она кивнула на стол с длинной свечой в ажурном подсвечнике.

Он опять потупился и слегка пожал плечами:

— Я не могу запретить себе ухаживать за тобой. Мне безразлично, что ты кому-то жена. Для меня ты все равно самая милая Тамара на свете. — Голос его стал тих, хрупок, вкрадчив. — Ты мне еще никогда так не нравилась, как теперь. Ты меня просто с ума сводишь, Томочка...

Он приблизился к ней, и вскоре Тамара почувствовала — как-то отстраненно, без красочных эмоций и удовольствия, — что ее целуют в шею, что ее не по-спирински и как-то вроде бы не очень опытно обнимают. В этом было что-то безвкусное, неестественное, неуклюжее, хотя и знакомое, несколько подзабытое. Она ничему не сопротивлялась, сидела послушно, немного побаивалась, что коленкой может нечаянно толкнуть низкий столик, на котором чашки, сахарница и чайник, и длинная свеча в легком, валком подсвечнике; да из-за плеча Олега наблюдала, как золотая рыбка отрывисто чертит в сине-зеленой воде бесследные прямые линии и, наверное, ищет в четырех стеклянных стенах свободу...

Потом Олег задул свечу — церковно запахло дымом, который тонкой сизоватой гадючкой пополз

вверх от фитиля; потом умерла где-то в сплетениях водорослей золотая рыбка: Олег выключил подсветку аквариума; потом бессветную комнату тихо заполнили нежные шорохи.

Тамара вернулась домой разбитая, потерянная, раздерганная. Душу тяжелил ком впечатлений, которому предстояло еще долго дробиться, чтобы лечь осадком воспоминаний. Она сейчас совсем не знала, не понимала, где и в чем истинный свет, где пристанище и покой для женщины и для неверной жены.

Спустя немного времени вернулся домой и Спирин. Пьяненький и ласковый. Пьяненький он всегда становился обильно нежен.

— Ты, лапа, не сердись на меня?.. Ну и правильно... Знала бы ты, лапа, как наш «именинник» отвечал оппонентам и какой был фуршет!.. А я для тебя гостинец принес. Твой любимый шоколад, с орехами. — Карман пиджака зашумел оберточной фольгой шоколада... — А ты, лапа, была сегодня в своей секте-секции? Ты уже стала настоящей йогкой?

Спирин подхватил Тамару на руки, поцеловал в лоб, в нос, в подбородок (в губы — немного промахнулся), продолжал что-то рассказывать о диссертанте. Она слушала его сладкий лепет, поглядывала снизу вверх в его голубые глаза и думала с укоризной и смятением: «Ведь я, Спирин, тебе сегодня отомстила. Ты и не догадываешься... Как все это легко и обыденно. И как гадко! Ведь теперь выходит, что и моя любовь к тебе — не любовь. Что же это за любовь, если нет в ней верности? Значит

не святая она, значит не от Бога. А если не от Бога, тогда вон, поди любись с каждым, лишь бы телу приятно было да на душе не совсем тошно... И зачем я предала Курдюмову? Зачем рассказала про нее мужу?.. Как все гадко и глупо!.. Боже, как я любила тебя, Спириин! Из-за этой любви я сама себя потеряла. Я сама себе противна...» И хотя дурманно-мил был шелест Спириинского голоса, и влюбленно-тепло синели его глаза, все же от нынешней ласковой участи Тамаре хотелось бы скрыться в былом девичестве, в своей захолустной деревне, когда на душе нет еще пятен вины, когда неведомо еще чувство предательства и раскаяния...

8

За большими окнами аптеки белесо реял пасмурный апрельский вечер. (Миновало почти три месяца.) Нынешний вечер припас Тамаре возвращение в пустой дом: Спириин уехал на семинар в Новгород, прибудет через несколько дней. Идти домой коротать одиночество Тамара не спешила, надумала позвонить Софье.

— Непременно буду ждать! — говорила по телефону Софья. — Сейчас весна, мне жутко не хватает витаминов. Принеси мне тех, импортных, в красочной упаковке, помнишь? И что-нибудь от аллергии захвати, обязательно! Жду!

Весна в эту пору шла вразвалочку, без огонька: тепло без солнца топило снег в неохотку, — слякотно, — однако воздух был мягок, с таинством всеобщей побудки: крохотные серые мышки облепили матово-бурые ветки верб.

На мостовой узкий ручеек бежал возле бордюра, тек по наклонной. Тамара заметила, как рядом плывут два самодельных кораблика, маленькие, из спичечных коробок, колеблются на мизерных волнах. На перекрестке ручеек делал поворот, и один из корабликов вынесло на излучине на прибрежный асфальт, другой — поплыл дальше... «Вот и разошлись, — грустно усмехнулась Тамара, — как в море корабли...»

... — Спасительница моя пожаловала! — радостно встречала Тамару Софья, обняла ее, прижалась надушенная по-французски вкусно. — Я весной буквально умираю от аллергии. А еще чувствую, просто каждой клеткой чувствую, что мне не хватает витаминов... Мне один знакомый посоветовал гормональные препараты принимать. Это не вредно, Тамарочка?

Слушая знакомый щебет Софьи, Тамара ненароком увидела на ее столе знакомую папку с номером 44, причем папка, наверное, находилась в работе: тесемки развязаны. Дурные воспоминания болезненно встрепенули душу: промелькнуло красное платье Курдюмовой, тяжелый овал лица ее мужа, недоверчивый взгляд Курдюмова-младшего.

Софья с каким-то наркотическим вкусом вертела нарядную коробочку импортных витаминов, а потом тоже натолкнулась взглядом на папку посреди стола. Молча открыла ее, взяла сверху учетную карточку и протянула Тамаре:

— Смотри, — сказала со вздохом.

Темные глаза Курдюмовой на маленькой фотографии вобрали Тамару как в прорубь: ледящий страх близкой опасности, разоблачения и беды ох-

ватил ее, заморозил в чутком напряженном ожидании тело и душу. Она с трудом освободилась от цепкого Курдюмовского взгляда, искоса посмотрела на Софью.

— Трагедия, Тamarочка. Просто кошмар... Вчера Эльвира от матери из Ясногорска приехала. Ты, наверно, помнишь Эльвиру. Наша лаборантка. Прическа такая коротенькая. У меня тогда сидела. В очках. Она и рассказала...

«Что? Что рассказала? Не тяни ты!» — хотела закричать Тамара. Едва удержалась.

— Настоящая трагедия... И главное, муж у нее — образованный человек, начальником каким-то работал. Эльвира говорит, деловой, непьющий, при деньгах... — Софья опять безжалостно медлила: вздохнула, положила учетную карточку Курдюмовой перед собой. — Он в нее выстрелил из ружья. То ли они поругались сильно... то ли он приревновал ее к кому-то... Наверно, все-таки второе... Она такая эффектная, на нее мужчины поглядывали, — Софья повертела в воздухе рукой, изображая этим эффектность Курдюмовой и с лукавой улыбкой, безобидно и легковесно добавила: — Твоему Спирину, говорят, она тоже когда-то нравилась... — И тут же грустно вздохнула.

У Тамары что-то обвалилось внутри, все на мгновение всколыхнулось перед глазами...

— Она все-таки жива осталась, — подперев лицо кулачками и глядя на фотографию Курдюмовой, рассказывала Софья. — Он ей в сердце не попал. Куда-то в бок выстрелил. Она, видимо, успела вернуться. Но Эльвира говорит, что позвоночник задело. Может остаться лежачей на всю жизнь. Вот

горе. Она лежащая, он в тюрьме, а сын у них еще маленький...

При словах о сыне внутренний взгляд Тамары высветил в памяти малыша в шубке, — теперь такого сиротливого и несчастного, с укоризной в глазах.

— Я пойду, — тихо сказала Тамара и, опираясь на спинку стула, медленно поднялась. Внешне получилось так, словно бы то, о чем рассказывала Софья, Тамару совсем не заинтересовало.

— Куда ты? Посидела бы еще. Можно и кофейку сообразить.

— В другой раз. На улицу хочу. Мутит меня что-то... — сказала Тамара, избегая взгляда приятельницы и невольно, себе в наказание, встречаясь с неживыми глазами Курдюмовой.

— Побледнела ты, — забеспокоилась Софья. — Да ты не в положении ли? Я тут разболталась, а тебе, может...

Тамара не ответила, виновато улыбнулась, точнее, попробовала улыбнуться:

— Нет-нет, все нормально. Не надо меня провожать.

Смеркалось. Купол неба снижался, накрывая землю первыми негустыми потемками. Улицы еще оживленны от движения людей и машин, и полны звуков. Но для Тамары все отдалилось, все онемело: бесшумно катят машины, безголосо разговаривают друг с другом прохожие, беззвучной водой текут ручьи. Она слышит сейчас другое: оскорбления и брань дикой разборки Курдюмова с женой... Тамара хорошо помнила руки Курдюмова, с толстыми пальцами в золотисто-рыжих волосках —

теперь они сжаты в зловещие кулаки; помнила его суровый перекося губ, когда он прогнал разбежавшегося подчиненного, — теперь в нем стократ той суровости; помнила его глуховатый, немного медвежий голос — теперь он еще и хрипуч от надсиды... Курдюмов, видно, не одолел той тоски, которую прочитала Тамара в его прощальном взгляде, он сдался ей — слишком ревнивый и любящий, а может, самолюбивый, и эта тоска обернулась в нем в безрассудную ярость. Теперь он распалает себя скандалом до убийства, а его уличенная жена что-то опрометчиво отвечает, может, строптиво прекословит, что-то пытается доказать... Но стоп! «Хватит врать, стерва!» Он — к ружью, а она с визгом — из квартиры. Но убежать не успевает...

«Неужели так велик был ее грех, чтобы стрелять?» — спрашивает Тамара у Курдюмова, но не слышит, не дожидается ответа. А почему он расправился с ней не сразу после сессии? Чего выжидал? Может быть, присматривался, ждал ее раскаяния? Может, она сама дерзким словом и неразумным поведением подвела его к выстрелу? Ответов не было. Вернее, был лишь один, последний: Курдюмов поквитался с неверной женой, ему быть судимому и сидеть в тюрьме, значит и по его судьбе колесо прошлошь-прокатилось.

«Эх, Геннадий Сергеич, Геннадий Сергеич, вы и меня окончательно добились... Верно говорят, беда в одиночку не приходит. Теперь уж мне точно конец...»

Фасады домов, занавешенные прозрачным туманом потемок, тускло озарялись зажженными,

разбросанными по этажам окнами. В низких домах — окон меньше, и свет в них почему-то казался желтее и робче, будто там по-прадедовски жгли свечки. «Свечки, — прошептала Тамара, вспомнив длинную свечу на чайном столике. — Олег... Он мне может помочь. Только он. Ведь от него я жду ребенка. Ведь я это знаю, чувствую, что от него...» Тамара остановилась, огляделась: ей лучше в этом месте перейти дорогу, а дальше — через двор в арку, к дому Олега.

Вот она уже поднимается по лестнице, волнуется, ищет слова, которыми все объяснит Олегу. Он, увидев ее, наверное, очень удивится, а потом, наверное, растеряется, будет выпрашивать, дознаваться: «Да откуда ты знаешь, что беременна от меня?..» Тамара поднялась по лестнице, вот нужная дверь. Ключом отперла замок, вошла. Вошла в свою квартиру. Это мысли ее, воспаленные, направились к Олегу, а ноги привели домой, не захотели наматывать напрасный круг, усомнились в Олеге... Да и то верно: чем она докажет?

Светло-синяя, кривая трапеция света, составленная шторами под наклон и верхней, и нижней поперечинами окна, давала скромный свет, различались на столе возле вазы палые красные лодочки с желтыми носами — палые лепестки увядших тюльпанов, принесенных Спириным в день перед отъездом в командировку; рядом со столом, на спинке стула, висел с надломленным плечом серый рабочий пиджак Спирина. Какой-то заброшенный вид. Совсем одиноко. И кажется, зябко почти как на улице...

Что же все-таки произошло? Зачем она поехала в Ясногорск? Тамара старалась взвешенно и поэтапно разобраться в том, чего накрутила судьба. Курдюмова теперь будут судить. На следствии он, конечно, предъявит как оправдательный факт проезд к нему жалобщицы. Значит ее, Тамару, тоже вызовут давать показания. Потом — на суд свидетельницей... Это неминуемо докатится до Спирина. Кем тогда она будет выглядеть перед ним? Подстрекательницей? А может, соучастницей?

За вспышкой отчаяния пришла жалость к себе, которую никто не поймет, которая никому ничего не докажет, потом — жалость к невинному преступнику Курдюмову, который был обречен на мщение, и наконец, — к мальчишке, которому добродетельный отставной военный с южным произношением «г» отца не заменит... Жалость сменилась раскаянием. В том, что Светлана Курдюмова, недавно жизнелюбивая, цветущая женщина, нынче неподъемная калека, ее вина, ее, Тамары! А чем она сама ее лучше? С Олегом спуталась! Отомстить захотела? Нет, Спирина никогда не простит! Такое и простить невозможно! И она себе такое никогда не простит!

ЭПИЛОГ

Как-то поздней осенью, сырым зябким вечером, от которого хочется поскорее сбежать под кров, на железнодорожном вокзале в ресторане, недорого и давненько не отремонтированном, так что истрескались квадратные колонны в кремовом колере, сидел за пустым столиком офицер в чине ка-

питана с эмблемами танкиста в петлицах. От безделья, в ожидании официантки, он вертел в руках фужер. Сбоку к столику подошел человек в сырых разбухших ботинках, в сером поношенном пиджаке и в темно-фиолетовой рубашке — невыигрышного тона.

— Можно? — негромко и равнодушно спросил он капитана.

— Пожалуйста, — без любезности отвечал военный.

Теперь они делили ожидание вдвоем. Молчали. Пришедший к беседе был пока явно не расположен: смурый, с потупленными глазами; в небритом лице измученность — вероятно, от дороги, пересадок, томления у билетных касс, от прочих вокзальных неудобств. Капитану не хотелось тревожить его вопросами. Молчали они и после того, как официантка в кружевном кокошнике и белом переднике, на поясе которого висела на леске бутылочная открывалка, приняла заказ. Первыми словами они перекинулись лишь под водку: сидеть напротив и пить поодиночке для русского человека не с руки. Они подняли налитые рюмки, кивнули друг другу.

— За ваше здоровье, — сказал капитан.

— Взаимно, — ответил его сосед.

Выпили, стали закусывать салатом.

— Проездом? — спросил капитан, начиная испытывать размягченность от теплого воздействия водки.

— Нет. Мимо шел. Выпить захотелось, — ответил ему сосед, посмотрев большими грустными голубыми глазами.

Это был Спирин.

«Умный мальчик», — говорили про него в детстве. «Парень что надо», — так оценивали его в юности. «Клевый чувак», — на молодежном жаргоне называли его в пору студенчества, «Хороший мужик», — в последние годы характеризовали его сослуживцы. Спирин и в самом деле был человеком достаточно умным, понятным и широким. Бог дал ему красоту лица и ладность осанки, нормальное здоровье, выдержанность и рассудочность натуры. На своем пути он не встретил людей, которых бы люто, непростительно возненавидел, врагов то есть; со многими он спаял дружбу и легко сходился и с молодым, и со старым. Если где-то в компании разговор обрастал политикой, он толково поддерживал его, недаром историк; если говорили о модном литературном авторе, он что-нибудь у него непременно читал; если кто-то предлагал ему сразиться в шахматы или на символический проигрыш в преферанс, он не отказывался и играл недурно; если в каком-то театре потчевали выразительной премьерой, он заглядывал туда, но при этом успевал азартно следить и за хоккейным чемпионатом. Он жил полнокровно, определенно и достойно, оттого и слыл «хорошим мужиком». Некоторые еще прибавляли, обычно с завистью: «Сердцеед... Бабам очень нравится». Это было истинно: женщин он к себе располагал, но бабником все же не был. Он сблизился с несколькими женщинами, но это не было спортом, развратом и сладострастием — легкие увлечения, как правило, потихоньку тускнели и мирно умирали либо переходили в дружеские сношения. В брак он всту-

пил человеком зрелым, по обоюдной любви, с расчетом на долговечность и незыблемость семейных уз. А что до встреч со Светланой Курдюмовой, так это было нечто вроде вкусного гарнира, — прихоть мужского себялюбия и некое утверждение мужской гордости. С его данными, с его возможностями вроде бы было непростительно не иметь веселенькую милашку-любовницу, — для полноты жизни... К тому же увлечение Курдюмовой у него шло вроде как по инерции — досталось из дотама-ринового прошлого, — полулюбовно-полудружеская страстишка... Конечно, если бы Спирина почувствовал, что его отношения со Светланой грозят его семейному благоденствию, он тут же бы все исправил: ублажил бы Тамару, а любовнице просто и коротко объявил: «Увы, Светик, я женат. Семья есть семья, сама понимаешь. Останемся друзьями. Ну... давай на прощание свою лапку, Светик...» (С женщинами он всегда предпочитал шутивно-любезный слог, но никогда не сюсюкал с ними, не выворачивал им свою душу наизнанку и сам не лез в душу к ним.) Однако Спирина этого не почувствовал и таких слов не произнес...

В первый момент, когда до Спирина дошли худые вести из Ясногорска, он воспринял их с некоторым недоумением и досадой, как будто произошел несчастный случай. «Эх, Светик, — искренно посочувствовал он своей ученице. — Осмотрительнее надо быть. А уж если попалась, лисой нужно виться перед мужем...» Он не подумал, или подумал, но захотел поскорее забыть о том, что нить драмы в семье Курдюмовых тянется к нему. И уж совсем тогда не догадался, что эта нить крадется к Тама-

ре. Для Спирина все открылось чуть позже. Утаить от людей причастность Тамары к выстрелу Курдюмова, конечно, не удалось. Люди дотошно любопытны по таким поводам и всё припомнят в деталях... А Курдюмов, кстати, сдержал слово и не выдал Тамару (ему было не важно, кто сказал о любви его жены на стороне, важен был сам факт этой любви) и на вопрос следователя: «Откуда вам известно об измене жены?» — отвечал односложно и упрямо: «Известно»; а потерпевшая своего греха не отрицала, покаянно плакала, и другие подробности оказались излишними; Курдюмов вообще был крайне малословен на следствии и на суде, не оправдывался, не норовил скостить срок тюремной сидки, вероятно, находил себе оправдание и утешение в том, что столкнул с себя позорное ярмо рогносца. Впрочем, когда из Ясногорска пришли известия о несчастье студентки-заочницы Светланы Курдюмовой, Спирина было не до того. Вернувшись из командировки, он нашел записку Тамары: «Я больше не могу любить тебя, Спирин. Я беременна от другого. Не ищи меня. Прощай».

...Официантка подала горячее: лангеты с жареным картофелем и зеленью, пожелала приятного аппетита, улыбнулась сухой дежурной улыбкой. Капитан и Спирин выпили еще по рюмке, без тоста и слов, с кивком головы.

После этой рюмки капитана сладко разобрало, все вокруг стало определенно нравиться: некая уютная обтертость ресторанного зала с мутными низкими люстрами, горячая пища на продолговатом стальном блюде с раскрытым начетверо зеленым маринованным помидором, откуда-то звучащая

из-за квадратных колонн негромкая лирическая песня с нежными импровизациями саксофона, и сосед, такой какой-то запущенный и печальный, но все же отзывчивый и понятливый в застолье товарищ. Капитан ехал с учебы из военной академии в свою часть и задержался в этом городе не ради пересадки, а по случаю: в поезде он познакомился с приглянувшейся ему женщиной, из местных, приглянулся ей сам, вышел вместе с ней и провел у нее ночь в гостях. Чего ему хотелось, уже сполна исполнилось, и теперь он чувствовал даже опустошение, пощипывания совести и желание поскорее добраться домой, чтобы остаток времени до поезда убить за рюмкой и ужином в дорожном заведении.

— У подруги здесь задержался. На ночьку, — заговорил капитан, отрезая ножом кусок отбивного. — Теперь — домой, к родным, хватит приключений, — усмехнулся он. — А у вас есть подруга?

— Нет, — тихо ответил Спирин.

— А жена?

— И жены нет.

— Как же так: ни жены, ни подруги? — безобидно удивился капитан.

— Подруга — в инвалидной коляске. Ей теперь не до глупостей. А жена сбежала...

Капитан насторожился, пристально взгляделся в усталое красивое лицо собеседника. Спирин молчал, глядя неподвижно на бумажные салфетки в тонком стакане посреди столика.

— Почему? — не утерпел капитан, не в силах скоротать долгую паузу заинтригованного соседа.

Спирин сидел, не пил и не притрагивался к лангету, и думал о Тамаре: казалось, она стояла со-

всем-совсем рядом, в трепетной близости, все с теми же крапинками зелени в серых глазах, скромная и тихая, и такая — оказалось — непредсказуемая, замкнутая, загадочная и даже чужая...

Спирин посмотрел на капитана, положил нож и вилку, которые уже давненько взял, но не успел ими поорудовать, и задумчиво произнес:

— Люди слишком жадны до личного счастья. И подруги, и жены. И мы с вами... Мы вечно забываем, что ружье изобретено, чтобы стрелять. Вам, как военному, это должно быть лучше известно.

Капитан изумленно молчал и с каким-то опасением глядел на собеседника. И чем дольше он находился в его обществе, чем дольше слушал его, тем острее ему хотелось домой. Словно и над его домом нависла угроза. Он опять посмотрел на часы, поторапливая стрелки и поезд.

— Казалось бы, чего ей не жилось? — продолжал Спирин. — А вот не жилось. Люди больше всего относятся к поражениям в личной жизни. И не умеют прощать. Дураки! — Он опять потянулся к графину с водкой.

Потом их ужин продолжался без разговора. Скоро проезжий капитан и Спирин расстались.

А Тамара?

А Тамара была счастлива. Она обрела истинное женское счастье — родила ребенка! Сына. Она твердо знала, что это самое дорогое и святое для нее в жизни. Наказав себя, Спирина и Курдюмовых одиночеством, она не помышляла всерьез о безоблачном семейном счастье. Спирина она

еще часто вспоминала. Она все еще любила его, но уже другой, отстраненной, воздушной любовью. Такой любовью награждают киноактеров или эстрадных певцов, которые никогда не предадут, не изменят; а ревность к ним легка, наивна и негубительна.

ЛЕТО МОЕГО ДЕТСТВА

Июльский день пылает, как костёр.
К земле устало никнут ветви сада.
А за окном — нехоженный простор,
Где оглушительно звенят цикады.

Горящим магнием сверкнёт в глаза мне луг,
Утонет в небе взгляд, как в синей бездне.
С сухим шуршаньем ящерица вдруг
Скользнёт в траве и в трещине исчезнет.

Упасть ничком в горячий аромат
Степной ромашки, клевера и вики!
Здесь маки жарким пламенем горят,
Щавель — как ржавью тронутые пики.

**ИВАН
АКСЁНОВ**

Поэзия

В просторах неба жаворонка трель
Трепещет и звенит, как колокольчик,
Пока заря, пожаром отгорев,
Не сменится сияньем звёздной ночи.

Прочертит мрак падучая звезда,
Дохнёт земля полынью разогретой —
И верится, что детство — навсегда,
Что никогда не отпылает лето.

СЕНТЯБРЬ

Сонет

Неторопливо год вершит свой торный путь.
Пожаром яростным отполыхало лето,
И облик облаков, облитых бледным светом,
Печаль невольную в мою вселяет грудь.

Укрыла Млечный Путь ненастной ночи муть.
Дожди стучат в окно. Медлительны рассветы.
Угрюмой осени всё явственней приметы,
И нет желанья в день грядущий заглянуть.

Жизнь, даже долгая, так странно коротка,
Неважно, радостна она или горька,
Блаженство ли она, иль вечный спор с судьбою,

Но надобно принять её как Божий дар,
Не думая о том, что болен ты и стар,
И доживать свой век в согласии с собою.

* * *

Кружит скрипучей каруселью
над хмурым парком вороньё.
Бьёт туча каплями о землю,
как неотжатое бельё.

Окно небесного колодца
на миг откроется вдали,
и золотые спицы солнца
вонзятся в дальний край земли.

Но тьма свинцовым грузом ляжет
на повлажневшие поля,
и словно в непроглядность саж
упрётся утомлённый взгляд.

Укроет ночь крылом вороньим
постылой осени приход,
и сердца ничьего не тронет
невнятица моих стихов.

Когда я слышу сквозь дремоту,
как дождь по звонким стёклам бьёт,
одна давнишняя забота
уснуть спокойно не даёт:

как мне в людской базарной гуще
назло неласковой судьбе
поэзии живую душу
навек сохранить в себе?

ДЕКАБРЬСКИЕ СНЫ

Сонет

Полине

Глухая ночь. Начало декабря...
В аллее голой шелест вялых листьев.
Деревья за окном беззвёздно-мглистым
Чернеют, сбросив летний свой наряд.

А мне уже шестую ночь подряд
Всё молодость утраченная снится:
В селе родном над муравой росистой
Прозрачно-акварельная заря,

Подсолнухов горячее цветенье
И жаворонка трепетное пенье
В небесной васильковой синеве,

Закатным жаром опалённый запад,
Твоих волос миндально-горький запах
И несравненных глаз зелёный свет.

ШАГИ ВЕСНЫ

Сонет

Хрусталь зимы, дробясь, хрустит и тает
Под жёсткою подошвой сапога,
И, как небрежно смятая фольга,
Вдали изломы снежных гор блистают.

Уже весна волнующе близка:
Дни протяжённее и звонче стали,
Над белыми полями птичьи стаи
Прозрачны, как ночные облака.

Вновь древний фолиант весны листаю —
И тёмной влагой набухает снег,
И на глазах синь неба выцветает.

Но зыбок путь мой, как в тревожном сне,
И незаметно прошлое во мне
Седой травой забвенья зарастает.

СОНЕТ О ВРЕМЕНИ

Текучего песка шуршащая струя
В стеклянный зев часов неумоимо льётся,
И свой извечный круг свершает в небе солнце,
Тьму превращая в свет, тасуя сны и явь.

Зловещи, как мечи, двух стрелок острия!
Бессонный маятник, как сердце, глухо бьётся.
И кажется: жерло бездонного колодца
Разверзлось возвестить приход небытия.

Но пусть дало мне в дар бесчувственное время
Недугов грозный груз, надежд разбитых бремя
Да крохи вздорные простых житейских благ,

Забывший радости, зато привыкший к бедам,
Я больше не стремлюсь ни к славе, ни к победам,
Но всё-таки живу и не спускаю флаг.

* * *

Стеклянный воздух утра чист и хрупок.
Курится влажной дымкою земля.
Звенит синица, как певучий кубок
из тонкого резного хрусталя.

С пустых полей теплом несмелым тянет,
и по-весеннему воздушна даль...
Но знаю я: ещё не раз поманит
несбыточной надеждою февраль.

В душе разлад. Ум с сердцем — в вечном споре.
В груди — томительная пустота.
Всё в этом мире — ложь, и только горе
реально, как надгробная плита.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ЗИМЫ

Бил дождь по окнам картечью,
И ветер гнул деревца.
Светились берёзок свечи,
И капли-клювы весь вечер
Клевали ступени крыльца.

И солнце взошло. Но чёрен
Крикливый вороний лес.
Эмалево-жёлтым узором
Впечатаны дальние горы
В аквамарин небес.

Откос невысокого кряжа
Холодной лазурью облит.
Мороз из розовой пряжи
Мохнатое кружево вяжет
И синие лужи стеклит.

Но в их зеркала глядеться
Недолго придётся: вот-вот
Зима в моё стылое сердце,
Успевшее бед натерпеться,
Змеёй подколодной вползёт

* * *

Грустный полдень бабьего лета.
Паутинки, как струны из света.
Робким солнцем земля согрета.

По утрам тяжёлые росы
Втихомолку ложатся на озимь...
Всё проходит — пройдёт и осень.

Детство в прошлом, и в прошлом — юность.
Всё, что кануло, не вернулось,
Заплутав в лабиринте улиц.

Чуть звенит камыш над рекою,
Как струна под чуткой рукою,

И глазами совиными осень
Смотрит пристально в окна-очи.

И берёзовых тонких веток
Меркнет старая позолота.

Как лакей, суетится ветер,
Отворяя зиме ворота.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Водою чёрной залиты дорожки,
с крыльца в аллею шага не шагнуть,
и серебристою сиамской кошкой
сердито выгнул спину Млечный Путь.

Весь мир утратил чёткие границы.
В холодных блёстках неба чёрный зонт,
и до утра бессонные зарницы
беззвучно потрясают горизонт.

ДОСТОИНСТВО

Сонет

Кто брёл по этой жизни без дорог,
Через ухабы, скрытые туманом,
Кто честен был, хоть сам бывал обманут,
Кого судьба не раз сшибала с ног,

Кто вырос средь волнений и тревог,
Средь недругом расставленных капканов,
Кто над собой трудился неустанно
И научился презирать порок, —

Тот закалён и наделён терпением,
Кумир его — не вера, а сомненье,
Фальшивой истиной его не обмануть.

И в будущее смотрит он спокойно:
Он жизнь свою сумел прожить достойно —
Пройдёт достойно и последний путь

БЕРЕГ СБЫВШИХСЯ НАДЕЖД

Игорь Пидоренко не дожил всего несколько месяцев до семидесятилетия. Он взял для своих книг псевдоним — Берег. Псевдоним удивительно точный, поскольку выражает и суть его творческой натуры, и вектор литературных устремлений. Бесконечно он любил море и дальние поездки.

Помню его публикацию в первой книге фантастики, выпущенной Ставропольским книжным издательством на излете восьмидесятых годов минувшего века. В ней был рассказ «Все вещи мира». Уже этим произведением он сразу шагнул в большую фантастическую прозу, получив высокую оценку корифеев — братьев Стругацких. А потом было безвременье девяностых годов, но он по-прежнему жил в поиске, писал повести и рассказы, первые военно-приключенческие романы. Как раз в этот период мы, оба рожденные под знаком Близнецы и почти ровесники, тесно сошлись, вдвоем стали работать в альманахе «Литературное Ставрополье».

Нет близости дороже, чем духовная, и взаимопонимание на уровне интуиции. Альманах, по нашей задумке, должен был публиковать материалы высокого уровня и быть живым, нужным читателям. И это вскоре нам удалось сделать. А Игорь с каждым новым романом из серии «Приказ» (так мы называли его книги, где было это слово) совершенствовал мастерство, поражая напряженной фабулой и разнообразием тематики, перенося читателя то в страны Европы, то в Крым, то в Латинскую Америку. Мы, его

товарищи, знали, что он награжден медалью за участие в боевых действиях в Анголе, где служил военным переводчиком. Поэтому столь динамичны, достоверны и любимы его книги, в которых борются настоящие мужчины, патриоты России, люди долга и чести. Он сам был таким. И ещё — оптимистом, отмеченным отзывчивостью, теплотой дружелюбия и страстью к путешествиям.

С юности он мечтал стать писателем. И стал одним из лучших российских прозаиков в военно-приключенческом жанре. В день, когда Игоря не стало, мне с горечью подумалось, что мы, с кем связала его судьба, точно бы остались на жизненном берегу, а он отплыл, и с каждым днем отдаляется, уходит в незримую даль вечности. Писем от него не будет больше. Но остались книги Игоря, в которых он сказал всем нам то, что хотел, что велела его талантливая и мужественная душа.

Владимир Бутенко,
член Совета по фантастической
и приключенческой литературе СП России

СЕНЬОРИТА

(новые главы из романа)

Во время гражданской войны в Испании сбит советский летчик. От фалангистов его спасает девушка, оказавшаяся дочерью русского эмигранта. На родине pilota объявляют предателем, перешедшим на сторону Франко. Так для Дениса Вершинина, сына царского полковника, никогда не видевшего своего отца, начинаются невероятные приключения...

И они пошли в то же кафе, где были накануне. Вполне прилично перекусили, без соседства пьяных компаний.

А потом отправились гулять по Барселоне. Вряд ли американец будет рыскать по улицам, пылая жадой возмездия.

Город был красивый, старинный и практически не поврежденный бомбежками. Впечатлял памятник Христофору Колумбу, открывшему Амери-

ИГОРЬ
БЕРЕГ

Проза

ку. Здоровенная колонна, на вершине которой и стояла статуя мореплавателя. Денис любовался львами у подножия, какими-то статуями и гербами, потом заметил:

— Лучше бы он эту Америку не открывал. А то едут оттуда всякие... И негров там угнетают.

Оказалось, что монумент этот построили еще в 1888 году к какой-то международной выставке. Колумб с вершины колонны указывал в сторону моря, словно призывал отправиться на поиски новых земель. Величественная, надо признать, штука.

Вокруг памятника раскинулся рынок. Торговали овощами, фруктами и разным барахлом. Денису очень приглянулась коричневая кожаная курточка, и Ольга великодушно (правда, яростно поторговавшись) сделала ему подарок. Отдаться пилоту было нечем по причине отсутствия денег, но девушка нашла выход. На маленьком лоточке она выбрала себе причудливо завитое серебряное колечко и предложила считать, что это Денис ей подарил. И парню пришлось согласиться, тем более, что выглядело украшение на пальчике Ольги замечательно.

Штефан наблюдал за ними с отеческой улыбкой. Ему, наверное, было немного завидно.

В порт они не пошли. Что там делать? Тем более, что охранялся он вполне серьезно, ведь диверсии в городе время от времени случались.

О том, что будет дальше, пока не говорили. Все зависло в неопределенности. Спустя какое-то время, Штефан, извинившись, сослался на дела и удалился, порекомендовав им вернуться в отель. Что

они и сделали, несколько устав от прогулки. Им было чем заняться.

ГЛАВА 13

Следующий день также прошел в осмотрах местных достопримечательностей. Впрочем, далеко идти не пришлось. Знаменитый (как оказалось) рынок «Бокерия» располагался тут же на Рамбле. Вернее, главный вход под огромную металло-стеклянную крышу был со стороны бульвара. И чего тут только не было!

Конечно, в мирное время он наверняка процветал еще больше, но и сейчас это было грандиозно. Московские рынки явно проигрывали этому барселонскому. Денису на некоторое время стало обидно и грустно. Да, Испания — южная страна, у ней и океан Атлантический есть, и Средиземное море. Но ведь и у нас морей хватает, и южных краев! Почему же здесь все так ярко и обильно? А у нас... Вспоминать не хочется.

Рыбы, мяса, фруктов, овощей было в изобилии. Но Дениса и Ольгу все это не прельщало. За мелкую монету они купили несколько великолепных раковин — на память.

И заодно пообедали! Тут имелись такие закусовые с высокими табуретками перед прилавком. Сделал заказ и тут же тебе сварят или пожарят креветок, мидий, какие-нибудь колбаски. Да чего душа пожелает. Проворные повара-продавцы сновали за стойкой, перешучивались с посетителями.

Вот только посетителей этих было не сказать, чтобы много. И порции они брали довольно скудные.

— Ничего не поделаешь, — вздохнула Ольга, словно прочитав мысли Дениса. — Война и денег у народа совсем мало. Им проще купить какую-нибудь дешевую рыбку и пожарить ее дома. А богатеи, которые еще остались, предпочитают рестораны. Такие в Барселоне тоже имеются.

Но на себе, любимых, они, естественно, экономить не стали и наелись от пуза всякой всячины. Денис даже осьминога попробовал, Ольга настояла. Оказалось, ничего себе. Хотя и немного упругая мякоть. Но пилот дал себе слово ничему не удивляться и верить Ольге полностью.

Довольные собой и всем миром, они вернулись в отель, прилегли на постель, отдохнуть. И стали уже задремывать. А что, местная традиция, сиеста.

Внезапно раздался стук в дверь. Настойчивый такой. Кого еще черт принес? Это мог быть кто угодно. На всякий случай Денис сунул взведенный пистолет в карман и пошел открывать. Каково же было его удивление, когда в номер буквально вломился... давешний американский журналист! Как его...Хемингуэй! И с ним еще какой-то мужик.

Денис отскочил назад, вырывая из кармана оружие, но журналист что-то примирительно залопотал по-английски и продемонстрировал пустые ладони. Значит, не воевать пришел.

А мужик, сопровождавший американца, сказал на ломаном русском:

— Сеньор Эмингвай больше не хочет драться. Он хочет дружить. Он уважает человека, который смог послать его в нокаут.

— Какой еще Эмингвай? — удивился летчик.

Ольга хихикнув, объяснила:

— Это они так по-испански Хемингуэя называют. У них первая «Х» не произносится.

— Так зачем же ее писать?

— Ну, вот такие правила языка...

Денис немного расслабился.

— А вы кто такой?

— Тоже журналист. Но я немного знаю русский, вот Эрнест меня и попросил поработать переводчиком.

— И что ему надо?

— Я же сказал — дружить!

— Вот не было печали, — буркнул себе под нос Денис, рассматривая продолжавшего радостно улыбаться американца. — Как вы нас нашли?

— О, у Эрнеста много полезных связей! Это было совсем не трудно.

Судя по сияющей роже этого самого Эмингвая, отделаться от него будет совсем не просто.

— Ладно, — обреченно вздохнул пилот. — Спросите, как он представляет себе эту... дружбу. И учтите, я практически не пью!

Гости обменялись несколькими фразами, и улыбка Эрнеста несколько поуявля.

— Он говорит, что еще не встречал непьющего пилота. Но вино вы ведь употребляете? Он видел в баре.

— Вино употребляю, — согласился Денис. — Но не чрезмерно.

— Вот и славно, — обрадовались два журналиста. — Поэтому приглашаем вас в один очень симпатичный бар неподалеку отсюда, чтобы отметить наше знакомство. Сеньор Эмингвай заверяет, что инцидентов, подобных вчерашнему, не будет ни в коем случае. Только сердечная дружба!

Ольга сказала:

— А что, пойдём! Пора и нам заводить полезные знакомства!

— Ты так считаешь? — нахмурился пилот, у которого были совсем другие планы на будущее.

Девушка кивнула.

— Журналисты — очень забавный народ. Везде могут пролезть и знают обычно намного больше, чем все остальные. Нам это пригодится.

— Ну... пошли, — согласился наконец Денис.

И они отправились на улицы Барселоны.

По пути Ольга выяснила у переводчика, что Хемингуэй испанский язык знает, но весьма плохо, в пределах двух-трех десятков фраз. Это ее несколько расстроило. Все-таки общаться через переводчика с известным писателем и журналистом как-то не очень приятно. Другое дело — живой разговор!

Заведение, которое выбрал Эрнест для более близкого знакомства с русским летчиком, и впрямь располагалось не очень далеко от отеля. И называлось «London Bar». Этакое шикарное заведение, куда так просто и не сунешься.

Денис тревожно глянул на Ольгу, но та была само спокойствие. Улыбалась беззаботно и о чем-то щебетала с журналистом-пере-

водчиком. Он почувствовал укол ревности. Конечно, графиня, небось, и не в таких роскошных местах бывала!

Девушка, словно почувствовав это состояние, ласково, успокаивающе провела ладонью по рукаву его куртки. Дескать, все в порядке, не нервничай! И он сразу успокоился.

Посетителей, несмотря на военное время, в баре было изрядно. Мундиры растворялись в гражданских пиджаках. И морды у этих посетителей были толстыми и лоснящимися. Дороговато тут, должно быть.

Переводчик сказал:

— О деньгах можете не беспокоиться. Эрнест просит вас считать себя его гостями.

Ну, гости так гости. У Дениса денег почти не было, а Ольга, хоть и графиня, но наверняка не миллионерша. Хотя... Пилот вспомнил о ящичке с золотыми монетами. Да нет, ерунда, не ее это сокровище, раз привезли его в Барселону.

Они уселись за столик у стены, Хемингуэй громко и ясно позвал официанта и тот подлетел молниеносно, с поклонами и широченной улыбкой. Понятно было, что американца здесь хорошо знали. У, богатей буржуйский!

Денис с любопытством оглядывался по стоконам. В подобных заведениях ему, конечно же, бывать не приходилось. В Союзе было не до ресторанов, тем более, что можно было себе представить, как посмотрят на него товарищи, если узнают, что он посещает такое! Да и на какие шиши? Ну, а в Испании — тем более... Воинскую дисциплину никто не отменял.

Но раз выдалась оказия — посмотрим, попробуем. Будет потом что друзьям рассказать.

Принесли каких-то больших раков, зелень, ломтиками нарезанные сыры. Два больших графина вина. Эрнест, как заботливый хозяин и галантный кавалер, налил в бокал даме, плеснул Денису и переводчику. Себе же, достав неизменную флягу — коньяка в стакан. Переводчик скорчил недовольную мину, и американец, смилостивившись, поделился коньяком и с ним.

Есть не хотелось. Совсем! Они ведь недавно славно отобедали на рынке. Тем более, что он абсолютно не знал, как употребляют этих раков-переростков, как их... омаров! Ничего стыдного в этом, конечно, не было. Ну не водятся в Советском Союзе омары!

А вот Ольга знала, как управляться с ракообразными и ненавязчиво подсказала, продемонстрировав как именно. Так что Денис справился с поставленной задачей.

А Хемингуэй через переводчика все время лез с вопросами. Журналист, понятно. Тем более, не нюхавший пороха. А сколько боевых вылетов русский пилот совершил? А бывал ли в воздушных боях? А сколько противников сбил? А немцев сбивал? А что он делает в Барселоне? Прибыл на приемку новых аэропланов, которые вот-вот должны быть доставлены из России?

Денис отвечал сдержанно, раздумчиво. Скупое, в общем. На последние вопросы вообще только сказал, что здесь он по заданию командования и все остальное — военная тайна! Журналисты синхронно закивали. О, военная тайна, понимаем.

Тут к ним присоединилась та самая худосочная американка, которая в баре «Мой ослик и я» отговаривала Эрнеста драться с русским. Звали ее Марта, и была она тоже журналистом и, кроме того, подругой Хемингуэя. Фамилию Денис не расслышал. Очень уж громко играл небольшой оркестрик на эстраде в глубине заведения.

Дамочка принялась о чем-то оживленно щебетать на ухо своему Эрни, а тот подливал себе коньяка и закусывал почему-то не омарами, а небольшими луковицами, которые доставал одну за другой из кармана. Коньяк с луком! Тот еще от него духан идет. Как эта Марта с ним целуется?

Не сказать, чтобы журналист Денису нравился. Хамоватый, бесцеремонный. Но, может быть, американцы все такие? Раньше с представителями этой страны пилоту встречаться не приходилось. А так вроде ничего, свойский парень, явный любитель подражаться, выпить не дурак. И журналист, наверное, хороший, раз сюда послали. Хотя, черт его знает, что он там пишет в свои газетки. Вон какую ахинею нес про «ассов Геринга» и «сталинских соколов»!

Но язык в его присутствии распускать не стоит. Один «корреспондент» здесь ему уже попался. Такой грязью облил, что теперь и не знаешь, как отмываться.

Впрочем, Штефан говорил что-то о том, что после успешной доставки «груза» у Дениса появятся оправдания перед командованием.

Вспомнив о Штефане, пилот совершенно неожиданно увидел того собственной персоной. В дальнем углу бара, за столиком, полускрытым какой-то причудливо изогнутой, в стиле заведе-

ния, вешалкой, их таинственный спутник сидел в компании двух серьезного вида мужчин.

Они были в штатском, но что-то выдавало в них близость к армии. То ли короткие, почти под «бобрик» прически, то ли прямые спины. И оба носили стеклышки, вставленные в глазницу. Эти, как их... монокли! Что, в свою очередь, наводило на мысль о немцах. Немцев Денис встречал. И в Советском Союзе, и здесь, в Испании. Не накоротке встречал, издали видел. И некоторые из них пользовались таким вот оптическим приспособлением.

Интересно, что здесь делает представитель Коминтерна (а Денис уже утвердился в мысли, что Штефан — именно из этой организации) в компании каких-то германских чинов? Очень интересно! Пожалуй, следует с ним быть поосторожней.

Компания Штефана вела себя пристойно, там потягивали винцо и вели неспешную тихую беседу.

А вот за столиком Хемингуэя страсти накалялись. Эрнест, приняв из фляги уже достаточно, жаждал громких разговоров, а лучше — споров. Да таких, чтобы стаканы и бутылки летели на пол, а спорщики в разгар полемики хватили друг друга за грудки.

Но спорил он пока только с переводчиком, то есть — коллегой-журналистом. Дениса не вовлекал, видимо, помнил, чем окончился разговор в другом баре. И хотя считал себя неплохим боксером, полученный от русского летчика отпор предостерегал: не трогай!

Громкие разговоры могли привлечь внимание Штефана и его спутников, поэтому Денис, шепотом

объяснив Ольге ситуацию, заявив, что здесь ему скучно и буржуазно, предложил перебраться в другой бар, попроще. Да хотя бы в того же «Ослика...»

Удивительно, но Хемингуэй согласился сразу же. Кажется, он все-таки был простым парнем и показная роскошь местного заведения ему претила. А привел он всех сюда, чтобы просто пустить пыль в глаза.

И они быстренько оказались на улице, все той же Рамбле. И до знакомого бара доплелись быстро. Доплелись — потому что журналистов, хотя и крепко стоящих на ногах, все же ощутимо покачивало.

По дороге Денис убедился, что Эрнест здесь личность очень популярная. Он то и дело останавливался для того, чтобы перекинуться с кем-нибудь шуткой, хохотал, хлопал собеседника по спине, получал ответные дружеские тумаки и шел дальше, чтобы через десяток метров встретить нового знакомого.

Но наконец появился на горизонте «Ослик...» Здесь все завертелось по-новой. Казалось, фляга Хемингуэя бездонна. Денис, хотя и отхлебывал понемногу сухого вина, делая вид, что пьет, как следует, чувствовал — хватит.

И они с Ольгой под предлогом посещения туалета просто смылись с того бесконечного праздника. Ну его на фиг! Может, у американских журналистов и принято пить беспробудно. Но советскому военному летчику это совсем не нужно! И хотя Эрнест этот проклятый уверял, что не встречал еще ни одного непьющего пилота, тут у него вышел явный прокол.

Ольге о том, что видел Штефана в подозрительной компании, конечно же, рассказал. Они обсудили это, но никаких выводов делать не стали. Мало ли какие дела могут быть у этой таинственной личности. Пока он им помогал.

А если точнее — они ему. Золото это дурацкое в Барселону привезли. Как будет дальше — посмотрим. Но вообще-то тупое времяпрепровождение начинало надоедать. Денег пока хватало. Надолго ли? Впереди была неизвестность.

План, хотя и слабенький, у Дениса наметился. Спихнуть «груз», получить в подтверждение того, что он не прятался где-то, а действовал, помогал Испанской республике, какие-нибудь документы, вернуться в Мадрид и предстать перед начальством с честным взором. Дескать, вот он я, готов воевать дальше! А что в той газетке написали — брехня собачья, клевета и оговор свихнувшегося эмигранта. Без проверок, конечно, не обойдется. Но ведь проверяли его перед тем, как послать в Испанию! Надо полагать, дотошно проверяли. Раз послали — значит, ничего не нашли. Ну и все дела.

Если честно — план был действительно так себе. Ладно, сдадут они золото, кому положено. Справку кто выпишет? Штефан? И будет ли она достаточно убедительной?

В Мадрид как вернуться? Дважды линию фронта пересекать придется.

Поверят ли командиры и особисты справке? Не арестуют ли тут же, чтобы доставить в Союз, а то и расстрелять без особых проволочек? Весьма вероятно. Доходили слухи о некоторых товари-

цах, которые внезапно исчезали, а потом больше нигде не появлялись. Как с этим быть?

И что с Ольгой? Расставаться с ней ему категорически не хотелось. Но в каком положении она окажется, если он вернется к своим? Там ее, однозначно, не примут. Девушке к папеньке возвращаться, на финку?

Ох, как не нравились ему все эти размышления! Они сидели, обнявшись, в кафе на крыше отеля и просто любовались окрестностями. Разговаривать ни о чем не хотелось. Вокруг простирались другие крыши, в районе порта возвышалась колонна с Колумбом на верхушке, дымило несколько пароходов. И было относительно тихо. Относительно, потому что где-то очень далеко изредка бухало, стреляли пушки. Но к ним это буханье не имело никакого отношения...

ГЛАВА 14

На следующее утро заявился Штефан. И с порога огорошил новостью.

— «Грузу» нашему не место в Барселоне, — сказал он.

— Вы же утверждали, что нам нужно только доставить его сюда — и все, дело сделано! — возмутился Денис.

— Не все так просто оказалось, юноша, — устало усмехнулся Штефан. — В местных властях полный разброд. Как еще они оборону города держат. Все хотят всего и сразу. Обороняться и наступать, эвакуировать жителей и оставить все как

есть. Слава Богу, никто не предлагает сдаваться. Прямо горят революционной отвагой! Идиоты! И ничего поделывать нельзя! Если мы отдадим им «груз», они или передерутся за него, или банально разворуют, растащат по своим норкам. Поэтому нам нужно в Мадрид!

Во как! Начало вырисовываться что-то похожее на план Дениса.

— И вы уже знаете, как это сделать? — поинтересовался пилот.

— Да. Вы как, большим самолетом управлять сумеете?

Что называется, ошарашил.

— Никогда не пробовал, — честно сознался Денис.

— Но принцип там такой же, как у истребителя?

— Принцип у всех самолетов один! — сердито отозвался пилот. — А вот управление...

— Да что управление! Там ручка, там штурвал. И вся разница!

В этом у Дениса были большие сомнения. Но, с другой стороны, не так там уж все и сложно. По крайней мере, запустить двигатели и взлететь он сможет. И по маршруту пройдет, если истребители не навалятся. А вот сесть... Это вам не легкая послушная «Моска», тут повозиться придется.

— И что за самолет? Где вы его возьмете?

— Самолет обычный, «СБ 2М». А возьмем мы его здесь же, на аэродроме под Барселоной.

— Так вам кто-то и даст новенький бомбардировщик!

— А мы и спрашивать не будем!

— Что, угоним? — не поверил Денис.

— Ну, не совсем, — покривил губы Штефан. — У нас будут документы для проезда на территорию аэродрома, разрешение на доступ к самолету. Дальше — взлет и курсом на Мадрид.

— Доступ к самолету? Под видом кого?

— Мы техниками переоденемся. Все будет достоверно.

— Девушка — техник? Кто в это поверит?

Штефан помолчал немного, потом сознался:

— Ольга с нами не полетит. Незачем ей рисковать.

Тут взвилась графиня.

— И не мечтайте! Чтобы я самое интересное пропустила? И Дениса я одного не отпущу!

У пилота потеплело на сердце.

Штефан пытался возражать, дескать, он-то будет рядом с ее дорогим Денисом, а значит, ничего плохого с ним не случится.

На что Ольга нахально лягнула, что Штефан — фигура темная и где-то подозрительная и доверять ему любимого человека она опасается.

Штефану оставалось только беспомощно развести руками.

— Ладно, замаскируем вас как-нибудь.

А дальше была разработка авантюрного плана. Аэродром располагался в двух километрах от окраины города. Охранялся он строго, но, как и везде в этой бестолковой войне, имелись прорехи. Не было в республиканской армии настоящей дисциплины. Революционная бдительность присутствовала на грани истерии. А вот дисциплина — увы... Каждый, не то что командир, а даже

рядовой боец, считал, что ему лучше других известно, как защищать и охранять республику.

Вот этим безобразием и предстояло воспользоваться.

Надо полагать, Штефан имел доступ к штабам республиканцев, поэтому с нужными бумажками проблем не предвиделось. Транспорт у них имелся. Конечно, роскошная «Испано — Сюиза» не самое подходящее средство передвижения для авиационных техников, выглядит подозрительно. Но, во-первых, опять же революционная неразбериха (конфисковали у какого-нибудь толстосума), а во-вторых, Штефан собирался предъявлять документы высокого чина. Попробуй такого удержи!

Короче, им нужно было проникнуть на аэродром, определить заправленный и готовый к вылету бомбардировщик, погрузить в него ящики и улететь. Всего делов!

Операцию назначили на завтра. Штефан ушел добывать документы и рабочие комбинезоны, а они опять остались в отеле. Гулять больше не хотелось. Надоела им Барселона. Война в стране, а тут сытое болото. Но поужинать в ближайшее кафе все же сходили. Было опасение, что может заявиться Хемингуэй, однако обошлось. У журналиста-писателя, видимо, нашлись другие дела.

ГЛАВА 15

Утро было прохладным. Это бодрило и придавало уверенности в успешном исходе их авантюры.

Денис мучился в сомнениях. Ну ладно, делают они что-то нужное для республики. Но ведь угнать собираются боевой самолет! А это, с какой стороны ни посмотри — даже на трибунал может потянуть. И хотя Штефан уверяет, что все закончится хорошо, червячок сомнения все же гложет. Он сто раз уже обругал себя последними словами за то, что вляпался в эту аферу.

С другой стороны ведь и выхода у него не было! Все катилось как-то само по себе. Никакой возможности спрыгнуть с этого несущегося поезда! Его будто, взяв за шкирку, вели по какому-то сложному лабиринту, не позволяя отклониться в сторону ни на шаг.

И он решил пока не сопротивляться. Авось, найдется удобный момент, и он вывернется из этого захвата! А там посмотрим!

До аэродрома они добрались без приключений. Патруль остановил только раз, но, благодаря удостоверению, предъявленному Штефаном, все обошлось. Патрульные внимательно прочитали документ, суровым взглядом окинули пассажиров шикарного автомобиля и милостиво отпустили. Денис шумно выдохнул. Штефан глянул на него с недоумением.

— Бумаги совершенно надежные, я же говорил. И на аэродроме ведите себя спокойно, не нервничайте. Говорить буду я. Молчите и кивайте.

Ольга смотрелась забавно в комбинезоне, который здесь назывался «моно», и кепочке, под которой с трудом спрятала свои роскошные волосы. Штефан заикнулся было, что не худо было бы их обрезать, на что получил совместный отпор девушки и пилота.

И на аэродром их пропустили почти без задержки. Так, рутинные вопросы.

А вот дальше начались сложности.

Бомбардировщиков здесь просто не оказалось! Дежурный офицер, вытянувшись перед «важной шишкой», доложил, что по срочному приказу вся эскадрилья была вчера вечером переброшена в Мадрид, где ожидается наступление франкистов. И сейчас Барселона, которая до сегодняшнего дня не подвергалась авианалетам, прикрыта только несколькими звеньями истребителей. Будем надеяться, что, увлеченные наступлением на столицу, генералы Франко оставят Каталонию на время в покое.

— Идиоты! — скрипнул зубами Штефан. Дежурного срочно вызвали в диспетчерскую, и они остались одни. — И я идиот! Как можно было пропустить мимо ушей этот дурацкий приказ? Что теперь делать?

Денис даже почувствовал некоторое облегчение. Он все же сомневался, что сможет управлять тяжелой неповоротливой машиной. А раз «СБ» нет, то и лететь никуда не надо!

Потом ему стало стыдно. Обрадовался, как мальчишка, которому не надо идти в школу, потому что объявили карантин! Стыдно, товарищ лейтенант! Недостойно советского летчика!

— А нам обязательно лететь на бомбардировщике? — спросила Ольга.

— А на чем еще эти ящики тащить? — не понял вопроса Штефан.

— Может быть, подойдет просто пассажирский самолет? Вон какой-то стоит. И людей вокруг него не видно.

Она показала на край поля. Там действительно стояла темно-зеленая двухмоторная каракатица неизвестной Денису модели.

А вот Штефану это чудовище было знакомо.

— Это французский «Бреге 470». Какой-то экспериментальный. Его используют в качестве почтовика. Но редко.

Штефан задумался, потом резко тряхнул головой.

— Хорошая идея! Будем пробовать улететь на нем!

— Да нас истребители через пять минут собьют за милую душу, если мы его угоним! — возмутился Денис. — У него же вооружения никакого, чтобы отбиваться!

— Мы не будем ничего угонять. На самый крайний случай я заготовил еще один документ. Вам нужно только молчать и кивать, как я уже говорил.

И Штефан отправился в диспетчерскую. Вернулся он уже с дежурным офицером, раздосадованным.

— Они не могут найти экипаж этого самолета. Отправились в увольнение еще позавчера и до сих пор не вернулись!

— А зачем нам экипаж? — неожиданно даже для себя сказал Денис. — Я смогу с этим старьем управиться!

Штефан, похоже, не удивился.

— И правда! Зачем нам экипаж, если есть собственный пилот?

Дежурный что-то залопотал, но Штефан прервал его несколькими гневными словами и потряс перед

носом листком бумаги с печатью. Дежурный пожал плечами и скорчил гримасу, долженствовавшую означать, наверное: «Какое мне дело? Хотите лететь — летите. Снимаю с себя всю ответственность». Потом развернулся и ушел к диспетчерской.

А трое авантюристов отправились осматривать новое транспортное средство.

Выглядел самолет на самом деле далеко не новым. Облупившаяся краска, потертые покрышки шасси. Судя по всему, моторы тоже были хламом, годным лишь на замену. Но раз машина стояла здесь и, как было сказано, изредка использовалась в качестве почтовой, значит, она летала? А им что нужно?

Дверца на ключ не запиралась. Замок присутствовал, но то ли сломан был, то ли ключ к нему потеряли. Проникнуть внутрь труда не составило.

Салон, как ни странно, выглядел очень прилично. Почти новенькие кресла, ковровая дорожка и множество иллюминаторов по бортам.

Но сейчас все это Дениса не интересовало. Он прошел в кабину. Два кресла пилотов, место радиста. И огромная приборная доска. Такая огромная, что пилот испугался. Как во всем этом разобраться?

Он действительно ни разу не сидел за штурвалом двухмоторного самолета. И сейчас не представлял, как будет это делать. Тем более, не такой уж и старой была эта машина.

Появившийся в кабине пилотов Штефан подтвердил его подозрения.

— Между прочим, он был признан лучшим скоростным пассажирским самолетом 1936 года.

Участвовал в двух авиагонках, даже в Сайгон летал! — с гордостью провозгласил Штефан. — Но почему-то в серию не пошел. Это — единственный экземпляр. Только снаружи выглядит старым. Так что нам повезло.

— А Сайгон — это где? — спросил, впечатлившись, Денис.

Штефан глянул на него с сожалением и сказал:

— Далеко. Очень далеко.

— Значит, до Мадрида долетим, — успокоился пилот.

Присмотрелся к приборной доске и возмутился:

— Здесь же все на иностранном языке!

— На французском, — подтвердил Штефан. — Но не волнуйтесь, я сяду в кресло второго пилота и буду вам переводить надписи. Этот язык я знаю хорошо.

— Могу Ольгу посадить, — буркнул Денис. — Она во Франции жила. А вы радистом поработаете.

— Можно и так, — не стал спорить Штефан. Переговоры с вышкой и здесь, и в Мадриде нужно ведь будет вести? А теперь давайте затащим ящики. Время идет, экипаж из увольнения может вернуться.

Во время погрузки случилось маленькое расстройство. Ольга вдруг поняла, что ее «любимая машинка» остается здесь! То есть, она бросает «Испано-Сюизу» на произвол судьбы! На глазах девушки выступили слезы. Штефан обрадованно предложил ей вернуться в отель, немного переждать и затем поехать домой, на финку.

Слезы мгновенно высохли и «бессердечный солдафон» получил яростный отпор. Да чтобы она!.. Да как он мог подумать! Да никакая машина не в силах заставить ее отказаться от задуманного!

Штефан опешил от такой атаки, потом, подумав, предложил альтернативный вариант. Авто они оставят дежурному с приказом отогнать в ангар и охранять до возвращения хозяйки.

А Денису шепнул, что вряд ли что-то получится. Увидит какой-нибудь местный начальник шикарный автомобиль и тут же конфискует «на службу республики». На самом же деле будут возить его жирный зад на этом конфискате. Но Ольге говорить об этом не следует. И Денис молча согласился. Все равно «Испану...» они с собой забрать не смогут. Хотя в Мадриде она бы им пригодилась.

Пора было приступить к освоению самолета. Сев в левое, командирское кресло, пилот растерянно посмотрел на циферблаты и датчики. Ну и как это делается? Ольга в соседнем кресле рассматривала поясняющие надписи.

Денис объяснил, что именно ему нужно. Технические термины девушка, естественно, не знала. Но была она умной и сообразительной. Спустя полчаса разбирательств Денис уже понял, как запускать двигатели, сообразил, как и куда будет рулить и начал действовать.

Винты крутились, баки были заправлены, взлету никто не мешал. Он послал Штефана убрать колодки из-под колес, а когда тот вернулся, приказал связаться с вышкой и запросить разрешение на руление. Это проделано было с подо-

зрительной сноровкой. Ох, неладно что-то было с этим типом, слишком многое он знал и умел!

Денис глубоко вдохнул, медленно выдохнул, концентрируясь, отпустил тормоза, добавил мощности моторам, и тяжелая машина медленно двинулась вперед. Он подвигал педалями, покачал штурвал. И понял, что у него начинает получаться! Самолет слушался его! Неохотно, словно просыпаясь ото сна, но слушался. И все же надо было быть очень осторожным. Это тебе не верткий «Ишачок».

Теперь нужно было вырулить к началу полосы. Ее длины должно было хватить для разбега. Летают же здесь тяжелые «СБ». Да и «Бреге» не раз наверняка взлетал и садился на это поле.

— Запроси разрешение на взлет! — скомандовал он Штефану. Тот послушно забормотал в микрофон, послушал ответ и неожиданно выключил радиостанцию!

— Взлетаем! — проорал он сквозь рев двигателей. Денис недоуменно глянул на него, но все его внимание сейчас было сосредоточено на управлении самолетом. Машина стояла в самом начале полосы и только тормоза удерживали ее от рывка вперед. Пилот добавил оборотов, убрал тормоза и «Бреге» понесся по аэродрому. Краем глаза Денис видел каких-то людей, бегущих от вышки, сейчас ему было не до них. Самолет, подпрыгивая на мелких неровностях, все разгонялся и разгонялся. Ну, еще немного!

Конец взлетки уже был виден, он потянул на себя штурвал, вибрация вдруг исчезла и машина оказалась в воздухе! Это было невероятно,

это было чудом! Так же Денис чувствовал себя, когда впервые самостоятельно оторвал от земли учебный биплан. Ощущение бесконечной свободы, опьяняющий восторг...

Впрочем, он проходит через несколько секунд, когда осознаешь ответственность за машину. Ну и за свою жизнь, конечно.

Это Ольга в соседнем кресле вопила во весь голос то ли от радости, то ли от страха. А ему отдаваться на волю чувствам было никак нельзя.

Следовало оглядеться, набрать подходящую высоту и выбрать курс на Мадрид. Он убрал шасси.

— Как там связь с землей? — спросил он у Штефана. Машина уверенно карабкалась вверх. — Запроси эшелон.

— А никак! — хладнокровно ответил тот. — Я ее выключил.

— Зачем?

— Они требовали прекратить взлет и вернуться на стоянку. Видимо, что-то пошло не по плану.

Теперь Денис понял, что за люди бежали к самолету, когда он разогнался по полосе. Хорошо, хоть стрелять не стали.

А может, и стреляли, только за ревом двигателей хлопки выстрелов были не слышны.

— Черт, они ведь теперь истребители за нами пошлют! И сбивать станут!

— Не должны, вроде бы. Что тут особенного? Документы надежные были.

— Осмотритесь вокруг повнимательнее. Ну и как нам теперь лететь без связи?

Ольга, отстегнувшись, вышла в салон. Штефан начал крутить головой, высматривая через

фонарь возможных преследователей. А Денис, убедившись, что самолет набрал высоту в четыре тысячи метров, перешел в горизонтальный полет и задумался. Здесь должны быть летные карты. Вот по компасу и придется лететь.

— Штефан, вы не поищите какие-нибудь карты? Надо же знать, в какую сторону нам лететь?

— Резонно, — согласился тот и начал плановый обыск кабины.

Карты, естественно, вскоре нашлись. И оказалось, что до столицы Испании всего чуть более пятисот километров по прямой. Это, при нынешней скорости полета триста километров в час — примерно два часа с учетом разных неожиданностей, встречного ветра и поисков аэродрома. Не так уж и плохо. Только бы не встретились истребители. Ни германские, ни республиканские. Впрочем, республиканские не должны привязаться — раскраска ведь у машины самая дружелюбная.

По компасу он развернул самолет на юго-запад, еще раз оглядел приборную доску и, наконец, спокойно откинулся на спинку кресла. Все пока было в норме. Моторы успокаивающе гудели, высотомер показывал четыре тысячи метров, и думать о каких-то вражеских истребителях совсем не хотелось.

— Тут, по идее, есть автопилот, — из-за спины подсказал Штефан.

С этим устройством Денису сталкиваться не приходилось, да и не хотелось сейчас с ним связываться. Поэтому он просто отмахнулся:

— Так долетим. Чего тут, какие-то два часа.

Как оказалось, это было правильное решение. Полчаса спустя он разглядел вдалеке стремительно увеличивающуюся черную точку. Не открывая огня, самолет промелькнул мимо, но Денису удалось рассмотреть его. «Хейнкель Хе 51»! Тот еще стервятник. Кажется, такой же, как тот, что сбил его «Моску». И как теперь быть?

В кабину ворвалась взволнованная Ольга.

— Он разворачивается!

— Их, вообще-то, пара должна быть, — констатировал Денис.

Его охватило какое-то холодное спокойствие. Нет, это не было ощущение бессилия перед непреодолимой силой. Он собирался сражаться, и предстояло выбрать, как. Отстреливаться нечем, на виражах не уйти, вверх не полезешь. Значит, вниз, к земле!

— Ольга, Штефан, пристегнитесь! — скомандовал он и через несколько секунд свалил машину в пике.

Земля приближалась ошеломляюще быстро, моторы ревели, Ольга кричала. Штефан взревел:

— Мы разобьемся, идиот!

Но Денис выжидал до последнего момента, и только когда что-то подсказало ему: «Пора!» — плавно и уверенно потянул штурвал на себя.

Случилось еще одно чудо. Самолет не врезался в землю. Он даже не задел верхушки деревьев, пройдя над ними впритирку. Полез было вверх, но Денис не дал ему этого сделать, выровняв горизонт.

А дальше началась тяжелая работа. Машина на малой высоте плохо слушалась управления,

и приходилось прилагать изрядно усилий, чтобы не дать ей банально рухнуть вниз. Ну не была она приспособлена для бреющего полета! А набирать высоту Денис опасался. Немец на «Хейнкеле» никуда не делся. Он, конечно, был удивлен внезапным маневром транспортника, но не настолько, чтобы бросить преследование лакомой добычи. Да, конечно, победа довольно сомнительная, но ведь на удирающем «толстопузе» опознавательные знаки республиканцев! И значит, его надо сбить!

Может быть, германский пилот и не думал так, потому что через какое-то время его нельзя было различить в голубом небесном просторе. Денис вытер рукавом пот со лба и начал потихонечку ползти вверх.

Сзади раздался голос Штефана. И звучал он так, словно это он уводил «Бреге» от «Хейнкеля»:

— Чтобы я еще раз сел с вами в один самолет! Чертов русский самоубийца!

Денис довольно заржал. Напряжение медленно покидало его.

— А вы, выходит, не русский? Странно, очень чисто говорите.

— Русский, русский, — ворчливо сказал Штефан. — Только такой русский, что вам лучше не знать!

— Я и не стремлюсь, — пожал плечами пилот. Его больше сейчас занимал восторженный взгляд Ольги. Ее глаза просто сияли. И это очень помогало ему вести тяжелую машину.

Примерно через час полета Штефан защелкал тумблерами рации и забормотал в микрофон.

— Что вы там химичите? — поинтересовался Денис.

— На военный аэродром нам садиться нельзя, — сообщил Штефан. — Слишком много людей. И могут оказаться ваши товарищи. Оно вам сейчас надо?

И пилот вынужден был с ним согласиться. Пропавший летчик, подозреваемый в измене, вдруг является на неизвестном самолете, да еще в компании с дочкой эмигранта. «Вяжите его, это шпион!»

— Будем садиться на гражданском. Есть такой небольшой к северу от Мадрида. Сейчас я связываюсь со своими товарищами, чтобы они организовали встречу. Во-первых, «груз» надо передать, а во-вторых, обеспечить для вас прикрытие на некоторое время. Вы ведь все равно будете рваться к своему командованию. Вот и придется готовить необходимые документы.

Денис молчал, продолжая вести самолет. Будущее не казалось ему радужным и веселым, но все же какая-то надежда в нем имелась.

Штефан до сих пор не признавался, к какой структуре он принадлежит, на кого работает. Но что не на франкистов — это точно. Скорее всего, Коминтерн, как Денис и предполагал ранее. Ну что же, это неплохо. Агенты этой организации есть во многих странах мира, зачастую нелегально. Основной целью, насколько ему это было известно, являлась мировая революция и построение коммунистического общества. Но кто именно туда входил и чем конкретно занимался — строжайшая тайна. Вот, тот же Штефан. Кто он кон-

кретно, какую должность занимает, какие у него задачи? Да вдобавок, надо понимать, отец Ольги тоже замешан в эти дела. Иначе, с чего бы ему хранить в тайнике на своей финке какое-то подозрительное золото. Плюс оружие. Ох, мутная это все история!

И он, Денис, советский красный летчик, необъяснимым образом вляпался в нее по самые уши. Как ему дальше быть?

Но сейчас раздумывать над причудами судьбы — времени не было. Наперехват «Бреге» шла тройка «Ишачков». Денис даже застонал от досады. Это были самолеты не из его эскадрильи, но все же — свои! И как им дать знать, что это он, что он тут?

На плечо ему легла ладонь Штефана.

— Спокойно, пилот. Сейчас не время поддаваться эмоциям! Для них мы — республиканский почтовик, летим по своим делам. Мы не враги, эмблемы у нас подходящие.

Денис скрипнул зубами, но продолжал вести самолет прежним курсом. «Ишачки», разобравшись, кто перед ними, приветственно качнули крыльями и ушли в сторону. «Бреге» ответил таким же покачиванием и двинулся дальше.

На нужный аэродром Штефан вывел довольно точно. Можно было подумать, что ему уже приходилось летать сюда. Интересно, когда и с кем?

Посадку им разрешили, и Денис, уже в достаточной мере освоившись с этой машиной, сумел зайти на полосу с первого раза и даже ухитрился не сделать «козла». Даже сам себя зауважал.

Самолет прокатился почти до конца полосы, потом, по указанию Штефана, отрулил в сторону.

После выключения двигателей они какое-то время молча разглядывали аэродром. Все было спокойно, не наблюдалось никакого движения.

Денис любовно погладил штурвал. «Спасибо, машинка! Ты хоть и выглядишь невзрачно, но летать умеешь!»

Наконец вдаль поднялась пыль. К самолету ехали две машины: легковая и грузовичок. Денис присмотрелся и на всякий случай проверил свой пистолет.

Штефан поднялся.

— Пойду встречу.

Но пилот успел заметить, как тот что-то поправил под плащом. Значит, тоже опасается.

Опасались и подъехавшие. В легковом автомобиле, кроме водителя, был только один пассажир. А в кузове грузовичка стояли двое с винтовками, одетые в комбинезоны «моно». Почти как у Дениса с Ольгой.

Штефан спрыгнул из люка самолета, неторопливо пошел к автомобилям. Тот человек, который сидел в легковом, распахнул дверцу, но вылезать пока не стал. И лишь когда Штефану оставалось сделать последние два шага, из автомобиля показалась голова с гладко зализанными назад волосами. Где-то Денис уже видел этого человека. Но вот где? Протянулась рука, делая призывный жест, и Штефан скрылся в недрах машины.

— Что-то сейчас будет, — предположил Денис. Ольга стояла у него за плечом и тоже всматривалась в таинственный автомобиль. Они готовы были предположить все, что угодно. Сейчас их

могли арестовать, застрелить на месте. И никто никогда ничего не узнал бы об их судьбе.

Ну, вот уж хрен! Так просто они не сдадутся! Есть два пистолета и патронов хватает. У них есть целый ящик пистолетов! И еще ящик с золотом...

Если что, он, пока Ольга будет отстреливаться, запустит двигатели и просто поднимет самолет в воздух. А там видно будет, куда лететь!

Эти же мысли, видимо, бродили в голове девушки. Она еще раз осмотрела свой «Маузер» и спокойно сказала:

— Не обращай на меня внимания. Просто старайся взлететь.

Денис молча кивнул.

Но, кажется, время для побега еще не пришло. Штефан вместе с встречавшим его вылез из кабины, и они пошли к самолету. Причем Штефан, улыбаясь, что-то говорил, а человек шел легко и расслаблено. Не походило это на встречу противников. Одет этот человек был в кожаную, похожую на пилотскую, курточку и галифе. Никаких знаков различия. Впрочем, здесь их мало кто носил.

Подошли к самолету, остановились. Штефан позвал:

— Денис Игоревич! Выгляньте!

Пилот вздохнул, сунул взведенный пистолет в карман комбинезона и направился к люку. Перед тем, как выйти наружу, шепнул Ольге:

— Не высовывайся пока. Оружие наготове!

Сам сел на край люка, свесив наружу ноги. Молча посмотрел на стоявших перед ним мужчин. Незнакомец рассматривал его с явным интересом. Потом спросил по-русски:

— И что, все правда, что мне рассказал Штефан?

— Не знаю, о чем он рассказывал. Не слышал, — сухо отозвался Денис. Незнакомец не то чтобы ему не нравился. Он настораживал. И непонятно было, чем именно. Вроде бы все обычно: спокойный взгляд, расслабленная поза, простая одежда, никакого оружия на виду. Но вот все вместе каким-то образом говорило: «Этот человек может быть очень опасным. Не сейчас, но...» На первый взгляд лет незнакомцу было не так уж много, около тридцати. Подтянутая фигура выдавала в нем военного и физкультурника. Так что же в нем опасного?

— Кто я, он вам все же, наверное, рассказал. А вот кто вы? — настороженно спросил Денис.

Незнакомец вдруг широко улыбнулся, протянул руку:

— Эрнесто. Соратник Штефана.

Денис наконец спрыгнул на траву, пожал сухую жесткую ладонь.

— Знаю я одного Эрнесто. Только тот американец.

— Поведал мне Штефан эту веселую историю, — засмеялся теперь уже знакомец. — Славно вы этого журналиста отделали. Он хоть и на нашей стороне, но ужасный зануда!

— Не будет гадости говорить о советских летчиках! — буркнул Денис.

— А где же ваша прелестная спутница? — как бы мимоходом поинтересовался Эрнесто.

Ольга показалась в проеме люка. Даже в мешковатом комбинезоне она была прелестна. Руку

с зажатым в ней «Маузером» девушка прятала за спину.

— Рад вас приветствовать, сеньорита Рязанцева! — сказал Эрнесто. — Присоединяйтесь к нам!

— Спасибо, — качнула головой девушка. — Лучшее я пока здесь постою.

— Не стоит нас опасаться, Ольга! — вступил в разговор Штефан. — Это наш друг. Мы выполнили задание — доставили «груз». Теперь будем заниматься другими делами.

— Какими же? — Ольга все еще не решалась выйти из самолета.

— Ну, вас же нужно как-то легализовать. Некоторые ваши документы здесь, в Республике, не действуют.

— Я хочу вернуться в полк! — твердо сказал Денис. Эрнесто покачал головой в сомнениях.

— Вот с этим пока затруднения. Вы ведь в курсе той статейки в эмигрантской газетке? Так вот, какая-то сволочь услужливо подбросила газетку вашему командованию. И теперь вы на полном серьезе считаетесь перебежчиком и предателем.

— Но ведь все это — наглая брехня! — вскипел Денис.

— И тем не менее. Пока разберутся, пока оправдают. И все это будет происходить не здесь, а там, на Родине. И оправдают ли... Вы же знаете, сейчас классовая борьба особенно обострена. А ваше дворянское происхождение ничем пока не опровергнуто.

— Но ведь меня проверяли перед тем, как отправить сюда! — взвыл Денис. Опять та же волянка! Какой он, к черту, дворянин?!

— Не горячитесь, Денис Игоревич! — сказал Эрнесто. — Мы постараемся разобраться со всем этим здесь, на месте. А вот когда настанет ясность, вы и явитесь перед начальством с неопровержимыми доказательствами вашей невиновности. Конечно, тоже будут разбираться. Но уже не так сурово. Запаситесь терпением. Сейчас лишние недели — другая роли не играют.

— Как же, не играют, — пробурчал Денис. — Там ребята сражаются, а я где-то прятаться буду.

— Ничего, эта война от вас никуда не убежит, — успокоил его Эрнесто.

Конечно, никакой он был не Эрнесто и, тем более, не испанец! Псевдоним, как у всех советских здесь. Маскировка. Только вот от кого? По обе стороны фронта все прекрасно знают, что на стороне республиканцев воюют советские граждане и интернационалисты со всего света. А за Франко — германцы и итальянцы. Ну, и прочая фашистская сволочь.

Но обращаться к нему следовало именно по псевдониму и никак иначе. Ладно, Эрнесто, так Эрнесто.

— Разгружаться будем? — спросил Штефан. — Или так и станем разговаривать?

— Да, конечно! — спохватился Эрнесто. Сделал взмах и грузовик поехал к самолету. Солдатики, соскочив из кузова, полезли в люк. Штефан тоже нырнул туда — показывать, что именно забирать. Денис с Ольгой и Эрнесто отошли в сторону, чтобы не мешать.

— И что дальше? — спросила девушка.

— Отвезем вас в город, поселим, — пожал плечами тот. — И будете дожидаться результатов нашей работы.

— Что, вот так будем сидеть и ждать? — неприятно удивился Денис.

— Во-первых, город бомбят. И очень часто. Во-вторых, вы что, хотите нечаянно встретиться на улице с кем-нибудь из сослуживцев? И чтобы в этот же день кому надо доложили, что перебежчик и предатель Денис Вершинин свободно разгуливает по Мадриду и прибыл сюда, вероятнее всего, со шпионской миссией?

Вообще-то, Денис именно на встречу с кем-нибудь из своих и рассчитывал. Но сейчас увидел это в новом свете. Пожалуй, и впрямь не стоит носа высовывать на улицу. Пока, по крайней мере.

Ольга успокаивающе положила ему ладонь на плечо.

— Потерпим, Денис. Меня сейчас больше волнует судьба папеньки.

— С ним все нормально, — заверил Эрнесто. — После вашего отъезда обыск был и тщательный. Немного мебели поломали. Но ничего найти не смогли. И Александра Петровича даже не арестовали. Мне доложили — все в порядке.

— Ну, слава Богу, — вздохнула девушка. — Он знал, что меня долго не будет. Конечно, был против, но я его убедила.

Ящики тем временем перетащили в кузов грузовика.

— Самолет ваш останется здесь пока, — сообщил Эрнесто. — Позднее его перегонят на воен-

ный аэродром. Пусть дальше служит. А вас прошу в мое авто, пора ехать.

Марку автомобиля Денис не угадал. Что-то немецкое и достаточно вместительное. Но ход плавный.

По дороге пилот с любопытством крутил головой. В город с аэродрома военлетов отпускали нечасто и Мадрида он практически не знал. Да, город бомбили. Сильно бомбили. То и дело встречались развалины домов, на улицах громоздились кучи из обломков стен, остовы сгоревших машин. И люди... Люди бродили среди этой разрухи с какими-то потерянными лицами, кутаясь в пальто и плащи. И дети не бегали с веселым визгом, а так же, как взрослые, брели куда-то неспешно.

Ольга смотрела на картины войны и, казалось, вот-вот заплачет. Конечно, попасть в такое после тишины и благоустроенности ее финки...

Денис обнял ее за плечи, стараясь успокоить. Ольга все же всхлипнула.

— Как же так можно?

— Это война, девочка, — сказал пилот. — Здесь всякое случается.

Хотя в душе он совсем не был уверен, что война — обычное дело и потери на ней неизбежны.

ГЛАВА 16

Ехали довольно долго с учетом того, что то и дело приходилось тормозить и объезжать завалы. Но, кажется, наконец прибыли. Автомо-

билль остановился у кованой ограды. Эрнесто сам вышел, открыл такие же, как ограда, вычурные ворота. Грузовик с охраной заехал во двор следом. Солдатики по команде начальника споро утащили ящики куда-то в сторону. А Эрнесто, прикрыв ворота, махнул спутникам: за мной!

Они поднялись по широкой, но короткой лестнице к дверям особняка. Ранее это здание наверняка принадлежало какому-нибудь богатею, но хозяин сбежал, а дом конфисковали «для революционных целей».

Штефан, покопавшись в кармане, достал массивный ключ, отпер тяжелую на вид дверь.

— Прощу, гости дорогие. Здесь вы поживете какое-то время.

Они оказались в просторной прихожей. «Что-то я часто в последнее время во дворцы стал попадать», — подумалось Денису. То финка графа, то теперь это. Тоже, наверное, вельможа живет. Но Штефан тут же разрушил его предположения.

— Здесь фабрикант обувной квартировал. Но драпанул, зараза, в Америку. Правда, обстановку с собой не увез, так что будете жить с комфортом. Мне подумалось, что вам, графиня, так будет привычнее.

— Благодарю вас, — Ольга слегка наклонила голову. — Но я не избалована. У нас дома все по-простому.

Денис хмыкнул про себя. «По-простому»! Это в рабочем общежитии просто. А «у вас дома» все очень и очень непросто. Взять хотя бы комнатку за зеркалом. Или тайный ход в стенах...

Но этот особняк был пошкарней дома Рязанцевых. Как уже говорилось, прихожая была просторной, налево и направо имелись двери в другие помещения. А на второй этаж вела широкая лестница темного дерева. И, что примечательно, по центру этой лестницы бежала вверх красная дорожка, прижатая на каждой ступеньке металлическими прутьями. Действительно, шикарно живут здешние фабриканты. До революции в России тогдашние заводчики, наверное, не хуже жили.

— Давайте обживать, — предложил Эрнесто. — Слуг здесь нет, все вам самим придется делать. Кухню найдете, продукты подвезут через часок. Со спальнями определитесь. Охрану я оставляю, она вас беспокоить не будет. А нам со Штефаном пора по делам. Вечерком заглянем. И вот еще что. Первым делом осмотрите подвал. Если бомбить поблизости будут, вам лучше в нем укрываться. Бомба — она ведь дура, ей все равно куда падать. И хотя бомбят и обстреливают преимущественно центр, но и сюда может залететь.

С тем и откланялся. А они остались стоять в своих дурацких комбинезонах посреди пустой прихожей.

Ольга задумчиво прошлась по паркету, приоткрыла одну из дверей, заглянула.

— А ничего так, — сказала она, — уютненько. Кажется, тут и вправду можно пожить с удовольствием.

Денис поморщился: «Вот ведь, графинюшка! Тут война вовсю идет, люди гибнут, а ей «пожить с удовольствием»! Словно и не было поездки

по разрушенному городу, этих людей с потерянными глазами».

И тут же устыдился своих мыслей. Ну, да, Ольга — крепкая девушка, надежная. Но ведь не привыкла она еще к тому, что происходит сейчас в стране, в мире! Жила в глуши, на своей финке, занималась понемножку сельским хозяйством, папенька-граф души в ней не чаял, старался от всяких забот оградить. И тут — на тебе! Сначала сбитый летчик чуть не на голову падает, потом фалангисты в дом вламываются, побег в Барселону с секретным золотом, угон самолета, таинственные незнакомцы. И опять тихий уютный особняк, роскошь, никаких врагов поблизости. Какой реакции он от нее ожидал? Вот и нечего ее по своим меркам мерять!

— Пойдем, посмотрим, что нам досталось в наследство от этого буржуя! — предложил он.

— Наследство! — фыркнула девушка. — День два и попрут нас из этого «наследства» веником, как приبلудившуюся кошку!

— Хоть два часа, а наши! — рассмеялся Денис. — И проживем мы их весело и беззаботно! Согласна?

— А куда денешься? — улыбнулась в ответ Ольга. — Сначала кухню поищем, вдруг там что-нибудь от фабриканта осталось? Есть хочется — сил нет!

Они действительно ничего не ели с самого утра, а сейчас день перевалил далеко за полдень. Денис почувствовал, что сейчас согласился бы на ту самую пазлю, которая ему понравилась в прошлый раз.

Кухню они, естественно, разыскали, пройдя вереницу разных размеров комнат, обставленных вычурной мебелью. Вот скажите, зачем одной семье такая площадь? Хотя и с мебелью. Или у фабриканта семейство было огромное? Детишек под два десятка? Тогда, конечно.

О размерах буржуйской семьи говорили и размеры кухни. Две плиты, огромный стол, несколько шкафов с посудой, мешки с мукой и приправами, сковородки, висящие на специальных крючках. Вокруг чистота и порядок. Но — ни следа съестного! Они внимательным образом все обыскали. Тщетно!

Однако Ольга не сдавалась, ныряла в какие-то дверцы и внезапно издала победный крик.

Денис даже подскочил на месте от неожиданности.

— Что случилось?

— Хамон! Я нашла хамон!

Она держала в руках здоровенный свиной окорок. Денис посмотрел на эту ногу с интересом. Все-таки еда.

— Ты не знаешь, что это такое? — спросила Ольга.

— Ветчина?

— Особая ветчина! Ее делают только в Испании! У вас ведь нет хамона?

Пилоту не очень понравилось это «у вас», но он ответил:

— Ветчина есть. Не так, чтобы много, но есть.

— Здесь ветчину вялят особым способом. Но получается такая вкуснятина! Жалко, хлеба нет. Но ничего, и так сойдет. К нему вина надо.

Сейчас поищу. Не может быть, чтобы в доме испанца не имелось вина!

И вино, конечно же, нашлось. Только не на кухне, а в подвале. Там стояли большие стеллажи с уложенными на них пыльными бутылками.

— О! — обрадовалась Ольга. — То, что надо.

И, забрав бутылку, потащила Дениса наверх.

«Обедать» решили в столовой. Чего стесняться? Девушка сноровисто нарезала этот самый хапон тонкими пластами, аккуратно разложила на больших тарелках, добавила тяжеленные ножи и вилки и скомандовала:

— Налей вина! Ты же мужчина!

Денис не очень понял, при чем здесь это, но покорно отыскал штопор, вытер пыль с бутылки без этикетки и, напрягая мускулы, вытащил пробку.

Вино оказалось темно-красным, терпким и очень вкусным. Подражая Ольге, он начал разделять свою порцию ветчины.

— Ну, кажется, жизнь начинает налаживаться, — удовлетворенно сказала Ольга, вытирая губы салфеткой. Этих кусочков белой материи здесь имелось в изобилии. Денис подумал о бедной прачке, которая вынуждена стирать и крахмаливать такое количество полотна. В огромном доме наверняка было много прислуги.

А теперь только они вдвоем.

Ольга прислушалась.

— Кажется, в двери стучат. Сходи, посмотри.

Денис уже привычно проверил пистолет и отправился проверять, кого это принесло.

На пороге стоял один из оставленных Эрнесто охранников. В руках у него была здоровенная

корзина. Охранник молча вручил пилоту корзину, развернулся и потопал в заросли.

Денис заглянул под тряпицу, покрывавшую содержимое. Это оказались обещанные продукты. Фрукты, овощи, немного чего-то мясного, три бутылки, очевидно с вином. И главное — две круглые булки хлеба.

— Ура! — обрадовалась Ольга. — Сейчас еще хамона отрежу.

И они продолжили обед. А потом отправились на второй этаж — искать спальню. Требовался хороший отдых после всех сегодняшних приключений.

Эрнесто, как и обещал, появился вечером, когда уже стемнело. Один, без Штефана. Но Денис не стал ни о чем спрашивать. Это — не его дело. Здесь он не хозяин и от него ничего не зависит. Нужно будет — сами все расскажем.

Эрнесто плеснул себе в стакан вина, сел в позолоченное кресло и заявил:

— Ничем вас пока порадовать не могу. С командованием встретиться не удалось. Там опять какие-то разногласия. Ох, погубят они все дело! А Франко с каждым днем становится все сильнее. И помощь к нему все прибывает и прибывает. Кое-какие успехи на фронтах у нас все же есть. Но мало, мало! Аж злость берет! Так что сидите здесь и не чирикайте.

— Что значит — не чирикайте?

Денис начинал злиться.

— А то, что по улицам не шляйтесь, отдыхайте себе спокойно и ждите результатов. И верьте — все будет хорошо!

Он допил вино, улыбнулся ободряюще, под-
нял к плечу сжатый кулак.

— Рот Фронт!

И ушел.

Ночью Мадрид бомбили, но где-то на окраине.
Они проснулись, полежали немного в темноте,
а потом, обнявшись, снова заснули.

И потянулись скучные дни. Они вставали
поздно, вяло завтракали, шлялись по комнатам
особняка, разговаривали о чем-то незначитель-
ном. Ольга все беспокоилась об отце: как он там?
А Денис прикидывал, что же еще он может сде-
лать, чтобы вернуться в полк? И выходило, что
без помощи Эрнесто и Штефана — ничего. Раз-
умеется, он мог прямо сейчас отправиться в рас-
положение. Но что его ожидает там? Немедлен-
ный арест, это без вариантов, допросы, отправка
в Союз и... А может, не будут отправлять, прямо
здесь потихоньку расстреляют, чтобы не возить-
ся.

И все, не было никакого военлета Дениса Вер-
шинина, пропал без вести. Сбит над territori-
ей, оккупированной противником. А нечего было
отрываться от ведущего! А, так у него еще и дво-
рянское происхождение? Так, без сомнения, его
не сбили, он сам в плен сдался, перебежал на сто-
рону врага!

В такие минуты Денис горько сожалел о том,
что не пристрелил проклятого доктора тут же,
на месте, как только увидел. Но кто же знал тогда,
что это за змеюка!

В общем, два дня спустя после прилета в Ма-
дрид, им все надоело. И, несмотря на строгое

предупреждение Эрнесто, они решили выйти в город, осмотреть хотя бы окрестности осточертевшей виллы.

Охранники, похоже, даже не заметили их бегства. Жили эти два вооруженных винтовками парня в небольшом домике, скрытом в зарослях, окружавших виллу. Наверное, раньше там обитал садовник. Или кто-то иной из прислуги. И, кажется, они нашли ход в винный подвал фабриканта. Из окна домика доносилась веселая песня. Вот же раздолбаи! Вокруг война, а им и горя мало!

Прогулка получилась грустной. Разрушенные дома, бедно одетые люди с потухшими глазами.

Они остановились перед развалинами старинной церкви. Бомба, видимо, пробив крышу, взорвалась внутри. Здание было крепким, построенным на века. Но германская взрывчатка оказалась очень мощной. Одна из стен обрушилась полностью, остальные еще стояли. Зрелище было неприглядное.

Ольга вздохнула и внезапно призналась:

— Знаешь, а я так мечтала обвенчаться с тобой в церкви...

Денис ошарашенно уставился на нее. Обвенчаться в церкви? Ему, комсомольцу? Да как ей такое вообще могло в голову прийти? Вот же бред!

Так он ей и сказал. И они впервые поругались. А потом помирились.

В особняк вернулись тем же путем и так же незаметно. Охранники носа не показывали из своего домика. Похоже, вся их служба теперь состояла из опустошения фабрикантского винного погреба и сна. Но рассказывать Эрнесто об этом не сто-

ило. Чего доброго, сменит этих пьяниц на других, которые станут нести охрану рьяно. И как тогда быть со свободой, вкус которой они уже почувствовали в свой первый выход?

Конечно, ничего хорошего в этой прогулке не было. Но все же...

Вечером опять пришел Эрнесто. И, как ни странно, завел разговор о местных церквях и священниках. Ольга ему успела что-то шепнуть, что ли?

Оказалось, что многие церкви в католической Испании закрыты, а священники попросту расстреляны. Республиканское правительство почему-то ревностно боролось с религией, и это негативно сказывалось на отношении простого народа к революции.

Примерно то же самое происходило во время гражданской войны и в России. Попов уничтожали, а церкви или сносили, или превращали в склады и клубы.

Денис не был воинствующим атеистом, его просто не волновали вопросы веры. Он и крестик-то тайно носил, как память о пропавших без вести родителях.

В своем рассказе Эрнесто упомянул и о том, что православной церкви в Мадриде нет, только католические. Ольга сразу заметно погрустнела. Видимо, несмотря на примирение с Денисом, она все же сохранила какую-то надежду на то, что сможет его переубедить. А раз церкви нет, то какое может быть венчание?

Новостей об их будущем Эрнесто не принес. С оправданием Дениса дело затягивалось. Может быть, действительно стоило просто явиться

в расположение полка и рассказать все, как было на самом деле? А там будь что будет.

Он так и выложил Эрнесто. Тот посмотрел на него, как на сумасшедшего.

— Простите, Денис, вы как себя чувствуете? Голова не болит, ночные кошмары не мучают? Ориентацию в пространстве не теряете?

Пилот раздраженно ответил, что нет, ничего подобного он не испытывает.

Тогда Эрнесто взорвался:

— Так какого черта вы мне голову морочите?! Очень хочется побыстрее к стенке стать? Заодно с Ольгой и мной со Штефаном! Потому что если вы все расскажете после ареста, то нас всех тут же запишут во вражеские шпионы! Уж не сомневайтесь, именно так и будет! Себя не жалко, нас. Ладно. Но Ольга-то за что страдать должна? Очиститесь, разоружитесь перед товарищами? Ну-ка, вспомните, в чем именно вы виноваты? Сбили вас? И что в этом такого? Каждого могут сбить. Вас спасли, не попали вы в лапы фалангистам. А знаете, что бывает с советскими летчиками, попавшими в плен? Не слышали о ящике, сброшенном немцами на наш аэродром? Не знаете, что в нем было? Я вам скажу! Разрубленное на куски тело советского пилота, угодившего в плен!

Денис об этом слышал, а вот Ольга слабо ахнула, закрыв рот ладонью.

А Эрнесто продолжал:

— Вас спасли отважная девушка и ее отец. Да вы до конца дней должны быть им благодарны! Не-ет, вы хотите их подставить! Зато совесть чиста будет!

Какой-то эмигрантский идиот с перепоя решил, что у вас папа был полковником царской армии, а паршивая газетенка об этом бреде раструбила. Ладно, вы попсиховали и забыли. А серьезные люди, которым по долгу службы положено замечать каждую мелочь, задумались: вдруг, правда? Надо бы этого Вершинина взять за шкуру и вдумчиво поспрашивать, что и почему. Ну, положено им такими делами заниматься. У вас есть железные доказательства, что все это вранье? Далее. Вам дают секретное задание: переправить ценности в надежные руки. Вы это выполняете. Потом угоняете самолет и прилетаете в Мадрид.

С какой целью? Это вы утверждаете, что хотите воевать с фашистами на благо Родины и республики. А помогали вам в этом подозрительные личности, которые неизвестно чем в Коминтерне занимаются. Взять и их за шкуру!

Но время сейчас военное, разбираться особенно некогда. А не проще ли просто шлепнуть всю эту компанию? Не велика потеря для общего дела. А польза может быть большой, поскольку все эти подозрительные личности вреда нанести не смогут. Вы этого хотите? А так и будет, вы уж мне поверьте! И все потому, что вы, сопливый мальчишка, решили, что имеете право определять, что именно хорошо, а что плохо!

Эрнесто плеснул вина себе в стакан и откинулся в кресле. На Дениса он не смотрел. Только презрительная усмешка кривила его губы.

У пилота в душе поднималась настоящая буря. С одной стороны, он действительно считал, что

должен, не мудрствуя, прийти к начальству и все ему доложить. Пусть, кому положено, разберутся. Он-то уверен, что ничего постыдного не совершал!

Но с другой стороны... Ведь наверняка так и будет, как предрекает Эрнесто. Товарищи ему, быть может, поверят. Они знают, что Денис лихой парень, способный выкрутиться из любой, самой трудной ситуации. А вот начальство... Нет, добром все не закончится. Расспросы, допросы, гауптвахта, а там, глядишь, и тюремная камера. И ничего не изменишь!

От бессилия ему хотелось завывать во весь голос. Но он сдерживался. Не к лицу молодому, здоровому военному летчику распускать слюни. Какой бы ни была опасность.

Он глубоко вздохнул, медленно, сквозь сжатые зубы выпустил воздух.

— Ладно. Проехали. Что вы предлагаете?

— Другое дело! — Кривая усмешка исчезла с лица Эрнесто. — Предлагаю я вам пока то же, что и раньше. Сидеть здесь и не рыпаться. Помните главное: хорошие люди о вас не забыли и делают все возможное, чтобы вытащить из этого неприятного положения! И все, на сегодня дискуссии окончены!

Он встал и, не прощаясь, вышел. За воротами рывкнул мотор, удаляясь, стих. Они опять остались вдвоем.

— Ну, что скажешь? — спросил Денис у Ольги.

— А что я могу сказать? — она как-то устало опустила в то кресло, где только что сидел Эрнесто. — По всему выходит — он прав. Погоди,

дай сказать! — поспешила она, заметив, что летчик открыл рот. Денис согласно кивнул.

— Ты ведь и вправду хочешь пойти к своим и все выложить как на духу.

— Теперь уже нет, — вставил Денис.

— Я не хочу тебя ни в чем убеждать. Ты взрослый человек и понимаешь свою ответственность. И если чувство долга в тебе сильнее всех обстоятельств — иди! Возможно, мне лучше всего вернуться к папе. И сидеть там спокойно, дожидаясь конца этой ужасной войны. Не знаю, какая атмосфера в этом вашем полку, но если то, что говорил этот человек — правда, то это ужасно! Как можно не доверять своим же людям, тем, с кем вместе воюешь против врага?

— Ты не знаешь всего, Оля, — он попытался как-то смягчить свои слова интонацией, но это плохо получалось. — Сейчас все враги повывлазили из щелей, в которых они прятались до сих пор и идут в атаку на нашу страну! В газетах каждый день пишут о новых судах над врагами народа, перерожденцами, уклонистами от линии партии...

— В газетах? — возмутилась Ольга. — Ты веришь газетам? Сам ведь недавно возмущался, когда прочитал заметку о себе!

— Это была буржуазная газета! — резко возразил Денис. — В советских газетах пишут только правду!

Ольга презрительно рассмеялась.

— И ты этому веришь? Да испокон веков газеты только и делали, что врали! Сами журналисты называют себя представителями второй древнейшей профессии — после проституции!

Денис вылупил на нее глаза. И это его спокойная, рассудительная, веселая Ольга? Откуда в ней столько ярости, презрения, цинизма, наконец? Как можно говорить так о газетах, этом зеркале советской жизни, в которых даже сам товарищ Сталин публикует свои мудрые статьи. Нет, она заблуждается, надо во всем разобраться, помочь ей!

А девушка продолжала:

— Откуда ты знаешь, что те люди, которых судят — действительно, как ты говоришь, «враги народа», «перерожденцы»? Ты был лично знаком с ними, общался?

— Но на судах они сами сознаются во всем, каются! И просят прощения за свои преступления.

— Хотелось бы знать, что заставляет их покорно во всем сознаваться. Они ведь знают, каков будет приговор! И знали, когда совершали свои «преступления»! Но ведь совершали их! Так почему же они так покорны на судах?

— У них открываются глаза...

Ольга всплеснула руками.

— Ты сам в это веришь?

— Верю!

Похоже, они ссорились второй раз за один день. На Дениса вдруг накатилась такая волна тоски и безысходности, что он не выдержал и молча вышел из комнаты.

Ушел на кухню, достал из шкафчика бутылку вина и выпил ее в темноте прямо из горлышка, даже не разобрав, какое оно было: белое или красное. А потом сел у окна, уткнулся лбом в стекло и попытался заплакать.

Но ничего у него не получилось. Не умел он плакать. Когда-то в детстве — да, случалось. Но потом... Когда приходилось совсем плохо, он не мог выдавить ни слезинки. Только стискивал зубы и продолжал терпеть и бороться.

Вот и теперь. Непонятно было, что терпеть и с кем бороться. Ну не с Ольгой же? Поэтому он просто сидел, чувствуя лбом холод стекла, и не думал ни о чем. Вино не помогло. Оно не расслабило его, не принесло успокоения, не дало подсказки. Оно вообще никак на него не подействовало! Ну и зачем люди вообще пьют?

Ольга не искала его. Сидела, наверное, и размышляла о том, как ее угораздило влюбиться в такого твердолобого дурака, как Денис. И о том, что, кажется, пора с ним расставаться и возвращаться домой. А что делать, если человек, которого, как ей казалось, полюбила, оказался упертым солдафоном. Решил что-то — и никто ему не указ! Не желает он видеть очевидное, не хочет над ним задуматься!

Ну и пусть! Одному ему будет легче. Никакой ответственности! Вокруг война и посторонним чувствам на ней не место. Он вернется в полк, все разъяснится и он еще поднимется в небо!

Скрипнула дверь, прошелестели легкие шаги, его обняли нежные руки.

— О, — сказала Ольга. — Да ты, кажется, выпил? А мне нальешь?

И сразу же его отпустило, как будто ничего не случилось, все по-прежнему. Мир уже не казался таким темным и бездонным.

— Конечно, налью, — сказал Денис. — Наши охранники еще не все вылакали...

ГЛАВА 17

В город они больше не убегали, хватило единственной прогулки по разрушенным улицам.

Денис вновь, под строгим присмотром девушки, взялся за испанский. А Ольга, кроме учительских обязанностей, изоцрялась с тем скромным набором продуктов, что у них имелся, стараясь придумать каждый раз что-нибудь новенькое к обеду. Иногда получалось вкусно, иногда забавно. Чаще второе.

У сбежавшего фабриканта имелась довольно богатая библиотека, которую он с собой не забрал, посчитав, видимо, излишним грузом. Были тут книги не только на испанском, но и на французском, английском и даже несколько томиков на русском: Толстой, Чехов. Денис предпочел бы Горького, но пролетарского писателя буржуй не жаловал.

Читать Денис, конечно, любил. Когда было для этого время. А тут его образовалось столько, что девать некуда. Обнаружилось, что русские издания — еще дореволюционные, даже не разрезаны. То есть, непонятно для чего купленные этим фабрикантом. Чтобы стояли на полке, и можно было похвастать перед гостями: дескать, вот я какой образованный? Наверное. А теперь пилоту приходилось пользоваться кухонным ножом, чтобы разрезать страницы.

Толстого он сразу отверг. Хватит и того, что успел прочесть в тайнике на финке Рязановых. Взялся за Чехова. Этот понравился ему больше. Короткие рассказы, иногда смешные, иногда

грустные. Но все это был отживший мир, все чудное, хотя и понятное. Чем не займешься от скуки!

Он с удовольствием пострелял бы из «Маузера» Ольги, но сделать этого не было никакой возможности. И охранники всполошатся, и патруль может появиться. Хотя с улиц города стрельба доносилась часто. Неизвестно, кто и с кем там воевал. Может, те же патрули шпионов отлавливали?

Корзинки с продуктами доставляли еще дважды. Эрнесто не появлялся. Мещанская жизнь продолжалась. И Дениса вновь начали обуревать сомнения. Может, о них забыли? Ну, такая загруженная деятельностью жизнь, что о двух посторонних и вспомнить некогда. Или случилось что-то с Эрнесто и Штефаном. Последний и вовсе не появлялся в особняке с самого прилета в Мадрид.

Также им было неизвестно о положении на фронтах. В том, что франкистов остановили под Мадридом, Денис не сомневался. У республиканцев хотя и хромала дисциплина, но сражались они отважно и жизнью своих не жалели. Но что вообще происходит?

Он попытался на ломаном испанском спросить об этом у полупьяных охранников, но те только глупо улыбались и пожимали плечами. Этим жизнь, наверное, казалась раем. Тихо, в подвале полно вина, чего еще желать?

В последнее время вражеские бомбардировщики над городом не появлялись, и пилот счел это хорошим знаком. Значит, наши не дают прорваться, отгоняют и сбивают на дальних подступах.

Но когда же хоть что-нибудь решится? Когда Эрнесто принесет хоть какую-нибудь весточку?

И он появился. Вместе со Штефаном и еще одним человеком, увидев которого, Денис просто онемел от удивления. И радости.

Перед ним стоял, несмело улыбаясь, Саня Макаров! Товарищ и друг, такой же, как он, военлет. Они даже в Испанию вместе попали. Санька был вторым ведомым, когда Денис потерялся и был сбит. И сейчас он стоял перед ним в каком-то нелепом комбинезоне и тоже не верил своим глазам.

— Ты? — воскликнули они одновременно и крепко обнялись.

Несколько минут прошли в невразумительных восклицаниях и хлопанье по плечам. Наконец, Макаров смог вымолвить связанные фразы:

— А мне сказали, что встреча с нашим товарищем и командование в курсе! Никак не думал, что это ты!

И тут же помрачнел.

— Нам на закрытом собрании сказали, что ты предатель и перелетел к фашистам! И что если встретим твой самолет в воздухе, нужно заставить тебя приземлиться и взять в плен, а если не получится — сбивать к чертовой матери! Меня трясли на допросах, подробности твоего исчезновения выпытывали, грозили всячески. Потом, правда, отстали...

Помрачнел и Денис. Значит, худшие предположения оправдались и все, о чем говорил Эрнесто — правда.

— Не предавал я, Санька. Сбили меня. Потом люди хорошие подобрали, спрятали. Сюда добрался, а тут вон какое дело!

Он посмотрел на Эрнесто.

— И как теперь быть?

Эрнесто уже разливал вино по стаканам. Был он совершенно спокоен.

— Мы для того вашего товарища привезли, чтобы вы наконец убедились во всем и перестали рваться в бой. Нет для вас пути назад. Пока. Дальше — видно будет. Но сейчас — никак. Официально объявлено, что вы — перебежчик и предатель. Конечно, товарищи поторопились с этим заявлением. Но вот такие у нас сейчас времена. Как говорится, лес рубят — щепки летят. А вы очень подошли на роль этой самой щепки.

Он говорил таким спокойным, даже равнодушным тоном, что Денису захотелось заорать, ударить его или сломать что-нибудь. Что же за безысходность такая!

И Макаров смотрел на друга так сочувственно. Но чем он мог помочь? Рассказать в полку, что вот, видел Дениску Вершинина, никакой он не предатель, наш, советский человек, оклеветали его! Да Саню потом по допросам затаскают, черт те в чем обвинят и хорошо, если домой не отправят, а то ведь и арестовать могут. За несанкционированную встречу с врагом!

Кстати, каким образом его удалось сюда привезти? Об этом он и спросил.

— Кое-какие пути и связи у нас все же есть, — сказал Штефан. — Но советское командование столь недоверчиво, что маскироваться приходится изо всех сил. Вам, Александр, ни в коем случае не стоит рассказывать, где вы были и с кем виделись. На расспросы будете отвечать, как мы вам

говорили. Один из испанских руководителей захотел встретиться с советским пилотом, узнать, на какой высоте боевой дух тех, кто защищает небо Мадрида. Слишком частыми стали бомбежки, вот он и усомнился. Все остальное мы оставим, как надо, не переживайте. Даже с подарком вернетесь!

Саня понятливо кивал. Встретиться с другом, считавшимся пропавшим, конечно, здорово. Но признаваться в этом, действительно, не стоило.

Наскоро попрощались. Саньке вручили холщовую сумку с несколькими бутылками вина из фабрикантского погреба, и Штефан повез его в расположение.

Шум мотора затих вдали. Эрнесто опять плеснул себе в стакан, не предлагая остальным, сказал:

— Как видите, дорога в небо для вас пока закрыта. Подчеркиваю — пока. Правда, сколько этот запрет будет длиться — неизвестно.

Он словно дубиной оглушил Дениса этими словами. Не летать? Как это может быть? Да ведь ему без неба просто не прожить!

И в то же время, после встречи с Саней он вдруг начал понимать, что прежней жизни — конец. Ему не хотелось в это верить, но что-то подсказывало: да, правда. И никуда от этого не денешься...

А Эрнесто продолжал:

— Мы подумали и решили предложить вам другую работу. Не связанную непосредственно с полетами, но и эти навыки могут пригодиться. Работа, предупреждаю сразу, очень опасная,

Смертельно опасная. Но вы уже доказали свое умение выходить с честью из затруднительных ситуаций.

Денис слышал его, но в мозгу продолжала крутиться одна лишь фраза: «Все, отлетался!» И это было больно.

— Денис Игоревич, да вы меня не слушаете! — возмутился Эрнесто. — Я вам предлагаю новую жизнь, а вы где-то в облаках витаєте!

— Какие уж тут облака, — горько усмехнулся пилот, теперь уже бывший. — Сами сказали, что не летать мне больше.

— На земле тоже много дел, не менее увлекательных, чем полеты! — голос Эрнесто теперь звучал жестко. — Поэтому слушайте внимательно!

— Слушаю, — равнодушно сказал Денис. Ольга на протяжении последних часов не проронила ни слова. И по ее лицу было совершенно не понять, что она обо всем этом думает.

— Для начала вы пройдете обучение в одном из наших специальных центров. Обучение специфическое. И если вы согласитесь, то назад дороги уже не будет. Или вы идете до конца, или...

Любопытно.

— А кровью расписываться нигде не надо будет? — вдруг спросила Ольга.

Эрнесто хмыкнул неопределенно.

— Крови, поверьте, на вашу будущую жизнь хватит с избытком.

— Так вы что, в диверсанты нас вербуете? В шпионы? — изумилась девушка.

— Ну, во-первых, не в шпионы, а в разведчики, — сухо поправил ее Эрнесто. — А во-вторых,

лично вам никто никаких предложений не делает. Мы постараемся вернуть вас отцу, и будете жить, как прежде, тихо и мирно. Война, в конце концов, закончится. Заведете семью, нарожаете детишек. Что еще надо для счастья?

— Да вы издеваетесь! — подскочила со стула Ольга. Уперев руки в бока, она нависла над Эрнесто. Тот даже стакан поставил на стол, опасаясь, наверное, что разъяренная девица сейчас на него набросится с кулаками. — Издеваетесь? Так вот знайте, никуда Денис без меня не поедет! И вся дальнейшая жизнь у нас будет проходить только вдвоем! Зарубите себе это на носу и передайте вашим начальникам!

Эрнесто шумно выдохнул, рассмеялся и вновь взял свой стакан.

— Ну, на такой успех мы и рассчитывали! Хотя, признаюсь, были сомнения. Девушка из приличной семьи, дворянка по происхождению. Вы лакомый кусочек, графиня!

Он неожиданно лукаво подмигнул Ольге. А та действительно размахнулась, чтобы дать ему пощечину. Денис проворчал угрожающе:

— За языком-то следить надо!

Эрнесто поставил стакан, прижал ладони к груди.

— Каюсь, каюсь! Прошу меня простить! Огрубели на этой проклятой войне, совсем забыли, как с прелестными дамами нужно обращаться.

Ольга опустила занесенную руку, сказала:

— Вот то-то же!

Села на стул, схватила свой, еще не тронутый стакан и быстро опорожнила его.

— Уважаю, — ухмыльнулся Эрнесто. — Вот что значит — старинное дворянство! Итак. Предложение вам сделано. Немедленного ответа я не требую. До завтрашнего вечера у вас время есть. Подумайте, обсудите. Тогда и решите. Договорились?

— Пойдите! — словно очнулся Денис. — Вы так и не сказали, на кого предлагаете нам работать? Сам-то вы кто такой, в конце концов?

— А я разве не сказал? — делано удивился Эрнесто. — Ну, так позвольте представиться без псевдонимов. Павел Третьяков, сотрудник Иностранного отдела НКВД. Но в дальнейшем все же лучше называть меня по-прежнему Эрнесто. Ни о какой измене Родине, таким образом, речь не идет. Все, что вы будете делать, послужит только ее укреплению. Удовлетворены? А теперь разрешите откланяться.

И он удалился.

Какое-то время Денис и Ольга сидели молча, глядя на огни стоявших на столе свечей. Запас их обнаружился в одной из кладовок особняка. Вообще, складывалось впечатление, что фабрикант и его семейство уезжали в большой спешке, забрав только самое ценное и надеясь, что дом не разграбят до тех пор, пока появится возможность вернуться. Вот и свечей нашлось множество. Сейчас электрический свет отключали очень часто и темными вечерами эти свечи очень помогали.

Денис первым прервал молчание.

— Ну, что скажешь?

— Неожиданное предложение. Я до сих пор не могу в себя прийти. И так до конца не поняла, что же это за работа такая?

— Тут как раз все понятно. Нас подготовят, научат всему необходимому. А потом под чужими фамилиями и с фальшивыми паспортами зашлют в какую-нибудь страну. Будем жить, как обычные граждане и собирать информацию о врагах Советского Союза.

Он помолчал, затем добавил:

— Возможно, кого-то и убивать придется. Не зря же этот Павел-Эрнесто про кровь сказал...

— Веселенькая перспектива... — вздохнула Ольга. — С другой стороны, здесь у нас вообще никаких перспектив.

— Ну почему же? Ты действительно можешь вернуться к отцу.

— И ты туда же? — взъерилась девушка. — Мало было мне этого придурка?

— Да успокойся ты! Пошутил я, — укротил ее гнев пилот.

— Идиотская шутка! — не смогла сразу успокоиться Ольга.

— А я сам — не идиот? — горько усмехнулся Денис. — Это надо же было так попасть! И что самое обидное — тебя ухитрился втянуть!

— Теперь ты успокойся! Никуда ты меня не втягивал, я сама с тобой пошла. Я же люблю тебя!

— Что, правда? — поднял он на нее взгляд.

Девушка подошла, села к нему на колени, обняла.

— Правда, правда. Ты еще сомневаешься?

— Уже нет. Но все же — как нам быть?

— Чего тут думать? Назад дороги нет. Надо соглашаться. Вместе мы с любой бедой справимся. Даже с фальшивыми паспортами!

ГЛАВА 18

Эрнесто был ничуть не удивлен, когда следующим вечером на его немой вопрос они кивнули утвердительно.

— Вот и славно! — сказал он. — Теперь обсудим детали. Здесь вам придется посидеть еще несколько деньков, пока мы организуем вашу транспортировку. Продуктов хватит? Далее все увидите сами.

— И куда вы нас собираетесь увезти? — спросила Ольга.

— Не в Сибирь, не переживайте! Здесь близко. По европейским меркам, разумеется. Я же сказал: все увидите сами. Давайте вина выпьем, что ли? Так за день устаю, что к ночи просто с ног валюсь. А количество необходимых дел все не уменьшается.

— Бедненький, — ехидно сказала Ольга.

Эрнесто покосился на нее, но на провокацию не поддался. Выпил свой стакан, попрощался и исчез в ночи.

Появился он, как и обещал, через два дня, велел собираться. А что им было собирать? Костюм, подаренный ему графом Рязанцевым, две рубашки, позаимствованные из гардероба беглого буржуя, крепкие ботинки, несколько платьев Ольги еще из дома, одно — из того же источника, что и рубашки Дениса. Вот и весь скарб в двух небольших саквояжах.

Эрнесто с удовлетворением оглядел их, готовых к выходу.

— Вот так и надо! Ничего лишнего! Верной дорогой идете, товарищи!

— Опять? — сощурилась Ольга.

— Молчу! Прошу, авто подано!

Каково же было их удивление, когда они опять оказались на аэродроме перед облупившимся фюзеляжем все той же «Бреге».

— Не пугайтесь, Денис Игоревич, сегодня вам не придется садиться за штурвал. Из Барселоны прибыл настоящий экипаж этой птички. Они пилоты опытные, можете им доверять! Тем более, что с вами полетит Штефан. Теперь он за вас отвечает. Кстати...

К самолету подкатил потрепанный автомобиль и из него действительно вышел Штефан. Был он в том же длинном плаще, широкополой шляпе и круглых очках с темными стеклами.

— Человек-невидимка, — шепнула Ольга Денису. Тот кивнул — роман Уэллса он когда-то читал.

— Ну, все готовы? — спросил Штефан, подходя. Эрнесто пожал ему руку и незамедлительно передал портфель желтой кожи.

— Здесь все, как обговаривали. Поручаю тебе эту парочку. С барышней будь повежливее — может хм... неприятности устроить.

— Да уж знаю, — усмехнулся Штефан. — Молодой человек, если ты заметил, тоже не подарок на день рождения.

— Значит, мы сделали правильный выбор, — рассмеялся в ответ Эрнесто-Павел. — Счастливо добраться!

И они полетели. Экипаж «Бреге» состоял из трех мрачных мужиков, на вид менее всего подходивших на роль авиаторов. Но самолет держался

в воздухе уверенно, и Денис немного успокоился. Опасность могла им угрожать только со стороны германских или итальянских стервятников. Надо полагать, у пилотов имелся опыт ухода от истребителей. Ухода, потому что обороняться самолету было практически нечем. Это Денис знал по предыдущему полету.

И да, опыт такой был, потому что за все время перелета их никто не беспокоил.

Судя по солнцу, путь их лежал на север, в сторону Пиренеев. Но вот внизу показались заснеженные вершины гор, скальные гряды, а самолет и не думал снижаться.

— Кажется, мы во Францию летим, — сказал Денис Ольге.

— Ой, как интересно! — восхитилась девушка. — А куда именно?

— Ни малейшего понятия, — честно сознался пилот. Можно было, конечно, спросить у Штефана, который мирно дремал на соседнем сидении, но что-то не тянуло это сделать. Пусть уж все идет, как идет.

— Ты французский знаешь?

— Обижаешь! Я столько лет там прожила. А вот тебе придется язык заново учить!

Денис мысленно застонал, но храбро ответил:

— Еще посмотрим! Если центр этот секретный, то там и французов может не быть.

Спустя примерно четыре часа полета, когда, по расчетам Дениса, топливо в баках должно было подходить к концу, самолет начал снижаться. Штефан открыл глаза и потянулся. Видимо, такие перелеты были для него не в новинку.

— Кажется, прибываем, — сказал он. — Еще немного, и мы на месте.

Денис все же не удержался, спросил:

— И где именно?

Штефан вытянул вперед руку и провозгласил:

— Добро пожаловать в ля бель Франс! То есть, в прекрасную Францию!

— Это мы и так поняли, — сварливо сказала Ольга. — И что на юге страны — тоже. Но где именно?

— А вот этого, ребятки, вам знать и не положено. В целях сохранения секретности. Попадете, скажем, в лапы врагу и тут же ему выложите: дескать, секретный центр находится там-то и там-то! Оно нам надо?

— Шуточки у вас, — со злостью сказал Денис.

— А я не шучу, — теперь уже совершенно серьезно ответил Штефан. — Все гораздо серьезнее, чем вам кажется. И вы должны как можно быстрее это усвоить. Для вашей же пользы. И безопасности.

Денис почувствовал, что да, действительно, теперь не до шуток.

Самолет между тем совершил посадку на зеленое поле, долго рулил и замер, выключив двигатели. Экипаж из кабины не вышел, как можно было ожидать. Пилоты так и остались сидеть в своих креслах. Забавно и загадочно.

А Штефан рывком открыл дверцу и пригласил на выход. Денис и Ольга не заставили себя упрашивать, спрыгнули на траву.

— Подождем немного, — сказал Штефан. — Сейчас авто будет.

И машина приехала. Не легковая, как они ожидали, а грузовичок с будкой без окошек. На будке

имелась какая-то надпись на французском, и Денис не смог ее прочесть. Помогла Ольга.

— «Булочные Фуше» — сказала она. — Хлебовозка, значит. А мы с тобой в роли круассанов.

Что такое круассаны, Денис не знал, но почти такие же машины с надписью «Хлеб» разъезжали по Москве. И сейчас вид мирного грузовичка почему-то успокаивал.

— Карета подана! — сказал Штефан, открывая дверку на левом борту грузовой коробки.

Перед тем, как лезть внутрь, Денис огляделся. Аэродромные строения были расположены далеко от места стоянки «Бреге». Понятно, почему после посадки они так долго рулили. Все та же секретность. И окошек в будке нет по той же причине. Снаружи не видно, что за груз, и пассажиры не знают, куда их везут.

Внутри было темно, Прежде чем дверь закрылась, Денис успел рассмотреть лавочку у борта и устремился к ней, потянув Ольгу за руку. Они сели, прижавшись друг к другу. Машина тронулась и затряслась, как припадочная.

— Рессоры ни к черту! — почти прокричал пилот, потому что громыхала эта таратайка изрядно. — Не прикуси язык!

Ольга поняла и молчала долго. Потом радостно вскрикнула:

— Тулуза! Мы в Тулузе!

Название это Денису было неизвестно. О географии Франции он почти ничего не знал, не пришлось как-то изучать. Он только спросил:

— И как ты это определила?

— Тут маленькая дырочка есть, через нее и разглядела надпись, когда мы в город въезжали.

Грузовичок и впрямь пошел плавнее, но громыхал все так же немилосердно. И не подскакивал то и дело, а мелко трясся. «Булыжная мостовая!» — догадался Денис.

Ехали они примерно час. Притормозили, за стенкой слышались голоса.

— Пропуск требуют, — перевела Ольга.

Видимо, пропуск имелся, потому что вскоре они двинулись дальше.

— Я еще одно название прочла, — сказала девушка. — Монтобан.

Но и в этом населенном пункте они не остановились. Ехали до очередной проверки пропуска и наконец дверца распахнулась, и веселый голос Штефана оповестил:

— Станция Дерезай! Кому надо — вылезай!

Нет, он точно русский. Какому иностранцу придет в голову эта замшелая присказка?

Они кое-как выползли из ненавистой коробки. Машина стояла в глубине соснового леса. Солнце стояло еще высоко. Земля была усыпана желтыми иголками, и казалось, что они действительно приехали в дремучий лес.

Но нет. Среди деревьев виднелось несколько симпатичных одноэтажных домиков.

— Вот это и есть наш центр, — сказал Штефан. — Здесь вы будете какое-то время жить и учиться. Никаких увольнительных не предусмотрено. Даже не мечтайте. Тем более, что вы и понятия не имеете, где находитесь.

Денис и Ольга сдержали улыбки. Правда, в какой-то мере Штефан был прав. Где во Франции находятся эти Тулуза и Монтобан, пилот не представлял. Судя по продолжительности полета после пересечения Пиренеев, где-то на юге страны. Хоть какая-то привязка к местности.

— Идемте, — поторопил Штефан. — Надо вас разместить и познакомить с личным составом центра.

Следом за ним они направились к одному из домиков. В Союзе подобных строений Денис не видел. Да и в Испании дома выглядели по-иному. Ну, Франция все-таки, другая культура.

Удобства в доме присутствовали. И туалет, и ванна. В одном помещении.

— Совместный санузел, — тоном знатока сказала Ольга. Ну, ей виднее.

Сам Денис смотрел на обстановку равнодушно. Как-то не привык он к роскоши, да и не нужна она ему была, по большому счету. Было бы где спать, умываться и куда ходить по нужде. Остальное — неважно.

Другое дело — Ольга. Она-то привыкла к комфорту отцовской финки, и место, где им предстояло жить, показалось ей не очень уютным. Она так и сказала:

— Бедненько. Но чистенько.

Штефана ее слова не смутили. Он только усмехнулся, сказал:

— Устраивайтесь. Через полчаса зайду.

А чего им было устраиваться? Постельное белье имелось, полотенца тоже. Кое-какие предметы гигиены. Вот и все. Даже кухни, хоть самой маленькой, не наблюдалось.

— Кормить нас будут в столовой, — решил Денис.

А вот ни радиоприемника, ни, хотя бы, радиоточки в доме не было. Значит, они отрезаны от мира. Ну и шут с ним! В последнее время их и так не баловали новостями.

Штефан, как и обещал, явился через полчаса и повел их для начала в... действительно, столовую. Она размещалась в здании побольше, но тоже одноэтажном. Столов в обеденном помещении было четыре, и один уже занимали два ничем не примечательных парня, увлеченно работавших ложками. Парни без любопытства взглянули на вошедших, один даже слегка кивнул приветственно, и продолжили свое занятие.

— Садитесь, — скомандовал Штефан. — За любой свободный столик. Сейчас принесу.

Он доставил два подноса, но заявил, что в дальнейшем они будут обслуживать себя сами.

— Официантов тут нет!

Как успел заметить Денис, поваров тоже было не в избытке. На половине кухни орудовала только одна пышных габаритов тетка.

Куратор не обделил и себя, водрузив на стол третий поднос и усаживаясь рядом с Ольгой.

— Вы позволите?

Девушка пожала плечами.

— Вы здесь хозяин.

— В каком-то смысле, — согласился Штефан. — Приятного аппетита!

Нельзя было сказать, что кормили здесь так уж обильно. Жидкий рыбный супчик, котлетка с картофельным пюре, стакан апельсинового сока. И два кусочка серого хлеба. Такой обед в стиле ра-

бочей столовой. Но привередничать не приходилось.

— Можно попросить вина, — поведал Штефан. — Но это за ужином. И местное вино, на мой вкус, хуже испанского.

Вот уж о чем Денис не печалился. Пьяница из него был еще тот, и за последнее время не успел приобрести привычку по-испански пить вино, как воду. А крепкие напитки... Вон, у графа осмелился тяпнуть рюмку. И чем закончилось? То-то...

Пообедали быстро. Штефан скомандовал отнести освободившуюся посуду к окошку мойки.

— А теперь пойдем знакомиться с преподавателями. Сегодня вы еще отдыхаете, но завтра за вас возьмутся как следует!

ГЛАВА 19

И действительно, за них взялись. Да так, что вечером, возвращаясь в свой домик, им еле хватало сил обмыться и дотащиться до постелей.

Кстати, спали они теперь отдельно, на узеньких койках. Общей, двухспальной, в доме просто не имелось.

— В целях соблюдения социалистической морали, — мрачно пошутил Денис.

Но это было и неплохо, потому что им все время хотелось спать. На все остальное сил не хватало.

Итак, занятия начались. Ольге было немного легче, чем Денису, поскольку испанский и французский языки она знала. Их нужно было только усовершенствовать, отшлифовать, добавить специ-

фический словарный запас. А бывшему пилоту приходилось туго. Только теперь он понял, что тот минимум, который давала ему Ольга в темной комнатке за зеркалом — ничто, крохи испанского. А уж французский...

Радовало одно: на первом же занятии строгого вида дама по имени Мария заявила:

— Никто не собирается делать из вас натуральных испанцев или французов. Вы — потомки русских эмигрантов, в своих странствиях изучившие иностранные языки. Поэтому ничего странного и страшного в вашем акценте нет. Может быть, иногда, смотря по обстоятельствам, вам даже придется скрывать знание того или другого языка. Всякое случается...

Со временем они начали понимать, что их действительно готовят к заброске в какую-то испаноязычную страну. И не просто для внедрения и спокойного проживания там. А с определенной целью. Но вот с какой — оставалось тайной.

Судя по всему, не исключался и силовой вариант действий, поскольку занятия по физической подготовке занимали значительную часть учебного времени.

Учили боксу, какой-то разновидности борьбы, акробатике. Борьба была далека от классического варианта, включала в себя не силовое противодействие, а использование энергии и напора противника. На показательных выступлениях перед началом учебы было очень смешно смотреть, как маленький человечек с азиатскими чертами лица безо всяких усилий несколькими короткими движениями отправлял в полет здорового громилу.

Эта часть учебы нравилась Денису больше всего, даже больше радиодела. И он старался выкладываться на матах в маленьком спортзале, как только мог. Однажды даже удостоился похвалы инструктора по имени Джоу. Кем тот был по национальности — оставалось тайной. Но по-русски говорил инструктор чисто и без акцента.

Ольга, кстати, тоже показывала хорошие результаты в этом виде подготовки.

На занятиях по радиоделу их учили работать на телеграфном ключе, принимать и передавать сообщения, собирать и ремонтировать передатчики. Отдельным предметом шли основы шифрования и дешифровки.

Ольга однажды, когда они приволоклись в свой домик, с тяжелым вздохом сказала:

— Никогда не думала, что быть шпионом так трудно!

Денис, не раздеваясь, повалился на свою койку и спросил:

— А как ты это представляла?

— Ну, погони, перестрелки, шикарные наряды, рестораны, балы, где нужно добывать информацию...

— Может быть, все это еще будет, — пробормотал Денис.

А за завтраком их огорошил Штефан, заявивший:

— Я понимаю, что вам очень трудно. Но еще великий полководец Суворов говорил: «Тяжело в учении — легко в бою!» Шикарные рестораны в жизни разведчика тоже случаются. И гораздо чаще, чем вы можете это себе представить.

Так они поняли, что их домик прослушивается, и перестали откровенничать друг с другом. Только на редких прогулках в окружающем центр лесу.

Как ни странно, но изматывающая учеба еще более сблизила их. Денис со страхом думал, что может настать день, когда начальству вздумается по какой-то служебной надобности разлучить их. И поклялся себе, что сделает все, чтобы этого не произошло.

Появлявшиеся поначалу мысли, что их все-таки готовят для работы против Советского Союза, быстро сошли на нет. Скорее, работать придется в одной из стран Латинской Америки. Если бы подразумевались США, то логично было бы включить в программу обучения хотя бы основы английского языка. А их не было, что втайне радовало Дениса. Еще и английский?! На фиг, на фиг!

А вот историю партии, основы марксизма-ленинизма им быстренько, в течение двух часов прочитал какой-то серенький, незаметный мужичок, и на этом все закончилось. Что тоже было непонятно.

Кстати, о незаметных. Те двое парней, которых они увидели в первый день в столовой, тоже проходили обучение в центре. Но чему их обучили и куда готовили, оставалось неизвестным. На прямой вопрос Ольги Штефан зло зыркнул на девушку и довольно грубо пробурчал:

— Вот уж не вашего ума дело! Помните о секретности?

Парни же никакого интереса к ним не проявляли, Тоже помнили о секретности.

Последние опасения развеялись, когда их заставили подписать обязательство работать на ино-

странный отдел НКВД. Очень не хотелось ставить подпись на каких-нибудь официальных бумагах, но пришлось...

Ольга оказалась очень неплохим стрелком. На занятия по этой дисциплине их вывозили все в том же закрытом грузовичке куда-то в песчаный карьер. И там учили обращаться со многими видами стрелкового оружия.

Приходилось палить стоя, с колена и лежа из советских, немецких, испанских, английских, бельгийских и черт знает еще каких пистолетов, винтовок, ручных пулеметов. Разок стрельнули из ручной пушки под названием «базука».

Сначала стреляли с определенной огневой позиции. А потом инструкторы (двое) заставили вести огонь в движении: на бегу, в прыжке, в падении, в кувырке. Ольгу почему-то это очень развлекало. Денис тоже стал достаточно хорошим стрелком. По крайней мере, на окружных соревнованиях он бы точно занял призовое место. Только вот где тот округ...

В обучении прошло порядочно времени, около трех месяцев. Наступила уже поздняя осень. В Москве сейчас наверняка идут холодные дожди, и с деревьев облетела вся листва. Здесь, на юге, ночами тоже стало холодать, но днем солнце светило все так же по-летнему.

Штефан объявил, что их ждут экзамены. Ольга тут же спросила:

— А что будет, если я их не сдам? Отчислите? Или...

— Или! — мрачно заявил Штефан. — Думаете, отшлепают по попке и к папочке отправят? Доку-

мент, который подписывали, помните? Вот из этого и исходите.

Нельзя сказать, чтобы слова эти так уж напугали Дениса. Ну не верил он, что с ними может произойти что-то очень плохое. Хотя, кто их знает.

Ольга тоже не испугалась. Но вот напоминание об отце ее расстроило. Она и так часто вспоминала его, беспокоилась, как он там? Приставала к Штефану, чтобы тот узнал о самочувствии пожилого графа, переслал ему письмо дочери.

Письмо тот, естественно, не взял, но однажды все-таки сообщил, что связывался с товарищами, те побывали на финке и проведали Рязанцева. Все оказалось в полном порядке, она может спокойно учиться и дальше.

Экзаменовать приехали в центр какие-то серьезные дядьки. Хотя знание языков проверяла все та же Мария. И чего ей было проверять? Она и так знала уровень своих подопечных. Так, форма.

Во время остальных проверок дядьки вопросов не задавали, делали какие-то пометки в блокнотах. По ощущениям Дениса, на стрельбище они отработали как надо. А в спортзале против них выпустили тех двух парней, что учились в центре параллельно.

Ольга своего противника завалила, что называется, на раз. Тут сказало не только ее умение, но и то, что паренек был несколько заторможен тем фактом, что против него выпустили хрупкую на вид девушку. Расслабился, ну и получил по полной, поскольку Ольга дралась, как настоящая пантера, и не дала ему ни малейшего шанса.

Денису пришлось попотеть, противник попался верткий и резкий. Спасла только холодная злость. После выступления подруги ему было просто стыдно проиграть. Он собрался, подловил парня на противоходе и с треском припечатал его к полу.

Ольга радостно засмеялась и захлопала в ладоши. Серьезные дядьки посмотрели на нее осуждающе. Но ничего не сказали.

Вечером в столовой они втроем со Штефаном отпраздновали сдачу экзаменов. Вина выставили аж две бутылки. Обычно полагалось по стакану на нос.

Парней за соседним столиком почему-то не было.

— Вот теперь вы почти настоящие разведчики, — сказал Штефан, когда выпили по первой.

— Почему «почти»? — тут же спросила Ольга.

— Потому что вам предстоит пройти еще одно испытание, самое серьезное.

— И какое же?

Но подробнее коминтерновец рассказывать не стал, добавил лишь:

— Узнаете в свое время. А завтра у вас свободный день, и есть предложение съездить в соседний город, развеяться.

Ольга очень обрадовалась. Да и Денису было интересно, как тут, во Франции, народ живет.

— Мы в Тулузу поедem? — спросил он и тут же прикусил язык.

Штефан удивленно и разгневанно уставился на него.

— Откуда вам известно местоположение центра? Надо было выкручиваться.

— Вы забываете, что я пилот, — стараясь придать своему голосу нотки укоризны, сказал он. — Я просто прикинул в самолете время полета и направление. Вот и решил, что в этом районе самый подходящий аэродром в Тулузе. Так я угадал?

— Прокол вышел, — сказал, ни к кому не обращаясь, Штефан. Потом уже Денису: — Недооценил я вас. Почти угадали. Но поедем мы не в Тулузу, как вы предположили, а в Монтобан. Городок поменьше, но тоже живописный. Можно будет даже сделать какие-нибудь покупки. Деньги вам выделят. Заодно и потренируете свой французский.

Ну, Монтобан, так Монтобан. Сойдет. Тем более, Денису, который во Франции вообще ни разу не бывал. Ольга тоже не стала огорчаться. Вырваться хоть на немного из центра — уже праздник.

ГЛАВА 20

Утром после завтрака Штефан подогнал к их домику на этот раз не ненавистную хлебозовку, а, хоть и невзрачный бежевого цвета, но легковой автомобиль.

— «Ситроен», — тоном знатока сказала Ольга. — Старенькая колымага!

— Почему это колымага? — обиделся Штефан. — Очень достойное авто! И бегаёт быстро!

— А комфорт? — продолжила капризничать девушка. — Сидения жесткие!

— Ну нет у нас «Испано-Сюизы»! — взбеленился Штефан. — Вот, все что имеется!

Ольга опечалилась.

— Как там моя машинка? Разграбили, наверное...

— В порядке ваше авто! — огрызнулся Штефан. — Отогнали на финку.

— Первая хорошая новость, — констатировала Ольга. — Кстати, вы почему такой нервный?

— Будешь с вами спокойным! Радоваться должны, что свободу получаете! А вы нос воротите.

— Вовсе нет, — хладнокровно парировала девушка. — Просто веду себя соответственно ситуации. Нас так учили.

И действительно, был у них такой предмет — быстрая адаптация в сложившихся обстоятельствах. Если проще — адекватная реакция на опасность. Правда, сейчас опасности никакой не было, но повела себя девушка достойно. Этакая избалованная фифа, а не закаленный боец. Вот Штефан и злился.

Сели, поехали. Впервые они могли оценить, как охраняется центр. Действительно, закрытая зона, колючая проволока на заборе, уходящем в лес. Наблюдательных вышек с пулеметами, разумеется, нет: страна мирная, не поймут. Но домик с охранником и шлагбаумом на въезде-выезде присутствует. Видимо, руководство считает, что этого достаточно. Ему виднее.

Со средней скоростью ехали около часа. Сначала по грунтовой дороге, потом выбрались на мощеную булыжником. Тут, конечно, немного потрясло. Рессоры у «Ситроена» были поганенькие.

А потом по старинному каменному мосту въехали в этот самый Монтобан. Очень оказался симпатичный городок. Чистый, ухоженный. И люди

на улицах какие-то благодные, довольные жизнью. Тут, почти рядом, за Пиренеями война во всю идет, а они прогуливаются не спеша, цветочки нюхают. Смотреть противно!

Денис так и шепнул Ольге на ушко, чтобы лишний раз не раздражать Штефана. Девушка глянула на него удивленно, потом, что-то поняв, ответила:

— А ты смотри на это с другой стороны. Хорошо ведь, что не везде война случилась! Где-то есть места, в которых людям не приходится постоянно думать о том, как далеко до ближайшего бомбоубежища, не бояться случайной пули или осколка. Они просто наслаждаются жизнью! А представь, Гитлер вместе с Франко окончательно встанут на ноги, укрепятся и всю эту красоту сметут к черту!

— Думаешь, большая война будет? — не поверил Денис.

— Тут и думать нечего! Обязательно будет! И здесь, в Европе, и по всему миру. Ладно, хватит об этом! Ты посмотри, какая красота!

— Штефан, — попросила Ольга. — Давайте оставим авто здесь и прогуляемся пешком. Из окошка ведь ничего не разглядишь как следует.

Коминтерновец покладисто притормозил у тротуара.

— Ну, давайте пройдемся.

Нарядами своими они ничем не отличались от обычных прохожих. Поэтому внимания на них никто не обращал. И без особенной цели они отправились осматривать город.

Здания здесь были старинные, сложенные из красного кирпича, на домах острроверхие крыши. Ольгу все это приводило в умиление, а Денис,

пережив первый приступ неприязни к местным жителям, посматривал по сторонам с любопытством, но без особенного восторга.

Ну, дома, ну, красивые, ну и что? Все равно это чужое и ему не нужное. С гораздо большим удовольствием он оказался бы сейчас в Москве, прошелся по Арбату, зашел на Красную площадь. Не скоро теперь это увидеть придется.

По случаю воскресного дня на одной из небольших площадей работал рынок. Продавали не только фрукты и овощи с окрестных ферм, но и кое-какую одежду и обувь. Ольге приглянулось бирюзовое платье, и Штефан великодушно оплатил покупку. Денису ничего не понравилось. Тряпками он еще не интересовался!

Вдоволь находившись по узким улочкам, они решили немного отдохнуть, где-нибудь посидеть. Было прохладно, но у некоторых кафе на улице еще были выставлены столики и за ними сидели люди.

— Кофе выпьем? — предложил Штефан.

— С пирожными! — поддержала Ольга. — Сто лет не ела пирожных!

Тут как раз на их пути попала такая точка общепита. И свободные столики имелись. Официанта ждать не пришлось. Мгновенно нарисовался молодой человек в белой курточке, склонился в полупоклоне:

— Что желаете?

Денис неприязненно покосился на него: «Лакей!»

Ольга же непринужденно стала выяснять, какие именно пирожные ей могут предложить. Фран-

цузский ее был безупречен. Официант принял заказ и испарился. Штефан посмотрел на девушку с уважением, потом поинтересовался у пилота:

— А вы что же молчите?

Ольга рассмеялась.

— Он, как и подобает солидному господину, молчит и делает значительное лицо. Не пристало ему такими мелочами заниматься!

Денис хотел было обидеться, но глянул в смеющиеся глаза подруги и передумал. Скорчил в ответ высокомерную гримасу. Теперь рассмеялся и Штефан.

Но тут же сделался серьезным. Сказал негромко:

— Так, первая проверка на вашу пригодность к работе. Незаметно определите внешнее наблюдение.

«Опять экзамен!» — подумал Денис. Основам их учили, но на практике, конечно, применять это умение не приходилось.

Так кто же за ними может вести слежку? Это определено не из числа тех, кто уже сидел за столиками до того, как они решили остановиться и выпить кофе. Кафе выбирала Ольга, значит, оказались они здесь случайно. Кто появился позже?

Он предполагал, что это будет кто-нибудь из знакомых по центру, хотя бы те же неприметные парни.

Но нет, ни одного похожего. Людей вокруг, конечно, много. Так ведь воскресенье, на работу никому не надо, прогуливаются, никуда не спеша, сидят за столиками кафе. На первый взгляд ничего подозрительного.

Так, а это кто? Какой-то вполне уважаемый господин, вроде бы увлеченно читающий газетку, но вместе с тем изредка поглядывающий в эту сторону. И еще двое, покуривающих вон там, на углу улочки, выходящей на площадь. Несколько крепких, накачанных ребят — на другой стороне площади.

Денис, поднеся чашечку к губам, сделал вид, что пьет кофе, а сам шепотом доложил Штефану о результатах наблюдений. И добавил:

— Ваши люди? Очередной экзамен?

Тот, продолжая улыбаться, ответил таким же шепотом:

— Это не наши. Никакого экзамена не предполагалось.

Ольга, как будто беззаботно рассмеявшись, спросила деловито?

— Что будем делать?

— Допиваем, расплачиваемся и неспеша двигаемся к автомобилю.

Так они и сделали. И всякие сомнения по поводу слежки исчезли. Потому что все, кого засек Денис, последовали за ними.

На ходу Штефан озабоченно пробормотал:

— Очень мне это не нравится. Неужели вышли на центр?

— Кто? — поинтересовался Денис.

— Кто угодно. Испанцы, немцы, местная контрразведка. Все равно плохо.

Со стороны их троица выглядела все такой же беззаботной компанией, которой дела нет ни до кого. Гуляют и гуляют.

«Хвосты» активности пока тоже не проявляли. Шли на приличном расстоянии, но из вида не выпускали.

Может быть, количество их даже увеличилось, но Денис старался не оглядываться, чтобы не дать понять преследователям, что они обнаружены.

— Я за руль, — сказал Штефан. — Вы сзади. Если что, оружие на дверцах, в карманах. Будем отрываться.

Становилось веселее. Если уж дело доходит до оружия...

В машине можно было разговаривать свободнее. Штефан скомандовал:

— Внимательно следите, кто за нами двинется, но головами не очень крутите. Мы пока беззаботная дичь, ни о чем не подозреваем.

И тронул авто с места.

Денис сунул руку в кармашек на дверце. Ого, родной «ТТ». Он его не видел со дня прибытия в центр. И запасная обойма имеется. Уже легче.

А Ольга из другого кармана извлекла свой «маузер». У них же в оружейке масса других стволов! Стреляли ведь на занятиях! Так с чего бы эти положили?

Но спрашивать об этом сейчас было не время. «Ситроен» опять проехал по мосту и выбрался за пределы города. И что, они поедут прямо в центр? Сомнительно.

Тем более, что вдаль показались идущие друг за другом два черных автомобиля.

— Ладно, — сказал Штефан, глянув в зеркало заднего вида. — Сейчас покрутимся.

И свернул с шоссе на какую-то грунтовую дорогу. Сразу за машиной потянулся пыльный шлейф.

Денис всмотрелся и смог различить, как черные преследователи, немного замешкавшись, повернули там же.

Теперь действительно все стало ясно. Их «вели», причем не особенно скрываясь.

— Похоже, это все-таки германцы, — сообщил Штефан. — Только они такие наглые. Остальные действуют тоньше.

Он вздохнул.

— Придется стрелять, ребята. Работать на уничтожение. Они нас щадить не станут.

Ольга капризно заявила:

— Как с вами встречаемся, так стрелять придется!

Денис удивленно глянул на нее, но сразу же понял, что такой незамысловатой шуткой девушка пытается снять свое внутреннее напряжение.

Очевидно, это понял и Штефан, потому что ответил тоже в шутовском тоне:

— Вот такая у меня особенность! Всю жизнь с ней мучаюсь.

Некоторое время они ехали, не сбавляя скорость, по этой грунтовке и вскоре достигли кромки леса. Дорога уходила дальше, но «Ситроен» резко свернул в какую-то прогалину и по еле заметной тропинке углубился в чащу.

Через сотню метров Штефан выключил мотор.

— Быстро наружу! И откатываем авто за кусты!

Пришлось поднапрячься, но втроем это удалось сделать достаточно быстро.

Коминтерновец продолжал негромко командовать:

— Теперь разошлись в разные стороны и затаились!

С десяток минут они, присев за деревьями, вслушивались в окружающую тишину. Впрочем, не так уж тут было и тихо.

Сначала Денис услышал чириканье какой-то птички, потом шум моторов. Двигатели стихли. В лес заезжать преследователи не стали. Теперь наверняка станут пробираться по нему пешком, пытаясь понять, куда делся «Ситроен». Вот и встретим.

Как-то не нравилась Денису сама идея этой перестрелки в лесу. Сиди в засаде, дожидайся, пока на тебя выйдет кто-то из противников. А если этот кто-то окажется хитрее и не станет ломиться, как раненый лось, через заросли, а потихоньку подкрадется сзади и спокойно пальнет тебе в затылок? Совсем не весело!

Нет, тут нужна другая тактика. И он, не поднимаясь с корточек, стал уходить в сторону по большой дуге, стараясь обойти противника с фланга.

Что ему, в конце концов, и удалось. За время перемещения в лесу не раздалось ни одного выстрела. Поиски продолжались.

А Денис вышел к той самой грунтовке. Метрах в ста от него стояли две черные машины. И около них наблюдался какой-то тип в шляпе и сером плаще. Преследователи, естественно, не могли оставить автомобили без присмотра. Оставалось выяснить, один ли там часовой, или есть еще кто-то.

На пути к цели кое-где пришлось ползти, скрываясь за кустами. Хорошо, что лес здесь был смешанный, а не сосновый, как вокруг центра. И растительность была достаточно густой, чтобы скрытно подобраться к стоявшему около крайнего авто типу.

Но наконец этот участок пути был преодолен. Денис замер, пытаясь понять, сколько человек охраняют машины. Но, похоже, этот тип в шляпе здесь был один. Он спокойно курил, прислушиваясь к тому, что происходило в лесу.

А там не происходило ничего. Не было слышно выстрелов, не хрустели даже сучки под ногами пробиравшихся там людей. Но вот птиц тоже не было слышно.

Похоже, Штефан выжидал, не открывая стрельбу первым. Может, надеялся, что все обойдется? Эти люди поищут, поищут, да и плюнут? Зря он на такой исход надеялся.

Денису были неизвестны методы германских спецслужб, но вряд ли они относились к своим обязанностям спустя рукава. Значит, будут искать беглецов изо всех сил. И найдут, можно не сомневаться. Если Денис не поломаёт их игру.

А именно это он и намеревался сделать. Прямо сейчас.

Убедившись наконец, что противник всего один, пилот подобрал короткий сучок и постарался швырнуть его как можно дальше. Тип в шляпе, услышав звук падения деревяшки, развернулся в ту сторону, всматриваясь в заросли. А Денис, воспользовавшись моментом, двумя короткими бесшумными прыжками пересек дорогу и присел за машиной.

Охранник сделал пару шагов в сторону, откуда послышался подозрительный звук. Но все было тихо, и он вернулся к машине. Достал новую сигарету, собрался прикурить.

Но Денис этого ему не позволил. Вынырнув из-за багажника, он резко ударил рукояткой пистолета чуть ниже затылка человека. Убить не убил, но вырубил основательно. На занятиях им показывали, куда нужно бить, чтобы обездвижить противника. Но в реальности он проделал это впервые.

Усмехнулся про себя: «Гляди-ка, получилось!» Шляпа упала в пыль, а тип без единого звука сполз по борту автомобиля. Вот и славно, одним меньше.

Веревки под рукой не было, поэтому Денис вытащил брючный ремень своей жертвы и стянул ей руки. Обыскал карманы. Так, бумажник с деньгами, отдельно какое-то удостоверение. Пригодится, забираем. Пистолет. Ух ты, «Люгер По8», он же «Парабеллум»! Значит, точно немцы на хвост сели. Эту стреляющую штучку тоже берем. Какой же мужчина откажется от такой красоты!

Теперь надо это бесчувственное тело прибрать, ни к чему ему светиться. Распахнув дверку ближайшего авто, Денис закинул туда тушку немца. В качестве кляпа использовал скомканный носовой платок. Надо же, какие простыни люди в карманах носят! Как раз подошел.

И что будем делать дальше? Пока обошлось без стрельбы. Но долго так продолжаться не будет. Надо выманивать этих гадов из леса. И бить их, как на стрельбище.

О том, что преследователи пока не сделали ему и его товарищам ничего плохого, пилот даже не задумывался. Он был на войне, и это были враги. Как были врагами тот немец, которого сбил он, и другой, который сбил его. Как были врагами те фалангисты, в которых он стрелял на пути в Барселону. Тут или ты, или тебя — иного не дано. Так лучше ведь, если ты? И нечего себе голову гуманными размышлениями захламлять!

Надо было выманить немцев из леса. И как это сделать, он уже придумал.

Открыв переднюю дверь автомобиля, он несколько раз нажал на клавишу клаксона. Над лесом понесся резкий, заполосный сигнал. А сам Денис, захлопнув дверь, отбежал в сторону и залег в кустах.

Немцы, услышав его, естественно, заволновались и послали одного из своих узнать, что там случилось.

Этого пилоту тоже удалось обезвредить без шума, подловив на выходе из леса. Прыгнул на него, сбил на землю и, как следует, приложил пистолетом по голове. Новый связанный пассажир занял место на заднем сидении второй черной машины. «Мерседесы» это были, что еще раз подтвердило немецкое происхождение противников.

И новый тревожный сигнал послышался со стороны дороги. Вот теперь уже немцы должны были вывалиться всем скопом.

Что они и сделали. А Денис, заняв удобную позицию, из трофейных «Парабеллумов» положил их всех. Пятерых.

Подождал немного, не покажется ли кто-нибудь еще, потом, держа оружие наизготовку, пошел искать своих.

Штефан чуть не пальнул в Дениса, появившегося перед ним неожиданно, но вовремя опознал.

— Что там случилось? — спросил он.

— Ничего особенного, — с деланным равнодушием пожал тот плечами. — Так, разобрался кое с кем. Пойдемте, покажу.

Сказать, что Штефан был в ужасе от увиденного, было бы нельзя. Коминтерновец просто застыл на месте. Еще бы: пять тел, валяющихся у обочины.

— И это вы все один? — наконец выдал он.

Денис даже усмехнулся.

— А что, вы видите кого-то еще?

— Но как?

— Очень просто.

И пилот продемонстрировал два трофейных «Парабеллума».

Ольга смотрела на своего любимого сияющими глазами. Вот странные существа эти женщины! Ей вроде бы полагается бледнеть и падать в обморок от вида трупов, а она восхищается. Да, что-то в ней сильно изменилось с того момента, как она подобрала неизвестного летчика, свалившегося с неба и лежавшего без сознания.

Да и в нем тоже. Мог бы он тогда представить, что способен хладнокровно пристрелить пятерых человек и не чувствовать при этом ни малейших угрызений совести? А теперь вот, пожалуйста...

Штефан не сразу вышел из ступора. И засуетился.

— Надо немедленно все убрать! И автомобили, и тела!

— Погодите, — остановил его Денис. — Там еще двое пленных.

Он кивнул на «Мерседесы».

— Их допросить, наверное, надо.

Штефан уже обрел былое хладнокровие.

— Закатим машины в лес, затащим туда же ваших убитых, потом пленными займемся.

«Надо же — ваших!» — покрутил головой Денис. «С чего это такое разделение?»

Формально, конечно, коминтерновец был прав. Немцев застрелил пилот. Но ведь дело-то у них общее?

Пришлось немного попотеть. Машины въехали в заросли своим ходом. А вот покойники этого сделать не смогли, и нужно было тащить их волоком, а потом еще и следы от волочения затирать.

Потом Штефан отправил Ольгу и Дениса за «Ситроеном», а сам собрался допрашивать пленных. Как понял пилот, занятие это грязное и малопривлекательное. Ну и ладно. Одно дело — стрелять в людей, и совсем другое — выпытывать у выживших какие-то сведения.

Автомобиль они нашли легко — сами же прятали. Но с выездом на дорогу решили не спешить. Надо было дать время Штефану.

Денис вспомнил о документах, которые взял у оглушенных им немцев. Посмотрим, кто же они такие.

Ну, как и предполагалось: Ханс Хааге, унтершарфюрер СД. Второй — Рольф Снипе, в том же звании. Об этой организации Денис не знал практически ничего. Не рассказывали им на политзанятиях о государственных структурах Германии. Зачем летчикам знать об этом?

Ну, главное, что они немцы и враги. Тем более, действовали на территории Франции, что уже незаконно. Лучше бы было, если бы с ними разбирались сами французы. Но уж как вышло. Охотились-то они за кем? Вот то-то.

С той стороны, где были укрыты «Мерседесы», слышались два сухих щелчка. Смотри-ка, не слабо оказалось Штефану...

— Садись, поехали, — сказал он Ольге. — Закончились наши дела.

И «Ситроен», завывая мотором, стал пробираться среди деревьев к выезду из леса. Ольга вела мастерски. Денис бы так не смог. Он и за рулем-то сидел всего один раз. Вот, кстати, прокол в их подготовке. Надо будет подсказать хоть тому же Штефану, чтобы Денису дали несколько уроков вождения. Мало ли что потребуется в процессе работы.

Коминтерновец ждал их на выезде. Денис передал ему документы пленных. Бывших пленных.

— Ах, вот они где! — воскликнул тот. — А я удивился, когда их обыскивал. Ну и хорошо.

Он обтер удостоверение носовым платком и зашвырнул их в кусты.

— Чтобы не осталось отпечатков пальцев, — объяснил он.

— Пистолеты можно оставить? — поинтересовался Денис.

— Зачем они вам? — удивился Штефан. — В центре есть такие, если понадобятся.

— Ну... красивые, удобные. И трофей все-таки.

— Не стоит связываться. Номера наверняка в каких-нибудь их личных делах. Если попадетесь

с этим оружием, смогут пробить и связать гибель хозяев с вами.

Пришлось и «Парабеллумы» отправить в лес, стерев с них отпечатки. Жалко было очень. Но ничего не поделаешь, следов оставлять нельзя.

ГЛАВА 21

До центра добрались без приключений. Обед они, конечно, пропустили. Теперь придется дожидаться ужина.

Штефан сразу куда-то умотал. На доклад к начальству отправился, не иначе. А Денис и Ольга сели на ступеньках перед своим домиком и стали просто молчать. Ольга даже обновку не примерила.

— Тебе не страшно было? — с тревогой спросила девушка.

— Когда «хвост» обнаружили, струхнул немного, — признался Денис. — А потом как-то не до того было. Даже когда этих гадов убивал. Вот совершенно спокойно это все сделал. А ты сильно боялась?

— Сильно. Но чувствовала, что ты рядом и бояться переставала. Ты молодец!

Она чмокнула его в щеку.

— Да уж, молодец, — неожиданно скривился он. — Кучу народа положил и глазом не моргнул!

— Не поняла! Ты что, жалеешь об этом?

— Нет, конечно, не жалею. Но... Непривычно это как-то. Может быть, даже неправильно. Не знаю, как это ощущение словами передать.

Ольга обняла его, прижалась.

— Диня, вот только не рефлексируй.

— Чего?

Ну, не знал он этого слова!

— Не расстраивайся! Не переживай! — постаралась объяснить девушка. — Ты же прекрасно знаешь, что это были враги! И они, даже не задумываясь, убили бы и тебя, и меня! Понимаешь — враги!

Она вздохнула и добавила задумчиво:

— И теперь у нас с тобой судьба такая будет — уничтожать врагов. Вот уж никогда бы даже представить такого не могла...

Помолчала немного и продолжила:

— Но знаешь — мне нравится! Конечно, я хотела бы вернуться к папе, на финку. Но что бы меня там ожидало?хлопоты ежедневные и не очень обременительные по дому. В перспективе какой-нибудь подходящий жених...

— Это какой еще жених? — напрягся Денис.

— Успокойся. Я же сказала — какой-нибудь! Теперь у меня есть ты, и никто больше мне не нужен. Не перебивай! А здесь все новое, необычное. Я начала чувствовать, что вот она — жизнь! Настоящая, полная!

— Жизнь! — хмыкнул Денис. — Меня через голову бросать и на стрельбище пули в «десятку» загонять!

— Балда ты! Это ведь только подготовка! А вот сегодня уже что-то настоящее было, то, к чему нас и готовили.

— Надеюсь, все же, что не каждый раз такое будет, — искренне признался Денис. — Не только пальба и драки. Но и что-нибудь приятное.

— Я точно знаю, что и такое будет. Не переживай.

— Откуда?

— Сердце подсказывает! — рассмеялась Ольга.

А потом прибежал какой-то человек из обслуживающего персонала и сообщил, что их требуют в штаб.

Он так и сказал: «штаб», хотя это слово никогда не произносилось на территории центра.

Тут вообще дисциплина присутствовала, но не совсем военная, так, наполовину. По крайней мере, строевым шагом не ходили и честь не отдавали. Это было странно, но не очень Дениса напрягало. Не орут командным голосом, не придираются — и ладно.

Под «штабом» подразумевался командирский домик, стоявший немного на отшибе. В нем Денису и Ольге бывать не приходилось. Ну, вызывают — значит, пойдем.

Денис первым поднялся по ступенькам, постучал в дверь. Ответа не последовало, но он все равно вошел. И сразу понял, почему ему не ответили. Тут был глухой тамбур перед следующей дверью. Пришлось стучать еще раз. Ольга хихикнула:

— Бункер какой-то!

Вот на этот раз отозвались:

— Войдите!

В большой комнате было темновато. Горела лишь одна настольная лампа, и лиц присутствовавших в сумерках было не разглядеть.

— Проходите, проходите! — сказал тот же голос. — Берите стулья и садитесь.

Легко сказать — берите! А где они, эти стулья? Но, если напрячь зрение, можно кое-что рассмотреть. Ага, вот один свободный стул, вот второй.

Он уселся, посмотрел в сторону стола. Рядом примостилась Ольга.

— Расскажите подробно о том, что сегодня произошло, — попросили из темноты.

Денис пожал плечами.

— С какого момента?

— С отъезда из лагеря, пожалуй.

Он несколько секунд помолчал, вспоминая, и начал рассказывать.

На моменте, когда стал подкрадываться к «Мерседесам», его перебили:

— Вот теперь очень подробно. Что подумали, как пришли к такому решению, как действовали.

Удивился, но рассказал и это. Получилось сухо-вато, как доклад, написанный на бумаге, без эмоций. А с какой стати ему душу раскрывать неизвестно перед кем?

И получил неожиданный вопрос:

— Вам их не жалко было?

Он даже опешил.

— Да с какой стати? Они враги и меня убили бы совершенно спокойно!

И вдруг понял, что произносит то, что ему только что говорила Ольга. Та, почувствовав его волнение, успокаивающим жестом положила ему ладонь на локоть. Осторожно выдохнул, постарался сосредоточиться.

— Не было другого выхода. Эти люди гнались за нами, были вооружены и явно готовы стрелять.

Почему я должен был это допустить? И, кстати, что это за вопрос? Вы кто?

В комнате присутствовал и Штефан. Из темного угла раздался его голос:

— Спокойнее, без нервов, пожалуйста! С вами говорят люди, уполномоченные на это, не враги.

— Ну, раз не враги, то зачем задавать такие вопросы? Меня проверяют, что ли?

— Это не проверка, товарищам нужно знать, как все произошло.

— Я все рассказал!

— Вот и хорошо. Ольга Александровна, вам есть что добавить?

— Нет, Денис изложил верно. Тем более, что видела я мало, вместе с вами в лесу пряталась.

— Спасибо, вы свободны.

Когда оказались снаружи, пилот фыркнул:

— Ну ты и выдала! «Изложил верно»!

Ольга рассмеялась.

— А чего они с дурацкими вопросами пристают? Сидят в темноте, инквизицию из себя изображают!

Опять Денис не понял слова.

— Кого изображают?

— Ох, и темный ты у меня! — покачала головой Ольга. — Это в средние века судьи такие были, ведьм искали. Кого найдут — на костер!

— Надеюсь, нас на костер не отправят, — пробормотал Денис. На слова подруги о его темноте он совсем не обиделся. Ну, есть пробелы в образовании, кто же отрицает? И вообще, обижаться на любимого человека — последнее дело.

— Я так понимаю, — сказала девушка, когда они возвращались к своему домику. — Сейчас наша судьба решается. Это приключение как-то все изменило. Похоже, и правда, обучение закончилось, а мы экзамен сдавали.

— Думаешь, это все специально подстроили? — встревожился Денис.

— Вряд ли. Немцы просто удачно подвернулись. Вот нам их за экзамен и засчитали. Но это я только предполагаю. А как на самом деле...

В этот день их больше не тревожили. Они сходили на ужин, выпив за ним по стакану вина. Потом посидели на ступеньках домика, разговаривая о пустяках, и отправились спать.

А вот на следующий день после завтрака опять появился посыльный и передал приказ явиться в штаб.

В этот раз никакой таинственности не было. Как и странных личностей. За столом сидел Штефан, перебирал бумажки. Поздоровался, указал на стулья.

— Могу вас порадовать. Комиссия сочла вашу подготовку удовлетворительной и решила, что вам пора приступить к серьезной работе.

Он замолчал. Денис и Ольга тоже молчали, ожидая продолжения.

— Ну, где же вопросы? — не выдержал Штефан.

— А чего суетиться? — безмятежным тоном сказала Ольга. — Сами все и сообщите.

— Молодцы! — похвалил коминтерновец. — Я в вас точно не ошибся! Ну, слушайте. Вам придется вернуться в Испанию.

— Домой? — радостно воскликнула Ольга.

— Не совсем. На запад страны.

— Но там же франкисты!

— Вот именно. И среди них вам предстоит действовать. Нужно будет найти одного человека, познакомиться к нему и убрать.

— То есть убить? — спросил Денис.

— Вот именно. Как вы это выполните — оставляю на ваше усмотрение. Но задание нужно выполнить любой ценой. Добавлю — кроме вашей смерти. Погибнуть вы не имеете права, потому что планы нашего руководства в отношении вас совершенно грандиозные. Какие — не имею права сейчас сказать.

Он помолчал, продолжил:

— Считайте, что это самая-самая последняя проверка. Справитесь — будете настоящими агентами, перед которыми откроется весь мир. Ну, а нет — ничего и не будет. Потому что не будет и вас.

— Не понял! Значит, если мы не справимся, вы нас уничтожите?

Штефан криво усмехнулся.

— Ну, почему же мы? Наши враги. Или вы сами. Задание смертельно опасное, попасть в руки противника никак нельзя. Поэтому вам выдадут ампулы с ядом. Если будет прямая угроза вашего пленения — используете их. Поверьте, это самый надежный выход, потому что под пытками заговорит любой человек, каким бы сильным он ни был.

Вот в этом Денис сильно сомневался, считая, что уж его-то никакие пытки не заставят заговорить. Но... Кто его знает, что могут применить враги в случае его провала. А уж если попадется Ольга...

Он взглянул на подругу. Девушка сидела, сцепив пальцы в замок, плотно сжав губы, и в упор смотрела на Штефана. Похоже, она только сейчас осознала, в какую западню они угодили.

— Мы должны подумать, — решительно сказал он. — И обсудить между собой.

— Понимаю, — кивнул Штефан. — Часа вам хватит? Потом жду здесь с готовым решением. Напомню только, что вариантов у вас не так много. В случае отрицательного ответа Ольга Александровна вернется домой и забудет все, как страшный сон. Вас же, Денис Игоревич, вернуть в часть мы не сможем. Останетесь на подхвате при центре. В дальнейшем что-нибудь придумаем не столь опасное. Устраивает? Идите и думайте!

К себе в домик они не вернулись, пошли гулять в рощице на территории. Показалось, что на воздухе им легче будет что-то решить.

Оба долго молчали, наконец, Денис сказал:

— Вот и хорошо. Вернешься к отцу, действительно забудешь все. Ну зачем тебе эта война?

Ольга остановилась, взяла его за отвороты куртки, повернула к себе.

— Ты что, совсем дурак? Не понял, что нам предложили?

— Как что? Поехать куда-то в Испанию, кого-то найти, убить...

— Я не о том! Что нам предложили, если мы откажемся?

— Мирную жизнь, что же еще?

— Ну, во-первых, я сомневаюсь, что нас так просто и отпустят. Вспомни те подписки, что мы давали! И ты думаешь, что после этого они скажут:

«Езжайте с Богом, ребятки! У нас к вам претензий нет!» и помашут вслед ручкой? Не те это люди!

Да даже если и так! Ты пойми: они предлагают нам расстаться! Совсем! Навсегда! И мы больше никогда не увидимся! Почувствуй это страшное слово: «Никогда»!

Вот только теперь Денис понял все. Если честно — что тут было понимать? В лучшем варианте их разлучат. Не стоит даже думать об этом, потому что этого не может быть.

В худшем — их просто уберут. Они стали носителями секретов. А таких не отпускают. Ольга правильно сказала — не те это люди. Подписку давали? Вот теперь не чирикайте, как уже было сказано!

И получается, выбора у них нет никакого. Штефан это прекрасно знал, поэтому и дал им время подумать. Точнее, понять безвыходность ситуации. И согласиться.

— Что, так спокойно примешь яд, если деваться будет некуда? — спросил он.

— Вместе с тобой? Да!

Ольга неожиданно хихикнула. Денис недоуменно глянул на нее.

— Ты что?

— Представила, какие будут рожи у тех, кто соберется нас захватить. Уже победа у них в руках, а мы раз — и ушли!

Да уж, необычная девушка ему досталась. Так думать о своей возможной смерти? Нет, у нее точно что-то с головой!

Об этом он, не стесняясь и высказался. Ольга погладила ладонью его по щеке.

— А ты как думал, любимый? И ты ведь такой же ненормальный! Иначе мы бы не встретились и не полюбили друг друга. И не попали бы в такую ситуацию!

— Так значит, что? Соглашаемся?

— У нас нет другого выхода, милый. Только дай еще немного погуляем. Кто знает, будет ли у нас еще такая возможность.

НАШ ГОСТЬ — ВЫДАЮЩИЙСЯ БАЛКАРСКИЙ ПОЭТ АСКЕР ДОДУЕВ

Аскер Тауканович Додуев родился в 1953 году в Казахстане.

Окончил физико-математический факультет Кабардино-Балкарского госуниверситета. Преподавал математику в школе, работал тренером-преподавателем по вольной борьбе в ДЮСШ КБР. Затем заведовал отделом поэзии литературно-художественного и общественно-политического журнала «Минги-Тау», был заместителем главного редактора ГТРК КБР, заведом отделом художественного вещания на балкарском языке государственного ТВ КБР. В 2007 году Правление Союза писателей КБР единогласно избрало главным редактором ГКУ журнала «Минги-Тау», где работает по настоящее время. Им создана новая рубрика «Братский очаг». Там печатаются антологии литературы народов Северного Кавказа. Выходят обменные номера журналов других республик и «Минги-Тау» (Калмыкия, Башкортостан и др.).

А. Т. Додуев — автор десяти поэтических сборников и множества телевизионных передач и телевизионных фильмов, а также он является автором проекта ТВ КБР «Венок дружбы». Ему присвоены почетные звания «Народный поэт КЧР», (2006 г. Черкесск), «Человек науки,

культуры, искусства тюркского мира (2014 г. Эскишехир, Турция), Почетный академик АМАН (Адыгская Международная Академия Наук, 2016 г. Нальчик).

Лауреат премий СЖ КБР (2004, 2005 г.), Правительств КБР (1998 г.), Четвёртого Международного литературно-музыкального фестиваля Дружбы народов «Белые журавли России» (Москва, 2014 г.).

НЕ ВИЖУ ДОРОГИ

1.

Мне теперь без труда не дается полет,
Потому не завидуй, когда я летаю...
Пусть голодный шакал стороною пройдет,
Пусть минует тебя страхов серая стая.

От того, что устали, отстали друзья,
Я не стану добычей лесного зверья.

Все до точки забудь, помни только одно:
Не указ мне холодный, расчетливый разум.
Если полночь поманит однажды на дно,
Я уйду, как солдат, повинуюсь приказу,

**АСКЕР
ДОДУЕВ**

Ведь заря далека, даль мутна и темна,
И мерцает вдали лишь надежда одна.

Поэзия

Я по горной тропе слишком быстро шагал,
Так бывает, когда не в ладу сам с собою,
И теперь я в теснине один между скал,
Полоненный своею забытой мечтою.

Обойти меня просто, но ты не спеши,
Впереди ни пути, ни огня, ни души.

Кто из нас не гордится своею тоской,
Словно путь к небесам нам
с рожденья заказан?

Каждый сам по себе и на ухо тугой,
От того и Всевышний к нам глух до намаза.

Дольше всех оставалась со мною печаль,
И ушла навсегда, но ее мне не жаль.

Моя свежая рана мешает идти,
Моя старая рана поныне опасна,
И в слепую полночь несется «Прости!»
Но, сказав это вслух, я слабею и гасну.

Горький хлеб я от жизни привык получать.
Чем он горше, тем слаще любить и прощать.

2.

Я летаю не так уж высоко,
Поднебесье мне не по плечу.
Но врагам не достанусь,
Как сокол...
И друзьям ближе быть не хочу.

Просыпаюсь по смутному зову,
Поднимаюсь в глухой тишине.
И дорогу ищу свою снова,
Но дорога не видится мне.

Не умел я расчетливо думать,
Просто шёл за мечтой напролом.
Сквозь туманный и призрачный сумрак
Унося её в сердце своём.

Путь в ночи не усыпан цветами.
И мы сами себе палачи.
Мы идём за своими мечтами
И теряемся в чёрной ночи.

Грусть и радость ко мне равнодушны.
Что-то главное я потерял.
Потому даже хлеб мой насущный
И с молитвой нерадостным стал.

Перевел А. Пряжников

ЧЕРЕД

Я, утомлённый, сел на камень,
Застыл в молчании святом,
Почувствовав родство с цветами,
Травой, дорогой.
Но потом
Услышал странный спор с тревогой —
Меж камнем,
Лесом и дорогой.

За непонятным этим спором
Мне странно было наблюдать,
Но силы не было вставать.
Следя за тайным разговором,
Я только голос камня слышал,
Как будто это голос свыше...

Я понял мудрость мироздания,
Есть в этом мире свой черёд.
Он не зависит от желанья.
Пускай хоть миг,
Хоть век пройдет...
Сегодня я сажу на камне,
А завтра всё наоборот.

Перевела Г. Гагарина

* * *

Не пугай меня адом и болью —
Путь туда я нашел среди скал.
Кто по воле, а кто — против воли,
Всяк из нас в тех краях побывал.

Жили б чище мы, кабы не знали
Про клокочущий ад ничего,
А теперь по нужде ли, со зла ли
Мы творим друг для друга его.

Но жалеет душа неустанно...
Плачь при свете, не дуй на свечу.
Мне откройся — открытую рану
Я быстрее и верней излечу.

Перевел А. Пряжников

ВОЛНА

Кто хочет плыть, тот к праотцам вернется:
Добраться до земли не хватит сил.
Вода со всех сторон, а сверху солнце,
И наш корабль в безветрии застыл.

Кто молится, кто молча строит планы,
Советчиков вокруг — хоть пруд пруди.
На ухо шепчут горе-капитану:
Мы сдюжим, дай лишь голоду пройти.

Чтоб ни случилось, знает только небо,
Бессмысленным советам — грош цена.

Путь к берегу, откуда б ветер не был,
Сама отыщет мудрая волна.

Перевел А. Пряжников

ВЕЧЕРОМ

З. Забакову

Однажды горизонт пылал закатом,
А я и не заметил на пути:
Так исчезала молодость куда-то,
Чтоб даже ночью в сон мой не прийти.

Но только сон, порой, бывает вещий,
А ночь бывает явственнее дня,
И я молчу вблизи красивых женщин —
Их чувствам больше не согреть меня.

В их твердом «нет» — величие покоя,
В их «да» — росток моей постыдной лжи...
Но стоит ли о кудрях нам с тобою,
Как о годах утраченных тужить?

Не жаль волос — предателей отныне,
Не жаль того, что исцелит вино,
Арбы, когда-то сломанной в долине,
Дождей, упавших озеру на дно.

Не жалко понапрасну время тратить,
Ведь горизонт — не означает край,
И он всегда пылает на закате
Светлее, чем заря, ты это знай.

Перевел А. Пряжников

* * *

Оделся перевал
В снега и хрупкий лед.
Над гибельной тропой
Свирепствует Борей.
Мой друг, посторонись.
Дай мне пройти вперед.
Я не могу глядеть
На слезы матерей.

Перевел Д. Толстоба

КОРШУН

У вершины, закованной льдом,
Коршун чертит по небу круги,
Здесь его родовое гнездо,
Здесь его не достанут враги.

Солнце — путник, бредущий пешком,
Лишь для тех, кто живет на земле,
А для коршуна в небе живом
Солнце — всадник, сидящий в седле.

Только голода в царстве снегов
Даже коршуну не одолеть,
И тогда завлекает его
Дно ущелья, где падаль и смерть.

Пропасть ныне ему выше гор,
Краше светом залитых громад,
И милей, чем небесный простор,
Мертвой плоти назойливый смрад.

Ныне коршун утробой пленен,
И, отвергнув небесную высь,
За добычею легкою он,
Как подстреленный, падает вниз.

Целый мир перед нами открыт,
Правда, есть упущенье одно:
Тех, чей разум утроба пленит,
Ожидает паденье и дно.

Перевел А. Пряжников

ИВА

Сметая растаявшим льдом берега,
От века течет по ущелью река,
И корни ломает весной на куски
Той иве, что жизнь провела у реки,

Но иву доверчивой создал Творец,
Не ведом ей скорый и близкий конец,
Не верит она, что живая волна,
Вспоившая с детства, быть может страшна.

Но речка давно превратилась с тех пор
В безумный поток с растревоженных гор.
Вода позабыла, кто враг ей, кто друг.
Крушит и смывает теперь все вокруг.

Конечно же, ты поняла по глазам,
Что старое дерево — это я сам.
Как ива на голых камнях, я один,
И век мой во власти растаявших льдин.

В реке мои корни однажды срослись,
В реке отражается вся моя жизнь
Здесь я получил в свой положенный срок,
Наверное, самый жестокий урок:

Нам крылья ломает на взлете лишь тот,
Кто сам эти крылья однажды дает.

Перевел А. Пряжников

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

В судный день, когда глыбы покатаются с гор
Не пеняй на людей, не противься судьбе,
Должен стать для себя ты опорой опор,
Потому что никто не поможет тебе.

Ветер северный ливень с собой принесет.
Есть примета у нас, а приметы не лгут,
Он, как глупость твоя, что стоит у ворот,
И откроет их настежь навстречу врагу.

Друга друг предает, наше время кляня,
Но мы бросили вызов недобрым летам.
Ты взлетала, крылами касаясь меня,
И негодная ложь не перечила нам.

Сколько б в марте не шел затяжной снегопад, —
Он не выбелит русло проворной реки.
В ней сама справедливость бежит наугад,
И волнами смывает дела и грехи.

Дай Аллах, пусть друзья мои будут всегда,
Пусть мой дом для гостей будет вечно открыт:

Если даже на миг застоится вода,
Тут же морем бескрайним себя возомнит.

Перевел А. Пряжников

РЕКА

Седая речка крутит жернова.
Кипит, бурлит вода ее живая,
Волной врываясь в память, размывая
Виденья, лица, образы, слова.

Два берега. Тут — счастье, там — беда.
Стремлюсь меж ними к чистому истоку,
Но нету сил противиться потоку, —
Он все быстрее несет меня туда,

Где в мутной пене тонут берега,
Где нет уже ни радости, ни горя,
Где вал за валом вольно катит море
И не видать ни друга, ни врага...

Перевел Д. Толстова

ВОДА И ЛЕД

Высыхает вода, уходя в небеса,
Чтобы воздухом стать, разве это ли смерть?!
А потом поутру выпадает роса,
И ручьи продолжают смеяться и петь.

Лед растаял весной, может быть, навсегда?!
Он под слезы сосуллек ушел, но потом

Наступила зима, и пришли холода,
И вода снова стала сияющим льдом...

Перевел А. Пряжников

ДРУГУ — ПОЭТУ

Забывать ли ищу,
Иль в пути умираю от жажды, —
Друг мой, книгу твою
Раскрываю с любовью тайком.
Строк тончайшим вином
Я бывал опьянен не однажды,
Утолен был не раз
Откровений твоих родником.
Друг мой, солнце взойдет
И без нас —
Так ведется в природе.
Но в напевах твоих
Животворный пылает огонь.
Не печалься, что пешим идешь,
Ибо там, где ты ходишь,
Там —
На тропах крутых —
Лишь помеха для путника
Конь.

Перевел Д. Толстоба

НОВЕЛЛЫ

ЛЕНА ПОШЛА

Это была самая пустяковая командировка. Приехать, встретить человека, поговорить с ним и назад. Напросился на неё я сам, чтобы хоть чуть развеять себя от бесконечной суеты и везде наступающих проблем.

До Братска долетел без каких-либо приключений, большую часть полёта проспал, чему был, честно говоря, очень рад. Следующий перелёт до нужного райцентра казался пустяковым, но это только казалось.

Но лететь предстояло нам на АН-2. Вообще-то, я не разбираюсь в типах самолётов, поэтому могу и ошибаться. В общем, это была «четырёхкрылая этажерка» с винтом, всем известная под именем «кукурузник». В салоне, если так можно назвать длинное цилиндрическое помещение с жёсткими сидениями по бокам, было холодно и неудобно.

Не буду мучить читателя описанием, а себя воспоминаниями о самом полёте. Скажу только,

**НИКОЛАЙ
АНАНЬЧЕНКО**

Проза

что от болтанки, мощного гула мотора и пронизывающего холода голова затуманилась, и какое-то время я с трудом воспринимал окружающее. Тем не менее удалось даже чуть подремать.

Возле небольшого домика, выполняющего роль местного аэропорта, в сизом полумраке наступающего утра, меня ждал водитель редакционного УАЗика, любезно предоставленного местными коллегами.

— Вам до Хребтовой? — Не здороваясь, то ли спросил, то ли пояснил коренастый, неулыбчивый шофёр. И это были единственные слова, которые я услышал от него. Впрочем, это было даже хорошо, потому как моё состояние, после такого экстремального перелёта не предрасполагало к разговорам. В голове гудело так, словно туда переместился мотор славного самолётника и рёвом своим разогнал все мои мысли и лишил возможности о чём-либо думать.

Был конец апреля. Большие проплешины в снежном покрове явно указывали на набирающую силу весну, но дорога пока держалась, не «поплыла» под жаркими лучами весеннего сибирского солнца. Потому и доехали быстро, хоть и не без тряски.

Высадив меня возле дирекции леспромхоза, водитель буркнул, что заедет к шести часам, быстро развернул машину и, как говорится, «дал по газам».

Первое, что поразило меня, так это тишина. Прямо-таки гнетущая и таинственная. Изредка её нарушали какие-то гулкие звуки, похожие на отдалённые взрывы. Кроме того, я был удивлён

полным отсутствием жизни в посёлке. Не только случайных прохожих не наблюдалось, но даже собачьего лая не слышалось. А уж это для сибирского поселения нечто из ряда вон....

Только я направился к дирекции, как раздался хлопок закрываемой двери. Я обернулся и увидел странного субъекта. Худощавый мужчина неопределённого возраста в распахнутом старом полушубке и в потёртой меховой шапке, криво одетой на буйную рыжую шевелюру, нетвёрдо, но стремительно спустился с крыльца на деревянный тротуар.

— Молодой человек! — обратился я к нему.

Субъект резко остановился, почти потеряв при этом равновесие, и ухватился одной рукой за штакетник невысокой ограды. Оглянувшись, он, после некоторых усилий, сфокусировал свой взгляд на мне, энергично тряхнул головой и произнёс:

— И чо!?

— Что это у вас так пусто? Куда весь народ подевался? Случилось что-то?

Покрутив головой и, очевидно, убедившись в моей правоте, собеседник вновь старательно сфокусировал взгляд на мне и задумался. Вдруг его лицо приняло по-детски радостное выражение и, ткнув несколько раз свободной рукой куда-то себе за спину, фигура изрекла:

— Такить..., эта.... Лена пошла!

Видать моя голова всё ещё туго соображала, потому что, почесав затылок, я задал показавшийся мне самым логичным вопрос:

— Куда пошла?

Может быть, для меня это и было логичным, но почему-то буквально сразило мужика. Он за-

скользил ногами по доскам тротуара и обязательно бы упал, не держись за штакетину. Потом, схватив себя за давно небритый подбородок, стал мучительно соображать.

В какую-то секунду на его лице опять появилось радостное выражение. Потыкав рукой в пространство, он ответил:

— Такить..., эта.... К океану пошла!

Теперь уже я схватился за подбородок, пытаюсь сообразить, что к чему. Но, видать, плохо это у меня получилось, поэтому и спросил:

— Пешком?

Мой консультант произвёл уже знакомую серию телодвижений и радостно ответил:

— Не-е-е! Вплывь.

— Да кто она такая ваша Лена? — Наконец нашёл я правильное продолжение диалога и получил правильный ответ:

— Такить..., эта.... Река она. — Он торжественно поднял свободную руку с вытянутым указательным пальцем и добавил: — Великая.

Я хлопнул себя по лбу. Это ж надо так опростоволоситься. Забыл, что на самом берегу Лены нахожусь. Желая исправить свою оплошность и показать, что разбираюсь в этом вопросе, с самым серьёзным видом спросил:

— И давно пошла?

На лице собеседника вновь появилось страдальческое выражение:

— Такить..., эта..., спал я. Мы ж с делянки как приехали, так и отмечаем. Ночью-то Лена застреляла, забабахала. Сразу сообразили: пойдёт с утра. Я придремал, а эти, ещё друзья называются, ушли,

не разбудили. Ну, ни чо... Я место знаю. Всё видно. Красота там — не передать.

Он внимательно осмотрел меня и спросил:

— Пойдёшь со мной?

— Конечно, пойду!

И мы пошли. Лёха, так звали моего проводника, путано объяснял, что пропустить момент, когда Лена пошла, никак нельзя. Ведь тогда весь год будет неудачным. Но мы успели, мы увидим, а значит, всё будет хорошо, всё сбудется.

Оказалось, что идти недалеко. Прошли два барака, перешли улицу и, свернув за угол, оказались на узкой тропинке. Та петляла между могучими кедрами, то поднимаясь, то опускаясь, но больше, всё-таки, шла вверх. И вскоре вывела нас на небольшую площадку перед крутым обрывом.

Редкие розоватые от рассветных солнечных лучей облака неподвижно висели над необъятными просторами и придавали пейзажу нереальный фантастический вид. Будто кто-то в «фотошопе» отретушировал картинку, придав краскам яркое неземное сияние.

Внизу, под обрывом, что-то невероятно огромное бесновалось, оживало, рвалось на волю. На реке — какое-то мифическое существо вырывалось из-под ледяной коры, ломая её, превращая в мелкое крошево и, как бы вздыхая, с шумом и грохотом ломала огромные льдины. Оно сталкивало их друг с другом, вытесняло на берега, где эти куски ледяного панциря оставались лежать жалкими осколками совсем недавно крепкой, несокрушимой брони. Казалось, вот сейчас, вот через секунду из глубины тёмных вод поднимется зверь невиданный, гигантский, вы-

тянется во всю длину свою и ужасающим рыком наполнит всё пространство.

Эта феерия неудержимой мощи завораживала, гипнотизировала, не позволяла оторвать взгляда от праздника пробуждения великой реки, возрождения новой жизни.

Лёха не мог устоять на месте. Он, то подпрыгивал, то делал какие-то пируэты и всё приговаривал:

— Пошла, пошла, родимая! Лена пошла! Вишь, во, как она пошла, попробуй, останови!

Чувства переполняли его, и Лёха захлопал в ладоши, и я с радостью присоединился к его аплодисментам.

Возвращались неторопливо. Я поддерживал своего провожатого под локоток, когда это было возможно, так как тропинка иногда совсем сужалась и идти приходилось по одному. Как же хорошо было на душе. Радостно так, что петь хотелось. Видно, часть выплеснувшейся энергии Лены влилась в нас и превратила обычное весеннее утро в незабываемый праздник.

Много лет прошло, но во мне всё живут те чувства, не забываются. И когда какое-либо дело начинается спориться, идёт на лад, я всегда шепчу:

— Лена пошла! Пошла, родимая!

ЭТОТ ХРУПКИЙ МИР

Мир, казавшийся таким надёжным, радостным и многоцветным, рухнул в несколько минут. Всё погрузилось в серые тона, звуки стали приглу-

шенными, многочисленные свадебные атрибуты, наполнявшие её комнату, казались чужими и неуместными.

Лена сидела на диване, безотрывно глядя в одну точку, и её мысли постоянно возвращались к только что полученному известию. Пять минут назад с экрана телевизора в её жизнь ворвалась беда — диктор спокойным, хорошо поставленным голосом прочитала:

— Как нам сообщили, сегодня утром на одном из склонов Приэльбрусья сошла лавина. По данным службы спасения, в это время на этом склоне находилась группа альпинистов из Санкт-Петербурга. Связи с группой пока нет. Группа состоит из шести человек. Это опытные спортсмены, имеющие за плечами не одно сложное восхождение. Спасательные службы немедленно начали поисково-спасательную операцию. Мы будем постоянно держать наших зрителей в курсе происходящих событий.

Вот и всё. Вот и закончился этот мальчишник. То, что это была группа Вадима, Лена не сомневалась ни секунды. Она не один раз ходила этим маршрутом и именно там познакомилась с Вадиком, свадьба с которым должна состояться через два дня.

Как она не хотела отпускать своего жениха в эту поездку! Но разве его остановишь! Его друзья пришли все вместе и целый час убеждали её, что это совершенно безопасно, что маршрут хожен-перехожен, что это всё равно, что прогуляться по Невскому.

«Это будет наш предсвадебный мальчишник. Не идти же нам в баню или в какую-нибудь забега-

ловку», — обняв её за плечи, убеждал Вадим. И она уступила. А разве можно не уступить этому неунывающему, всегда улыбчивому парню, от спортивной фигуры которого так и веет уверенностью и надёжностью.

А память услужливо высветила эпизоды их знакомства. Он был руководителем группы. Лена сразу обратила на него внимание, наверное, как и все девушки. Вадим всегда был центром любой компании. Балагурство ему очень шло. Вокруг витала аура доброжелательности и жизнерадостности. В начале они обменялись какими-то шутками и занялись снаряжением к предстоящему походу. Но, очевидно, Вадим выделил Лену из остальных, потому что, подсев к ней, стал помогать в подгонке рюкзака, проверил обувь и вскользь поинтересовался, может ли он рассчитывать на встречу в Питере.

Лена тогда отшутилась — мол, «будет день — будет пища», а Вадим кивнул головой и пообещал, что пища обязательно будет, он её добудет.

— Лена! Лена! — раздался голос матери из гостиной, — Иди скорей, «Новости» начинаются.

Новости начались сообщением о лавине.

— В горах Приэльбрусья продолжают поисково-спасательные работы. Спасатели прочесывают весь маршрут, но пока никаких известий о пропавшей группе нет. Наш корреспондент встретился с руководителем спасательной операции Асланом Кабоевым.

На экране появился хорошо знакомый Эльбрус. Затем изображение переместилось, и в кадре увидели Аслана. Его обветренное лицо с крупными

резкими чертами было, как всегда, невозмутимо. Лена невольно улыбнулась. Сколько вечеров провели они вместе. Вадим пел песни, все подпевали ему, лишь Аслан всегда слушал молча.

— Такие хорошие песни, зачем я их портить буду своим немзыкальным голосом, — со смущённой улыбкой отшучивался он.

Аслан должен был прилететь на свадьбу вместе с ребятами. Вадим даже купил ему в подарок ледоруб и хотел вручить на свадьбе со словами: «Чтобы быстрее и надёжнее спасал нас». И вот теперь Аслан поёживается перед камерой, пытается найти убедительные слова, мол, всё будет хорошо, что поиски только начались, а обученные собаки не пройдут мимо попавших в снежный плен людей.

— Руководитель группы Вадим Новиков, альпинист опытный и не раз выбирался из самых сложных ситуаций. Мы уверены, что и в этот раз всё закончится благополучно.

Набравшие слёзы размыли изображение и Лена, всхлипнув, убежала к себе в комнату.

Она лежала на диване и вспоминала тот первый их совместный поход.

Они удачно провели ночёвку и возвращались на базу очень довольные походом и собой. Но в тот день им было не суждено закончить своё путешествие. Одна из девушек подвернула ногу и не могла идти самостоятельно. Можно было бы нести её на руках, но группа была преимущественно женская, да и боль вскоре должна была пройти, и Вадим принял решение о дополнительной ночёвке. Потом, уже на базе, он сказал Лене, что такое решение принял, чтобы продлить их встречу.

Вадик отошёл от маршрута и нашёл очень удобное место для ночёвки. Над скалой нависал многотонный козырёк, и под ним можно было не бояться ни ветра, ни дождя. Туда-то и отвёл группу руководитель.

Вечер прошёл под пение бардовских песен у костра, а Вадим рассказывал истории из его многочисленных горных путешествий. К утру нога пострадавшей болеть перестала, и группа благополучно пришла на базу.

Да... Вадим всегда находил выход из проблемных ситуаций. Всегда... А сейчас...? Лена прекрасно знала, что такое лавина, как опасен её сход. «Но ведь выбирались же из них люди. Много примеров есть. Он придумает что-нибудь. Должен придумать! Я уверена, ведь я же его знаю!».

Она ещё раз представила тот маршрут, по которому шла группа Вадима. Никаких неожиданностей, никаких сложностей. Каждая тропинка, каждый камень там знакомы. Вот и каменный козырёк, что приютил их в тот давний поход, тоже нашёл Вадик. Он всегда находит... Стоп!! Козырёк! Он выручил их в прошлый раз, может спасти и сейчас!

Лена вскочила с дивана и схватила телефон.

— Аслан! — кричала она в трубку, — Там козырёк есть. Они там! Я знаю. Туда надо идти!

— Подожди Лена. Успокойся. Давай спокойно и подробно. Что за козырёк?. Где он?

— Асланчик, милый, — тараторила Лена, — Мы там ночёвку делали. Помнишь, два года назад Вадим запросил дополнительную ночёвку. Тогда девушка ногу подвернула. Вадим и нашёл это ме-

сто. Это метров двести, ну, может триста от маршрута. При спуске оно слева. Вадим наверняка вспомнил о нём. Они вполне успевали добежать до него. Там скала большая, помнишь? А от неё козырёк отходит. Под ним и две группы могут разместиться. Они там, Аслан. Я это точно знаю. Туда идите.

— Хорошо Лена. Я понял. Сейчас проверим. Я позвоню тебе. Нет, лучше Вадим сам тебе позвонит. Не волнуйся. Всё будет нормально. Жди.

Телефон отключился, и Лена вновь легла на диван, но лежать не могла. Встала, подошла к окну, а видела не двор, а горы, тот склон, покрытый свежей снежной коркой и людей...

Она до мелочей представила себе всю картину: вот цепочка альпинистов, беззаботно спускающихся по знакомой тропе. Вот Вадим что-то почувствовал. Остановился. Смотрит на вершину. Машет рукой в сторону чернеющей невдалеке скалы. Сбрасывает рюкзак. По его примеру и остальные освобождаются от снаряжения и бегут к скале. Бегут изо всех сил, потому что сверху, сопровождая своё движение мощным гулом, мчится смерть в виде завихряющегося облака лавины. Она сметает со своего пути всё. Лишь могучие древние скалы могут выдержать её натиск. И люди бегут к такой скале, ища у неё помощи и спасения.

Время. Как же медленно ползёт оно, когда ждёшь, когда надеешься, что вот-вот раздастся долгожданный звонок. Он будет радостным, Лена верила в это.

Измученная тревожным ожиданием, она в который раз перебирала фотографии их совместных

горных походов, бесцельно ходила по комнатам, переставляла с места на место привычные вещи.

Звонок раздался лишь через три часа. Его голос, такой родной, такой знакомый был, как всегда, весел.

— Здравствуй, любимая. Ты уж прости за задержку. Ишь, какая неувязочка вышла. Но я ребятам сразу сказал: Лена Аслану подскажет. Ты же умница, я ни минуты не сомневался, что ты догадаешься где мы укрылись. Всё обошлось. Ни у кого даже царапины нет. Кроме меня — Аслан так меня обнимал, что, кажется, пару рёбер сломал. Так что ты ему выговор сделай, когда прилетим. Ну-ну, перестань всхлипывать. Ты же героическая девушка, к тому же наша спасительница. Всё. Целую и жду завтра в Пулково.

А потом, после паузы:

— Ленка! Как же я тебя люблю!

Потом была радостная суета, встреча в Пулково, объятия, поцелуи... И мир вновь стал радостным и многоцветным. Но где-то глубоко внутри поселился холодок беспокойства — оказывается, он такой хрупкий, такой переменчивый...

НОВОЕ ИМЯ

ПЕРСТЕНЬ

Весной в садах благоухал левкой.
Морская даль притягивала взоры...
С тобою часто, потеряв покой,
Встречала я рубиновые зори.

А как-то раз, на берегу морском,
Где волны, пенясь, клокотали в буйстве,
Ты перстень мне с рубиновым глазком
Надел на палец и признался в чувстве.

Его носить не стану напоказ.
Подарок экзотического юга
Подальше спрячу от недобрых глаз,
Как мудрая и верная подруга.

Ведь для меня его дороже нет:
Когда тоска лишит меня покоя —
Подарит он рубиновый рассвет
И аромат цветущего левкой.

* * *

Был так пленителен твой взор!
От счастья пела я.
Но мой нечаянный укор,
И — пропасть целая!

Я на тебя через окно
Смотрю растерянно...

**СУСАННА
БАГРАМЯН**

Поэзия

Могло быть счастье, но оно
Уже потеряно.

Судьбы немислимый виток —
Соль под ресницами...
Остался радости глоток
В любви,
что снится мне.

В СТЕПНОМ РАЗДОЛЬЕ

Дни погожие лучатся.
В степи светлые глядишь, —
Тучно нивы колосятся,
Над водой шумит камыш.

Хорошо в степном раздолье,
Дышат зрелостью поля.
Сердце радует до боли
Благодатная земля.

К ней приковано вниманье,
К ней — кормилице родной,
С нетерпением комбайны
Ждут работы полевой.

Выйдут дружно они в поле
В дни уборочной страды...
Пахнет хлебом Ставрополье —
Уголок
 родной
 страны.

НА СЦЕНЕ — ВИКТОР ФОМЕНКО!

В 2023 году исполняется двадцать лет с того момента, как ушел из жизни народный артист РСФСР, Почётный гражданин города Ставрополя, первый председатель Ставропольского краевого фонда культуры Виктор Григорьевич Фоменко. Впрочем, не в регалиях и званиях дело, хотя как одно, так и другое в большинстве случаев человек получает не просто так: их надо заслужить. И в Ставропольском краевом академическом театре драмы имени М. Ю. Лермонтова, где Фоменко прослужил сорок лет, и в самом крае память о талантливом артисте сохранилась. Во время Великой Отечественной войны Виктор Григорьевич участвовал в работе фронтовой бригады театра — то же участие в борьбе с фашистами, что на поле боя, только другими методами. Всего за сорок лет сценической деятельности он сыграл более 200 ролей.

**ТАМАРА
ДРУЖИНИНА**

*Легенды
ставропольской
культуры*

...Случилось так, что в своих домашних архивах однажды обнаружила записи, связанные с жизнью и работой артиста. Прочитав нигде не опубликованные интервью и заметки, поняла, как много не было сказано о большом актере, театре и о времени, в котором В. Г. Фоменко жил и работал.

БЕЗ ПРАВА НА ТЕАТР

В этих документах много того, что очень важно помнить моим современникам, особенно молодым. В третьем тысячелетии, которое мы обживаем вот уже двадцать лет «как», участились атаки на искусство, традиционные ценности. И особо изощренная, ползучая война, запущенная миллиардером Соросом в лихих «девяностых», по сей день продолжается на российском поле культуры. Эту сферу, не спрашивая, а правильное сказать, пренебрегши мнением народа, руководители «перестройки», без единого выстрела сдали на милость Запада с его «демократическими» ценностями. С тех самых пор культуру и искусство в России пытаются низвести до сферы обслуживания. Кому это надо и зачем — понятно. Ведь именно искусство мистическим образом способно обозначать самые главные риски и ценности в жизни. Как во времени, так и в пространстве России. Не только дня сегодняшнего, но и завтрашнего.

Трудно поверить, но именно об этих опасностях мы говорили с Виктором Григорьевичем в конце девяностых, в пору моего самого дорогого периода журналистской работы на Ставропольской студии

телевидения. Именно тогда Фоменко в числе группы других артистов ставропольского театра драмы вынужден был покинуть свой второй ДОМ — театр. Как и плеяда талантливых актеров: народный артист СССР М. П. Кузнецов, народный артист РСФСР Б. Н. Данильченко, заслуженные артисты РСФСР Б. В. Дымченко, А. К. Бокова и не менее яркие — по непонятной причине оставшиеся без званий — Т. Г. Беспрозванная, кавалер ордена Трудового Красного Знамени З. В. Котельникова...

Виктор Григорьевич был растерян, если не сказать больше — потерян. Всем им, едва перешагнувшим пенсионный порог, но так и не ставшим стариками, было предложено уйти «на заслуженный отдых». Ум, честь, совесть театра тихо, без скандалов покинули его. Произошедшего не понял никто: ни оставшиеся актеры, ни зрители, ни мы — журналисты. Лишь сейчас прояснилось: лучших и самых опытных убрали не случайно. Их взгляды, как и жизненная позиция, плохо согласовывались с новыми планами культурных и творческих организаций работать на развлекаловку, легкое, желательно «съедобное» «варево» для непритворного и не очень образованного зрителя. Скажу сразу: наш театр, хоть и не минула его чаша сия, умудрился-таки удержаться на лезвии бритвы. Официально негласное требование, спущенное «сверху», было выполнено: «Старики» исчезли, но глубокие спектакли появлялись, хоть и нечасто...

Чем это было для артистов-непротивленцев, беззаветно любивших сцену? Конечно, ударом. Для многих — смертельным. Фоменко ушел из жизни

в 2003 году. За ним достойно и нешумно последовали остальные.

Во имя справедливости стоит сказать, что подобные вещи происходили в стране повсеместно. Не только с артистами, но и с представителями науки, образования, в принципе, — с последним поколением советской интеллигенции. Убирали тех, кто не привык «за плату» вилять хвостом перед новыми хозяевами жизни, где нравственные ценности менялись на «соровские», долларовые. Сама была свидетелем, когда без объяснений уволили не пенсионеров, а просто неудобных преподавателей факультета журналистики СГУ, специалистов высокого класса с профильным образованием, полученным в московских и ленинградских (ныне питерских) вузах.

...Никогда не забуду свой последний визит к чете Фоменко: Виктору и Тамаре. Все стены в их уютной «двушке» были завешены картинами художников, в том числе, наших ставропольских: с ними Виктор Григорьевич по жизни был дружен. Конечно же, он скучал по театру, встретив, как мог, уходил от больной темы: водил меня по домашнему вернисажу, с теплом рассказывал о друзьях, которые его не забывают. И все-таки о театре мы поговорили.

Первой не выдержала я. В упор спросила, бывает ли он там, следит ли за репертуаром. Неожиданно Виктор Григорьевич воодушевился. Рассказал о том, что помогает в работе региональному отделению СТД РФ. К этому делу его привлек коллега, председатель Ставропольского РО Союза театральных деятелей России В. М. Аллахвердов, а его заместитель Любовь Заводнова по собственной

инициативе и общему согласию настояла, чтобы полагающуюся ей ставку передали Виктору Григорьевичу. Поручили ему вплотную заняться проблемами больных и неустроенных артистов, нуждающихся в помощи.

Конечно же, заговорили о репертуаре. Со времени постановки спектакля «Порог» белорусского автора Алексея Дударева в репертуар не вошел ни один современный спектакль. По этому поводу чуток посетовала. И тут — куда только делось спокойствие моего собеседника.

— Как, а наш «Банкрот», разве не современный спектакль? Весь Александр Николаевич Островский, если смотреть на проблемы, которые он затрагивает, ультрасовременен, — горячился он. Спорить я не собиралась.

ПОДНОЖКА ЗА ПОДНОЖКУ

«Свои люди — сочтемся» в постановке режиссера В. Константинова был одним из последних спектаклей, где в главной роли блистал В. Г. Фоменко.

— Что стало основой «Банкрота»? Проблема «человек и деньги», так? А кто еще из классиков тоньше и драматичнее разрабатывал эту тему?! Если за деньги человек готов продать совесть, честь, душу, Родину, он перестает им быть. Знаете, когда мы работали над спектаклем, практически освободились от примет времени написания пьесы и от архаичной формы. У него появилось не только свое название, но и ритм, стилистика, пластика. Потом некоторые мне говорили: мол, это — не по-Островскому, это не Островский...

Формально, может, и так. Но, по сути — более, чем Островский!

Вспоминаю первые эпизоды спектакля. Зима. На сцене щегольски разрисованные дрожки, куда с осторожностью укладывают-усаживают подвыпившего купца Самсона Силыча Большова. Движения обслуги вкрадчивые и бережно-многозначительные. Стараются, — разве что сапоги барину не целуют. И когда минутой позже Большов вдруг встанет во весь рост, то по сравнению с окружающими его «людишками» покажется великаном. Такой вот огромный, в исподней рубахе, лакированных сапогах и собольей шубе он надолго воцарится на сцене. Но внешнее величие «всенародно» уважаемого в городе купца в исполнении Фоменко далеко не самое главное в характере его героя.

Внимательный зритель уловил — Большов не бесчинствует, а ему подчиняются, бровью поведет или замолчит, а слуги уже трепещут — столько силы было в прямом тяжелом взгляде, столько несокрушимого характера — в манере говорить. Сила Большова — внутренняя, давящая, проистекающая от привычки всегда и во всем быть хозяином жизни.

Уже в программке спектакля угадывался характер представления. В «Оригинальной комедии в двух частях» не было ни размеренной жизни знатной семьи, ни картин сочного купеческого быта. О принадлежности героев к определенному времени напоминали разве что костюмы героев, и то значительно осовремененные. Режиссер-постановщик намеренно подчеркивал вневременной характер спектакля, его современность и своевременность.

Из хаоса звуков рождался хаос вещей. Словно в подсобке магазина, на сцене валялись мешки-мешочки, сундуки и бочки в соседстве с невесть откуда взявшимися бархатно-позолоченными креслами — прообраз торгового дома купца Большова и одновременно прообраз мира людей, живущих для богатого сундука и во имя его пополнения. Каждый, казалось бы, сугубо прагматический предмет был «говорящим». Как весы в виньетках, на них во время заключения сделок взвешивали все «за» и «против». В момент сватовства Подхалюзина чинно прошлись по сцене приказчики — у каждого в руке по гвоздике, и тихо опустили цветки на чаши весов. Или вот еще — кто-то вытащил из-под складского скарба иконку, и, поплевав на образ, по-хозяйски протер его рукавом. Так плевали здесь на добродетель, совесть и веру, вытаскивая эти понятия из-под хлама слов.

Весь спектакль был задуман как одна большая сделка, которая распадалась на несколько мелких, где каждый стремился отхватить себе кус пожирнее. Борьба за него — пружина, расправляясь, она придавала действию страсть и динамику. Роскошь оставаться самим собой мог позволить себе лишь хозяин положения купец Большов. В ощущении своей незыблемости Самсон Силыч лишь однажды позволит себе слабость сделать ставку не на расчет, а на доверие.

«Устал», — признался он однажды, и одним махом отписал будущему зятю Подхалюзину все свое имущество. Знай наших! На мелочи Большов не разменивался. Всю жизнь он молился единственному идолу — золотому тельцу: копил, нажи-

вал. Властный, жесткий, никого и ничего, кроме наличия капитала не признававший, — таким был герой В. Г. Фоменко в начале спектакля. Но вот финал. В сермяге, с жалким узелком в руке, растерянный, обманутый и обобранный до нитки родными людьми, он, кажется, даже в росте уменьшился. В глазах, удивленно распахнутых, боль и надежда. Бывший Большов обреченно опустил на колени: «Коли так не даете денег, так Христа ради подайте!». Этот момент настолько же пронзительный, насколько неожиданный. Момент истины? Вдруг среди игры и ёрничества возникло живое чувство.

Казалось бы, порок в лице купца Большова наказан. Его путь — в Сибирь в кандалах да с сумой на плечах. Но почему вдруг становилось до боли жаль несчастного? Да потому, что большая беда обнажила в жертве обиженного и растоптанного человека! В этом спектакле актер вышел на сцену одним, а ушел другим. Прожита жизнь, судьба, в сущности пустая и бесплодная... И это не могло не волновать. Вслед за прозревшим «слепым» ты понимал, что это есть такое — проигранная в погоне за «жирным куском» жизнь!

Я всего лишь рассказала о старом спектакле, в котором 36 лет назад играл любимый актер Виктор Фоменко. Нужна ли моим современникам эта память? Хочу надеяться, — да! Разве в этой нашей с вами современной жизни много осталось того, что не продается? И разве не появилось еще больше содружеств, строящихся на пресловутом принципе «ты — мне, я — тебе», где услуга за услугу правомочны в той же мере, что «подножка за подножку».

ЖИЗНЬ КАК ОТКРЫТИЕ

Иногда с интересом смотришь спектакли, прожившие на сцене двух — трехлетнюю жизнь (срок для провинциального театра вполне приличный); не скажу, что всегда при этом радостно. Видишь, например, как актер начинает играть со зрителем в поддавки. Иной раз и сорвет аплодисменты, но спектакль при этом теряет что-то важное — стройность замысла, композиции, строгость живой мысли. Фоменко умел держать роль годами. Может, от того, что никогда не бывал до конца удовлетворен сделанным. Привык выносить себе оценку по самой высшей шкале требовательности, т. е. по всей строгости.

Вспоминаю, как однажды во время беседы он спросил:

— Вы знаете, что такое профессиональные сны актеров? Это когда засыпаешь и видишь, будто открывается занавес, а ты стоишь столбом и не можешь вспомнить ни одного слова роли. Или, скажем, выходишь из-за кулис завитой, а оказывается, идет другой спектакль. Хорошо, когда сон короткий. А еще — сны про театр бывают жуткие, с продолжением; тогда встаешь утром весь разбитый, измученный. Смешного в этом откровении грош, но о своих снах Фоменко рассказывал так красочно и до того заразительно при этом хохотал, что невольно весельем прониклась и я сама. У актеров — сны про театр; добросовестным журналистам и корректорам снятся кошмары про ошибки, прошедшие в газете. Водителям — что отказали тормоза! Страхи выползают

из глубин подсознания к обезоруженным мастерам только во сне.

Лишь однажды страх взял верх над артистом, вышедшим на сцену, в реальной жизни. Случилось это аккурат во время дебюта. Шел спектакль «Русские люди» по пьесе К. Симонова. Это было в 1944 году, когда подходила к концу Великая Отечественная война. Помещение театра не отапливалось, но зрительный зал был заполнен до отказа. А Фоменко в это время обливался холодным потом. В каске и солдатской гимнастерке он чувствовал себя несчастным и потерянным. Его тогда почти вытолкнули на сцену. По ходу действия юный артист должен был сопровождать пленного фашиста. Ударили в глаза софиты, и он почти физически ощутил, как тысячеглазый зал недобро воззрился на него. Виктор с тоской чувствовал, как пот заливает глаза, а каска неумолимо сползает на лоб. Надо бы её поправить. Но как? В руках оружие, а режиссер до этого грозно предупредил — никаких лишних движений! Кто знает, чем бы все закончилось, если бы не отрезвляющая мысль, которая вдруг, словно лезвие ножа блеснула в голове: «Вот я стою на сцене, трясусь, а они (зрители), небось думают, что это я от страха перед фашистом одеревенел». Разом придя в себя, Виктор поправил каску, крепче сжал автомат и приосанился.

В театре считается, что именно первый выход делает актера. Видимо, в этом есть доля истины. Полученный в самом начале пути урок помог Виктору понять важную вещь: на сцене ты имеешь право жить лишь жизнью своего героя. Отрешившись от своего, сиюминутного, быть готовым ощутить

чужую боль, как собственную. Такому отношению к работе его учили артисты старой школы Евгений Николаевич Писарев, Мария Николаевна Елисева, Борис Григорьевич Кеворков, которые в годы Великой Отечественной войны играли на сцене Ставропольского драматического театра.

Учеба в организованной при театре студии стала для Фоменко школой, в которой практика и теория слились так плотно, что невозможно было понять, где заканчивалось одно и начиналось другое. Театр заполнил всю его жизнь. Днем занятия, репетиции, а вечером работа. Порой в одном спектакле приходилось играть сразу несколько ролей — только успевай менять грим: «клеиться» да «переклеиваться». Это были первые уроки актерской школы.

В АКТЕРЫ ИЗ МОЛОТОБОЙЦЕВ

В годы военной юности многое пришлось перепробовать Виктору Фоменко: был молотобойцем, дороги мостил, потом на заводе работал. Наверное, так в рабочих бы и остался, если бы... Артист на всю жизнь запомнил, как однажды к нему подошел невысокий мужчина в клетчатом пиджаке и спросил, не хочет ли он поучаствовать в театральной массовке. Объяснил, что в Ставропольской драме ставится новый спектакль, мужчин не хватает, все на фронте. «А ты встанешь, и — будто два человека на сцене», — польстил незнакомец, явно намекая на природные данные молодого человека. Виктор уже тогда был не по-юношески крепким. Высок, широк в плечах, силен... За каждый выход в массовке давали два рубля. Деньги небольшие, но ка-

кой-никакой, а доход. Вот так пришел, да и остался в театре на всю жизнь наш земляк Виктор Григорьевич Фоменко.

— Вы знаете, что для актера самое страшное? — спросил меня однажды Виктор Григорьевич. К такому вопросу готова не была, поэтому начала перебирать: нечестность, лицемерие, бесхарактерность...

— Все эти качества неприятные, но, по-моему, самое страшное — это испытание успехом. Со времени учебы в театральной студии запомнился мне один случай. Был парень, друг. Вместе на занятиях и после них. Во время учебы он как-то сразу и хорошо «пошел». Успех у публики, успех у девушек... Но я вдруг стал замечать, что на репетиции он стал приходить навеселе. А когда кто-то на собрании попробовал покритиковать его, стал кричать, что, мол, знаю, почему лезете ко мне, просто зажимаете молодых, завидуете... Я видел, он был искренне убежден, что прав, и тогда я с ужасом подумал, а ведь мой «талантливый» друг не слышит никого, кроме себя, полностью утратил способность реагировать на других. По-дружески я попробовал было с ним объяснить. Бесполезно! Хороший, способный актер так и ушел из театра. А я с тех пор больше всего боюсь потерять способность слышать окружающих, находить в даже самой жесткой критике рациональное зерно, так необходимое для движения вперед.

Нелегким оказался актерский труд — каждый день, словно экзамен, зато именно в театре он понял, как в трудные, голодно-холодные годы войны людям нужно искусство. На всю жизнь остались

в памяти поездки со спектаклями на фронт. Позже в одной из своих газетных заметок Виктор Григорьевич рассказывал: «Еще не замолкли отдаленные глухие взрывы, еще не успел воздух очиститься от едкой пороховой гари, висевшей над Ригой, а бойцы танкового соединения, только вышедшего из боя, готовились к встрече с артистами. Фронтная бригада нашего театра приехала к воинам со спектаклем по пьесе А. Н. Островского «Последняя жертва». Под импровизированную сцену приспособляли ведра, ящики, бочки. Зрители размещались прямо на танках... Когда спектакль закончился, танкисты долго не отпускали нас. А на прощание мы услышали: «Спасибо, братки. Дали заряд. Завтра мы веселее пойдем на Запад... В единстве поисков, устремлении артистов и зрителей рождается подлинное искусство — эмоциональное, идейное, правдивое... Пусть любой вид искусства, и театр в том числе, не могут переделать мир, но оно может сделать благороднее и чище душу человека, прибавить доброты в сердце. Это для театра основная задача, мы отдаем себе в этом отчет, стремимся достойно воплотить на сцене художественные образы своих героев, говорить во весь голос о проблемах, которые ставит жизнь. И когда это удастся, в зрительном зале не остается равнодушных».

Человек по натуре ясный и открытый, Фоменко любил играть своих современников. По-особому дорогой для него стала роль Сергея Тюленина в спектакле по роману советского писателя Александра Фадеева. Напомню, речь идет о молодёжной подпольной организации, действовавшей

во время Великой Отечественной войны в Краснодоне. В спектаклях о войне приходилось ему изображать не только наших солдат, но и фашистов, предателей. Имея за плечами школу театральной студии и актерскую практику, Виктор понимал, что в такой работе внешнего правдоподобия мало, необходимо показывать психологию, характер врага. На занятиях говорили: «жизнь человеческого духа». Но что поделать, если «дух» негодяя, предателя или подлеца был ему абсолютно чужд.

ТО СЕРДЦЕ НЕ НАУЧИТСЯ ЛЮБИТЬ...

Театр готовил спектакль о героической жизни чекистки Ксении Ге «Это было в Кисловодске» по пьесе нашего земляка писателя Петра Мелибеева. Фоменко предстояло сыграть в нем одну из центральных ролей — мародера матроса Бобрика.

Нет для актера ничего страшнее, чем оказаться беспомощным перед ролью. А у него во время репетиций то и дело возникало именно такое чувство. Невесть какая сила тогда погнала его на улицу, в толпу. Фоменко всматривался в лица людей, вслушивался в их слова, ловил жесты. Приходил на рынок и долго наблюдал за тем, как подрагивали пальцы у мужичка, норовившего обвешать покупателя. Как цепко и хитро залучал к себе покупателей рыночный торговец рядом. Здесь же однажды он увидел строгого мужчину с красной повязкой на рукаве. Подметив малейший непорядок, явный ему одному, тот подходил к прилавку, назывался представителем общественного контроля и требовал от продавца уплаты штрафа. Потом

с серьезным видом вытаскивал квитанции и... Реакция у «нарушителей» была одна. От квитанции, словно от ядовитой змеи, отмахивались. Тогда «представитель» власти рвал в воздухе — Виктор видел это четко — абсолютно чистый бланк и шел дальше.

Впрочем, уже на следующий день липовый контролер не появился. Мелкий жулик довольно быстро попался в руки милиции. Благодаря тем наблюдениям, для Виктора будто тайная дверца приоткрылась. Он понял простую вещь: СТРАХ — вот что лежит в основе действий таких отщепенцев, как его Бобрик. У одного — страх свернулся внутри клубочком-червячком, у другого разлился по всем членам, и от этого в каждом движении — паника. Ведь даже тот «контролер» смертельно боялся. От этого и вышагивал так деревянно, смотрел так неприступно. Именно под страхом люди воруют, подличают, лгут!

В спектакле ставропольцев мародер Бобрик — сама неприступность. В тельняшке и с красным бантом на груди он по-хозяйски расхаживал по рынку. А когда останавливался рядом с продавцом, очи его сверкали праведным гневом. С криком «Мародеры!» он изымал у спекулянтов кур, гусей, другую живность и, воровато оглядываясь, уносил товар домой.

...Перебирая архивы, однажды я наткнулась на пожелтевшую газетную вырезку с откликом на тот спектакль. «Хочется отметить талантливого молодого актера, сыгравшего матроса Бобрика, — писал автор. — В его исполнении это одновременно жестокий, наглый и трусливый негодяй, готовый

в своих низменных интересах продать всё и вся. У зрителей он вызывает то отвращение, то страх, то презрительную жалость. Это был не только успех актера, его художественная удача, но и достойная победа над собой и своими слабостями. В лице своего героя Фоменко заставил зал ненавидеть подлость, трусость, жестокость так сильно, как ненавидел все это сам. Как уверен: должен возмутиться против таких вещей весь зрительный зал. Поистине, «То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть».

Умение остро подметить в жизни типичное, характерное, отобрать перед работой над ролью нужные детали, вжиться в образ, каким бы далеким по складу характера ни казался герой, — это тот фундамент, на котором всю жизнь строил свою работу актер. Без этого не могло быть ни резкого и справедливого Макара Нагульнова из шолоховской «Поднятой целины», столь же горячего, сколь и страстно ищущего правду жизни, ни инженера Забелина из «Кремлевских курантов».

«Работа в театре убедила меня: актер — он художник-творец, но актер подчинен режиссеру, а режиссер в своем творчестве — собственным интересам, а также жизни и времени. Вот автор пишет пьесу, режиссер ставит её. Подумайте, если в этом звене произошел сбой, — затея лопнула, все здание рухнуло. Артист, хочет он того или нет, — всегда подчинен закону построения целого. Смыслом этого целого, его идеей необходимо проникнуться. И, конечно, артист должен быть гражданином, политиком», — размышлял Виктор Григорьевич.

Эти слова, будто для нас, сегодняшних, сказаны. Снова идет война. Но какая-то она малопонятная. В сороковых-роковых, невзирая на опасности и безденежье, государство находило возможности, и театры ехали на фронт к героически сражающимся в Прибалтике советским бойцам. А сегодня попавшие под мобилизацию парни не сотнями, а тысячами бросились в бега от СВК в ту же Литву, Латвию, Казахстан, Грузию... Театры и рады бы выехать к нашим героическим «ребятам», храбрым бойцам, со своими духоподъемными спектаклями. Но они давно не имеют гастрольной практики, как это было до перестройки, как и денег на выезды.

В ОТВЕТЕ ЗА МИР НА ПЛАНЕТЕ

Не по учебнику знал народный артист РСФСР Виктор Фоменко, что такое война. Мальчишкой пережил голод и бомбежки. Мать одна поднимала его и сестру. Фоменко из поколения тех, кто понимал, что значит для русского человека Родина. Наверное, поэтому так сильно волновали зрителей созданные им образы героев Великой Отечественной войны. Как тут не вспомнить роль ученого Бармина из спектакля по пьесе известного советского драматурга Виктора Лаврентьева «Человек и глобус». Прототипом героя послужил Игорь Васильевич Курчатов, которого до сих пор называют отцом-создателем первой в мире атомной бомбы. Трижды Герой Социалистического Труда, Лауреат Ленинской и четырёх Сталинских премий, академик, доктор физико-математических наук, профессор; он же стал и основателем, первым директором

Института атомной энергии. Роль по-настоящему драматична. Бармин работает над созданием нового страшного оружия. Как показать на сцене такого человека и не скатиться при этом на риторику, пафос?! Как совместить высоту идеи, которую несет в себе образ и «негромкое» человеческое обаяние, щедрость, широту души героя? Эти мысли преследовали артиста неотступно. И по ходу отсекались одна, другая, третья версии.

— Вот скажите, что делает добрый и отзывчивый человек, оказавшийся в центре острых бытовых коллизий? Как-то откликается на них, да? Бармин добр, отзывчив. Но вся сила его разума и интеллекта заточены на одно — поиск решения проблемы общемировой значимости. В мыслях о судьбах мира он в то же время сознательно отгорожен от мира, от друзей и родных. Вот ОНО!

Именно в этой точке артист стал искать ключ к пониманию поступков своего героя. Фоменко играл Бармина-Курчатова мягким и сердечным, а в работе одержимым. Его герой остро сознает личную ответственность не только за судьбу родины — но планеты; за жизни миллионов людей. Отсюда сосредоточенность. Образ ученого драматичен — силы ума и сердца Бармин отдает на создание, что бы там ни говорили, — самого страшного по своей разрушительности оружия. Все ли поймут правильно?

В исполнении Фоменко образ героя оптимистичен. Грозное оружие нужно стране, уже вынесшей на своих плечах ужас самой кровавой в истории человечества Великой Отечественной войны. Вывод, к которому подводит зрителей спектакль, одно-

значен. Как не может быть науки ради науки, так и нет науки вне тревожных ветров эпохи.

Рассказывая об этой работе, вспоминаю слова известного театрального режиссера Евгения Вахтангова, который утверждал, что актер не в меньшей степени, чем режиссер, сам должен быть режиссером роли.

Во время репетиций спектакля постановщик и главный режиссер заслуженный деятель искусств и народный артист РСФСР С. М. Рейнгольд никак не мог найти достойного решения финальной сцены спектакля, когда работа Бармина наконец-то завершается успехом. Как выразить радость, ликование соратников, занимавшихся вместе с ним делом общемировой значимости?! Пробовали и так, и эдак... Всё не то! Как-то в руки Фоменко попала книга К. А. Гладкова «Атом от А до Я». Внимание Виктора Григорьевича привлек один эпизод. После успешного решения научной проблемы, над которой ученый работал много лет, он начинает танцевать. Вот оно! Эта мысль будто кипятком окатила! А почему бы и нам не использовать такой прием?! Фоменко немедленно стал звонить режиссеру.

И вот он, финал спектакля. Когда весть о победных результатах испытаний облетела соратников Бармина, они, всё еще не до конца осознавая значимость минуты, интуитивно потянулись один к другому. Крепко обхватив друг друга руками, плечом к плечу соратники начинают танцевать. Так, наверное, когда-то танцевали мужчины-горцы: молча, истово, страстно! И в такт этим движениям в зале стали хлопать зрители. Это было незабываемо! Настоящее единение зала и сцены! Во Всесоюз-

ном конкурсе на лучшее сценическое произведение спектакль «Человек и глобус» был удостоен премии коллегии Министерства культуры СССР.

ДВА В ОДНОМ

Во время нашего общения Виктор Григорьевич не раз брал в руки простую школьную тетрадку, в которой были перечислены все его роли. В Ставропольском театре драмы он отработал более сорока лет и сотни имен сыгранных героев. Практически все листки оказались заполненными.

— Какие роли самые дорогие? — Виктор Григорьевич улыбнулся. — Знаете, это все равно, что выбирать любимого ребенка. Наверное, те, что до сих пор тревожат. О них я думаю и размышляю. И, конечно, последние, в числе которых спектакль по пьесе Сергея Найденова «Дети Ванюшина».

Вначале несколько слов об авторе. Найдёнов — псевдоним писателя Сергея Александровича Алексева, выросшего в купеческой среде и хорошо знавшего быт этого сословия. Персонажи его произведения многим отличаются от обитателей Замоскворечья в пьесах Островского (в чем Найденова частенько обвиняли). Это не самодуры и богачи-тяжеловесы типа Самсона Силыча Большова, а люди, способные задумываться над нравственными проблемами. Главный герой пьесы — человек, проживший большую жизнь и размышляющий о судьбах своих детей. Во всем человек строгий и бескомпромиссный, он искренне заботился о них, но, к сожалению, так и не добился ответного чувства.

По моим воспоминаниям у спектакля «Дети Ванюшина» была своя особенность. Такое случается очень редко, но при подготовке этой работы решили сразу, что два актера, два больших мастера по очереди будут играть главную роль. В одном составе роль Ванюшина исполнял народный артист СССР М. П. Кузнецов (кстати, первый исполнитель роли В. И. Ленина в советском кино) во втором — В. Г. Фоменко. А когда работа была вынесена на суд зрителей, стало ясно, что, по сути дела, получились два разных спектакля. Одна из рецензий так и называлась «Два спектакля». Михаил Прокопьевич Кузнецов играл роль эмоционально, ярко, жизненно. Его трагедия — боль человека, однажды прозревшего и понявшего моральное уродство своих детей. Ощувив всю тщетность усилий найти взаимопонимание с повзрослевшими детьми, он приходит в ужас: оказывается, жизнь прожита зря. Без доброты, участия, сострадания друг к другу она бессмысленна. Именно это открытие убивает героя Кузнецова — по-своему цельного и неглупого человека.

Ванюшин в исполнении Фоменко — внешне крепок и уверен в себе. Он, владелец двух магазинов и член городской управы, — человек жесткий, волевой; поистине хозяин жизни. Его Ванюшин не позволяет себе слабости. Но чем дальше, тем неотступнее в нем созревает ощущение личного жизненного краха. Подспудно, неявно рождается сомнение в правильности выбранного пути. Однажды его Ванюшин делает цепь открытий, от которых, что называется, голова разламывается. «Прозрения» о себе касаются не только личной

неправедности Ванюшина, но и вообще жизни, окружающей его среды. Внутренний разлад, переживаемый героем — это, прежде всего, социальный разлад, который уготован всему купеческому классу, к коему он себя причисляет; к устоям жизни, что породили Ванюшиных.

Лучше всего о разности трактовок сказала после выхода спектакля актриса Т. Г. Беспрованная, исполнявшая роль жены главного героя.

— Когда я играла с Кузнецовым, и Ванюшин кончал жизнь самоубийством, я ощущала трагедию, ведь моя героиня лишилась мужа, друга, а с Фоменко — обиду, потому что исчезла опора и стала уходить почва из-под ног.

Каждая из трактовок имела право на существование. Первая вносила в спектакль высокую трагическую ноту, вторая придавала спектаклю острое социальное звучание. При этом, в зависимости от разности трактовок, между персонажами спектакля происходило как бы перераспределение притяжений и отталкиваний.

УМЕНИЕ ЗАДУМАТЬСЯ

Найти ключ к роли необходимо, но, пожалуй, еще важнее ощущение своего места в спектакле. Дело это очень нелегкое. Порой случается так, что выигрышная яркая роль как бы начинает вести за собой не только самого актера, но и весь актерский состав. И тогда... Всего лишь раз нечто подобное произошло с Виктором Григорьевичем. Но запомнилось надолго!

В комедии «Цилиндр» по пьесе Эдуардо де Филиппо» Фоменко исполнил центральную роль

Атилио. Что это был за характер! Его герой — богач, миллионер, но с каким чувством достоинства! Атилио знал, что в шкале жизненных ценностей нет богатства большего, чем любовь, нет радости светлее, чем — всё отдать за счастье любить! Он бросал тысячи к ногам любимой женщины. И готов был отдать миллионы, потому что полюбил женщину всей душой. Это был вовсе не жалкий похотливый старикашка (как это задумано автором), а зрелый, любящий мужчина, полный ума, жизни, обаяния. Получилось так, что стихийно возникший любовно-романтический план как бы вступил в конфликт с социальной сатирой на буржуазное общество, которой и отличается творчество итальянского драматурга.

Помнится, в своих размышлениях по поводу спектакля засомневалась в необходимости подобной трактовки. Знаю, Виктор Григорьевич остро переживал критику, которую слышал и от других. Однако через время в газете, выпущенной театром к открытию нового театрального сезона, прочла его заметку по поводу работы в «Цилиндре». Виктор Григорьевич не просто соглашался с замечаниями, а всерьез размышлял о большой теме — необходимости самокритичного отношения актера к своему делу. И как объяснение, там была простая мысль: «Я пробую, ошибаюсь, ищу — значит, живу!».

Об этом случае, может и не стоило бы вспоминать, если бы не одно «НО». Согласитесь, даже в общении с близкими, родными людьми нам порой очень непросто признать собственную неправоту. А здесь речь идет о публичном выступлении авторитетного человека, любимого ставропольца-

ми артиста. Не знаю, как кому, а мне кажется, что сам факт признания личности со столь высоким статусом своей ошибки дорогого стоит. Для этого нужно иметь немалое мужество и честность.

БЫЛО СВЕТЛЫМ ПРОЩАНИЕ

Мое последнее воспоминание о большом артисте и замечательном человеке тесно связано с домашней галереей Виктора Григорьевича. Уже попрощавшись с гостеприимными хозяевами, я снова притормозила в прихожей. «Как все-таки хороши эти пейзажи и акварели — светлые, прозрачные... Будто воспоминания... А эта девушка с грустным и каким-то далеким взглядом, кто она? Виктор Григорьевич будто ждал вопроса.

— Это наша «Мона Лиза». А вот окраинная улочка, залитая розовым вечерним маревом. Это моё детство... Вы знаете, за что я люблю живопись? Она помогает мне в работе. В моей коллекции разные художники, разные темы и взгляды на жизнь. И в каждой, кроме внешней, есть глубокая внутренняя красота. Артист на сцене может просто молчать, но так, будто уже сказал залу самое потаенное. Так же и в живописи. Вот картина. Видите, какие контрастные краски?! Их всего две: темным закрашен угол деревенского дома, а светлым — вьюга. Зима. Ведь это сколько можно рассказать про неё красками, а здесь ни одной лишней детали. Так и у нас, артистов. Готовя роль, надо отсечь всё лишнее. А отсечь порой гораздо труднее, чем что-то изобрести. Отсекаешь, будто по-живому. Но только в этом случае факты могут превратиться в фактор творчества.

«ТЕНЬ ПЕЧОРИНА ДОГОНЯЕТ МЕНЯ...»

Через шесть лет после выхода в свет романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» на Кавказ приехал русский литератор Яков Петрович Полонский, известный более как поэт. Его первое стихотворение было напечатано в сентябрьской книжке журнала «Отечественные записки» за 1840 год, который издавал А. А. Краевский. В каждой книжке журнала насчитывалось восемь отделов: «Современная хроника России», «Науки», «Словесность», «Художества», «Домоводство, сельское хозяйство и промышленность вообще», «Критика», «Современная библиографическая хроника», «Смесь».

Однажды Полонский, как обычно, зашёл на Охотном ряду в кофейню Бажанова, хозяин которой выписывал из Петербурга несколько разных журналов для посетителей. Кофейня Бажанова была любимым местом встреч московских

**НИКОЛАЙ
БЛОХИН**

*Литературо-
ведение*

литераторов, актёров. В эту кофейню захаживали актёры Михаил Щепкин, Пров Садовский, автор водевилей Дмитрий Ленский и другие известные служители Мельпомены.

Яков заказал чашку кофе и принялся листать свежий номер «Отечественных записок». В разделе «Словесность» на 225 странице он увидел своё стихотворение «Священный благовест торжественно звучит...»:

Священный благовест торжественно звучит —
Во храмах фимиам, — во храмах песнопенье;
Молиться я хочу, — но тяжкое сомненье
Святые помыслы души моей мрачит.

И верю я — и вновь не смею верить,
Боюсь довериться чарующей мечте,
Перед самим собой боюсь я лицемерить,
Рассудок бедный мой блуждает в пустоте;

И эту пустоту ничто не озаряет,
Дыханьем бурь мой светоч погашен,
Бездонный мрак на вопль не отвечает,
А жизнь — жизнь тянется как непонятный сон.

Полонский не верил своим глазам и несколько раз перечитал стихотворение. Перечитывая его, Яков не узнавал свои собственные строки. Напечатанное типографским способом стихотворение стало каким-то другим. Позднее, литературоведы XX столетия отмечали, что своим первым опубликованным стихотворением Полонский заявил о себе как оригинальный поэт.

В 1841 году журнал «Москвитянин» опубликовал стихотворение Полонского «Арарат». Но не оно принесло ему известность. В том же «Москвитянине» Полонский напечатал стихотворение «Солнце и Месяц»:

И взмолилось Солнце брату.
«Брат мой, Месяц золотой,
Ты зажги фонарь — и ночью
Обойди ты край земной».

И начнёт рассказ свой Месяц,
Кто и как себя ведёт.
Если ночь была спокойна,
Солнце весело взойдёт.
(«Солнце и Месяц»)

Студент Московского университета Николай Щепкин, сын известного в России актёра Михаила Щепкина, прочитав это и другие стихотворения Полонского, предложил Якову издать сборник. Деньги на его издание друзья поэта собрали по подписке.

И в 1844 году вышла в свет первая книга стихотворений Якова Полонского «Гаммы», получившая доброжелательную оценку литературного критика Петра Кудрявцева из журнала «Отечественные записки». «Похвальный отзыв о моих «Гаммах» появился на столбцах журнала «Отечественные записки», — вспоминал спустя годы Полонский. — Это был журнал передовой и влиятельный... Для меня самого было чем-то вроде ошеломляющей неожиданности это громкое

признание моего поэтического таланта. В глубине души своей я почувствовал то же самое, что чувствует бедняк, который узнал, что на лотерейный билет свой выиграл целое состояние. И немало хорошего, но немало и дурного посеяло это в душе моей. Во всяком случае, этот отзыв упрочивал за мною место, которое никто не может выбрать по своей собственной прихоти и на которое наталкивает нас только природа или нечто нам врождённое, нам с детства присущее».

В сборник «Гаммы» Полонский включил тридцать два стихотворения. Среди них «Узник», «Зимний путь», «Встреча», «Кумир», «Диамея», «Лунный свет», «Посмотри — какая мгла...», «Ночь в горах Шотландии», «Уже над ельником из-за вершин колючих...», «Из Корана» и другие.

И хотя в стихотворениях этого сборника заметно влияние Лермонтова, отмечали специалисты, в некоторых из них, таких, как «Встреча», «Зимний путь», прорывался и собственный голос Полонского. Позднее в этом жанре Яков напишет романс «Песня цыганки» («Мой костёр в тумане светит...»), который станет шедевром лирики поэта.

На выход сборника стихотворений «Гаммы» обратили внимание В. Г. Белинский, Н. В. Гоголь, В. А. Жуковский, Л. С. Пушкин, А. А. Фет, П. Я. Чаадаев, Н. М. Языков.

Л. С. Пушкин подарил Якову портфель, принадлежавший его брату А. С. Пушкину. Н. В. Гоголь переписал в свою тетрадь стихотворение Полонского «Пришли и стали тени ночи...»

Н. М. Языков в письме Н. В. Гоголю от 14 декабря 1844 года сообщал: «Я послал к тебе и «Стихотворения» Хомякова и «Гаммы» Полонского. Полонский — малый с талантом; жаль только, что у него направление новомодное, отчаянное, но это, вероятно, пройдет с годами». Так в России родился новый поэт.

Родина Якова Полонского — Рязань. Поэт родился в этом городе 6 (18) декабря 1819 года, в семье бедного чиновника. Отец поэта Пётр Григорьевич Полонский родом из дворян, титулярный советник. Служил в губернской провиантской комиссии. Мать поэта Наталья Яковлевна Полонская всю свою короткую жизнь посвятила семье, мужу, детям. Яков был старшим ребёнком в семье. В семь лет он умел читать и писать.

В 1838 году, после окончания Рязанской гимназии, Яков поступил на юридический факультет Московского университета, в котором проучился пять лет. В студенческие годы он познакомился с поэтами Аполлоном Григорьевым и Афанасием Фетом.

После успешной сдачи экзаменов за курс университета Аполлон Григорьев заведовал университетской библиотекой, постоянным читателем которой был Яков Полонский. Через Григорьева он познакомился с историком, профессором Т. Грановским, философом П. Чаадаевым, писателем И. Тургеневым.

После окончания университета Полонский некоторое время жил в Одессе. Назначение на Кавказ Полонский получил в 1846 году. Было ему от роду 27 лет.

К месту службы в Тифлис Полонский отправился пароходом из Одессы в Керчь. Переправившись через пролив, далее проехал на перекладных той же дорогой, по которой возвращался с Кавказа Пушкин с семьёй генерала Раевского в Крым: через Екатеринодар, Прочный Окоп, Ставрополь, Северное, Александровское, Георгиевск, Екатериноградскую... И далее по Военно-Грузинской дороге.

Описывая своё путешествие на Кавказ, Полонский вспоминал: «Только в ущельях поневоле я должен был ехать медленнее; направо — каменные утёсы до облаков, налево — обрыв и ручей... Что за места! Что за волшебные виды! Этот ручей, который всё время в горах не отстаёт от вас, так хорош, так быстр, так чист, с такой жемчужною струёй, с таким сладким шёпотом бросается с камня на камень, что, право, я влюбился в него, мне стало грустно, когда я расстался с ним. Мне хотелось всего его выпить или потонуть в нём... Наслаждение... предавшись на произвол судьбы, одному, посреди неприступных гор, лететь стремглав по узкой каменистой дороге, посреди густой, сверкающей зелени, задевая шапкой виноградные лозы, которые... висят над вами длинными гирляндами». Письма Полонского с рассказами, полными восторга об увиденном в дороге и посланными в Одессу друзьям, тоже вызывали невиданный подъём чувств.

Девятнадцать дней добирался Полонский до Тифлиса. Преодолев в повозке последний перевал, Яков увидел древний город как на ладо-

ни. Похожие на крепости дома из серого камня, прилепившиеся к склонам гор, храмы, жаркий день, яркое солнце. Полонскому — усталому путнику — в тот самый первый день казалось, что этот город затерялся в минувших веках. Полонский ещё не знал, что въезжал он в город поэзии, живописи, искусства музыкантов, поваров, ремесленников и каменотёсов. Позднее Полонский писал: «Тифлис казался мне столицей умственного развития за Кавказом. Беспреданно являлись новые проекты и новые планы, составлялись учёные экспедиции, археологические поездки, собирались естественные произведения края, читались лекции для публики, заводились библиотеки».

Служил Полонский помощником редактора газеты «Закавказский вестник». Газета издавалась канцелярией наместника Кавказа М. С. Воронцова, поэт числился в её штате. Это была местная губернская газета. Выходила она в Тифлисе. Её первый номер вышел в 1837 году, последний — в 1855 году. С 1837 по 1844 годы газета имела только официальный отдел. А с 1845 года — и неофициальный, «литературный». Редактор последнего — известный грузинский общественный деятель, историк П. И. Иосселиани. Платон Игнатьевич публиковал в газете интересные статьи по истории Грузии и Кавказа. Его перу принадлежат исследования «Летоисчисление грузинское», «Мардкопский монастырь в Грузии», «Давид, Царь Грузинский, Возобновитель (1089–1129)». Работа в канцелярии наместника Кавказа позволила Якову Полонскому шире

познакомиться с Закавказским краем. «Тифлис для живописца есть находка», — писал Полонский Льву Сергеевичу Пушкину.

Своё первое большое путешествие по Закавказью Полонский совершил, когда получил задание собрать статистические данные о Тифлисе и Тифлисской губернии. Собранный материал, личные впечатления от увиденного дали поэту обильную пищу для написания статей, очерков и стихотворений о Кавказе: «Тифлиссские ночи», «Письмо из Серого замка», «Делибаштала. Грузинская сказка (из путевых записок 1847 года)», «Климат в Тифлисском уезде», «Тифлис налицо и наизнанку», «Два незнакомца — живой и мёртвый», «Квартира в татарском квартале». Последний рассказ кавказского цикла «Тифлиссские сакли» Полонский опубликовал в журнале «Современник».

Жил Полонский в армянском районе ремесленников и городской бедноты. В свободное от службы время он бродил по старому Тифлису. Город привлекал его загадочностью своих узких улочек, немым величием Метехского храма, развалинами старой крепости под названием «Кала», театральными постановками, книжными манускриптами, рукописями поэта Саят-Нова и шумными восточными базарами.

В детстве Полонский случайно нашёл среди бумаг покойного дяди акварельный рисунок Тифлиса. Он был написан там, в Тифлисе, ещё во времена одного из покорителей Кавказа, генерала от инфантерии, князя П. Д. Цицианова.

Из него Полонский получил первое, возможно, не совсем ясное впечатление о древнем городе. В 1850 году Полонский писал: «...живо помню — рисунок изображал на первом плане реку, на втором нерусский город, уступами восходящий на гору, увенчанную крепостными стенами и башнями».

Увиденные своими глазами седой Кавказ, древний Тифлис, шумная Кура пленили Якова Полонского. Поэт признавался: «Тифлис очень картинный город...» Жизнь древней столицы Яков принял с восхищением. Единственное, чего не принимала его душа — государственную службу. Из Петербурга и Москвы чиновники ехали на Кавказ за новыми чинами, должностным денежным довольствием и наградами. А поэт Полонский прибыл на Кавказ за новыми впечатлениями, за новыми стихами. «Когда я поступил на службу и в первый раз проходил через канцелярию в кабинет директора Сафонова, я чувствовал к себе такое презрение... что смешно вспомнить... — признавался поэт впоследствии. — Мне казалось, что я уже не прежний, свободный как ветер, независимый, самостоятельный юноша. Слово начальник было мне невыносимо...»

И всё же пять лет, проведённые на Кавказе, сильно изменили Якова Полонского. В Тифлисе он был вхож в дом грузинского поэта и просветителя Александра Чавчавадзе. Здесь он познакомился с его дочерью Ниной, вдовой Александра Грибоедова. И посвятил ей одно из лучших своих стихотворений:

В Тифлисе я её встречал,
Вникал в её черты:
То — тень весны была, в тени
Осенней красоты.
(«Н. А. Грибоедова»)

Там же, в Тифлисе, Полонский повстречался с польским поэтом Тадеушем Лада-Заблочким. Находясь в ссылке, Тадеуш искал встречи с передовыми, образованными людьми России. В Полонском он видел именно такого человека. «Он стал посещать меня, — вспоминал Полонский, — читать книги, переводить мне стихи свои — и опять зажёт во мне неодолимую жажду высказываться стихами». Здесь, на юге, Полонский написал стихотворение «Ночь», которое литературоведы причисляют к вершинам русской лирической поэзии.

В 1849 году Полонский издал книгу стихотворений «Сазандар» («Певец»). Поэт включил в неё всего лишь двенадцать стихотворений. Их названия сами говорят о содержании сборника: «Горная дорога в Грузии», «Грузинская ночь», «Грузинская песня», «Кахетинцу», «В Имеретии», «Над развалинами в Имеретии», «Тамара и певец ее Шота Руставель», «Старый сазандар»... А стихотворение «Затворница» из этого сборника как бы оторвалось от имени автора и обрело самостоятельную жизнь:

В одной знакомой улице —
Я помню старый дом,

С высокой тёмной лестницей,
С завешенным окном.
Там огонёк, как звёздочка,
До полночи светил,
И ветер занавескою
Тихонько шевелил.
Никто не знал, какая там
Затворница жила,
Какая сила тайная
Меня туда влекла,
И что за чудо-девушка
В заветный час ночной
Меня встречала, бледная,
С распущенной косой...
(«Затворница»)

Как отмечала критика, в сборнике «Сазандар» («Певец») Полонский размышлял «о призвании и назначении поэта, о преобразующей жизнь силе поэзии, искусства, прекрасного».

Восторженное письмо прислал Якову Полонскому романист Г. Л. Данилевский: «В Москве я был в восторге за Вас! Вашему «Сазандарю» вся Москва до сих пор аплодирует... Ваш стих, по выражению молодой московской литературности, начинается там, где стих Пушкина поставил свою последнюю букву!..»

В Тифлисе Полонский писал не только статьи, стихотворения, но и много рисовал. В его альбоме сохранилось немало рисунков на кавказские темы. Среди них рисунки «Уголок старого Тифлиса», «Сакля Авлабара», «Караван-сарай

в Тифлисе», «Душет», «Аул в долине». На одном из рисунков карандашом Полонский запечатлел свою комнату в Тифлисе. Да, отмечают специалисты, не все они носят законченный характер. Но вместе с тем они дают представление о жизни и творчестве Полонского в эти годы.

«Над тобой небо Кавказа, — писал Полонскому Афанасий Фет, — небо, которое послало России столько пламенных вдохновений и святых поэтических молитв...»

Фет был прав: за годы службы поэт объездил Закавказский край, побывав в таких местах, списку которых мог бы позавидовать любой путешественник, — Алаверди, Ананури, Атени, Белый Ключ, Гори, Душети, Кутаиси, Манглиси, Марткопи, Коджори, Редут-Кале, Телави. Поэт забирался в высокогорные аулы и татарские селения, ездил в отдалённый Борчалинский уезд. Некоторое время жил в Кизляре и Моздоке, проехал по Черноморскому побережью Кавказа, бывал в глухих уголках Гурии, Имеретии, Кахетии, Менгрелии, увидел Армению и Азербайджан...

«Я был за Кавказом и по целым месяцам колесил верхом сотни вёрст по горам бывшего грузинского царства... бывал выше туч, прислушивался к ключам», — вспоминал поэт и действительный член Кавказского отдела Русского географического общества Яков Полонский.

Летом 1851 года Полонский покинул Кавказ. Он возвращался в Рязань, к больному отцу, по Военно-Грузинской дороге. Последнее прощальное стихотворение «На пути из-за Кавказа» помечено поэтом: «10 июня 1851 года». Оно на-

писано в дороге и передаёт состояние души поэта: на Кавказ он больше не вернётся.

И душа на простор вырывается
Из-под власти кавказских громад —
Колокольчик звенит-заливается...
Кони юношу к северу мчат.

Погоня! гаснет день за курганами,
С вышек молча глядят казаки —
Красный месяц встаёт за туманами,
Недалёко дрожат огоньки.

В стороне слышу карканье ворона —
Различаю впотьмах труп коня —
Погоняй, погоняй! Тень Печорина
По следам догоняет меня...

(«На пути из-за Кавказа»)

«В этом стихотворении — не только поэтический отклик на роман Лермонтова, но и признание Полонского в том, что ему, младшему современнику Лермонтова, были близки и созвучны размышления, чувства и образы, созданные его старшим братом», — писал известный лермонтовед Виктор Мануйлов.

Роман Лермонтова «Герой нашего времени» увидел свет в феврале 1840 года. После его выхода публицист, прозаик и издатель журнала «Маяк» С. А. Бурачек обрушился с критикой на автора, на Печорина, на других литературных героев. Степан Бурачек с раздражением писал,

что в «Герое нашего времени» «нет ни религиозности, ни народности». А Григорий Александрович Печорин есть клевета «на целое поколение людей», «в натуре этакие бесчувственные, бессознательные люди невозможны».

«В ком силы духовные хоть мало-мальски живы, для тех эта книга отвратительно несносна», — к такому заключению пришёл критик в статье «Разговор в гостиной», опубликованной в журнале «Маяк» за 1840 год.

Лермонтов читал критику Бурачека. Ко второму изданию романа 1841 года Михаил Юрьевич специально написал предисловие, в котором, в частности, ответил на критику: «Эта книга испытала на себе ещё недавно несчастную доверчивость некоторых читателей и даже журналов к буквальному значению слов. Иные ужасно обиделись, и не шутя, что им ставят в пример такого безнравственного человека, как Герой Нашего Времени; другие же очень тонко замечали, что сочинитель нарисовал свой портрет и портреты своих знакомых...»

Но, как установил Виктор Мануйлов, в черновиках рукописи после этих слов были ещё два более развёрнутых предложения: «Мы жалуемся только на недоразумение публики, не на журналы; они почти все были более чем благосклонны к этой книге, все, кроме одного, который как бы нарочно в своей критике смешивал имя сочинителя с героем его повести, вероятно, надеясь на то, что его читать никто не будет; но хотя ничтожность этого журнала и служит ему достаточной защитой, однако всё-таки прочитав гру-

бую и неприличную брань — на душе остаётся неприятное чувство, как после встречи с пьяным на улице».

Этих строк нет в окончательном варианте предисловия. Почему Лермонтов исключил их, мы не знаем. Возможно, поэт принял такое решение, исходя из русской поговорки: «Спорить с дураком — себе дороже». Бесспорно одно, что в этих строках Лермонтов имел в виду С. А. Бурачек и его журнал «Маяк».

Бурачек, скорее всего, читал второе издание романа Лермонтова и обратил внимание на строку про «несчастную доверчивость некоторых читателей и даже журналов...» После гибели Лермонтова Бурачек не оставил в покое «Героя нашего времени» и напечатал свой роман почти под таким же названием «Герои нашего времени». Роман увидел свет в девятнадцатом номере журнала «Маяк» за 1845 год, экземпляр которого хранится в отделе редкой книги Ставропольской краевой универсальной научной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова.

«Стражи «Маяка» боятся, что мы все, прочитавши книгу Лермонтова, — писал в редакцию журнала «Отечественные записки» студент Казанского университета А. И. Артемьев, — сделаемся такими же героями нашего времени, как и Печорин. Да чем же быть, гг. Максимы Максимычи? Скорее, мне кажется, надобно идти вслед за веком, нежели отставать от него. «Герой нашего времени», по крайней мере для меня, гораздо нравственнее, хотя в нём и нет огромных молитв».

А через одиннадцать лет вслед за Артемьевым, Белинским, Гоголем своё слово о «Герое нашего времени» сказал и Яков Полонский. «Тень Печорина» догнала и его.